

ОЛЬГА УШАКОВА

**ОНКОЛОГИЯ
ЛЮБВИ**

Ольга Ушакова

**Онкология любви.
Драма женственности**

«Издательские решения»

Ушакова О.

Онкология любви. Драма женственности / О. Ушакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853728-8

Героиня — Татьяна, телеведущая 50 лет, пережившая два развода и смерть ребенка, заболевает раком и обращается к врачу-психологу. В процессе лечения героиня начинает постепенно осознавать, что причиной заболевания послужили сложные и неустойчивые отношения с мужчинами. Героиня мысленно переносится в студенческие годы, и перед ней встают картины прошлого. Повествование происходит в двух временных плоскостях — настоящем и 80—90 годах прошлого века, в нем и разворачиваются основные действия романа.

ISBN 978-5-44-853728-8

© Ушакова О.
© Издательские решения

Содержание

Синописис	6
Об авторе	8
Предисловие	9
Рецензия	11
Онкология любви	13
Женька	21
Василий	37
Евгений	58
Жанет	82
Олег	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Онкология любви Драма женственности

Ольга Ушакова

Корректор О. В. Балашова

Иллюстратор В. С. Казарин

© Ольга Ушакова, 2017

© В. С. Казарин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3728-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Женщина, которой не идет серое». Худ. В. С. Казарин

Человек есть тайна. Ее надо разгадывать, и ежели будешь ее разгадывать
всю жизнь, то не говори, что потерял время;

я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Ф. М. Достоевский

Синописис

Героиня – Татьяна, телеведущая 50 лет, пережившая два развода и смерть ребенка, заболевает раком и обращается к врачу – психологу. В процессе лечения героиня начинает постепенно осознавать, что причиной заболевания послужили сложные и неустойчивые отношения с мужчинами. Героиня мысленно переносится в студенческие годы и перед ней встают картины прошлого. Повествование происходит в двух временных плоскостях – настоящем и 80—90 годах прошлого века, в нем и разворачиваются основные действия романа.

Чистая и романтическая девушка, впитавшая женские образы русской литературы, хочет встретить единственного на всю жизнь любимого, но сталкивается с эгоизмом, обманом и алчностью. Первый парень Женька бросает Татьяну по причине ее боязни близких отношений. Героиня не решает довериться, поскольку чувствует, что парень не любит, а только манипулирует девичьими чувствами. Она встречает Василия, который деликатным ухаживанием добивается расположения, однако после нескольких месяцев знакомства, он расстается с девушкой по этой же причине. Героиня с горечью констатирует, что невинность мешает отношениям и решает стать женщиной. Она встречает успешного спортсмена – Олега, влюбляется и отдается, но парень, испугавшись ответственности, отрицает невинность и обвиняет девушку в легкомысленности. В глазах окружающих она становится легкодоступной. Первый интимный опыт заканчивается нервным потрясением. Оправившись от болезни, Татьяна принимает ухаживания студента Виктора, однако не доверяется, и он мстит девушке. Героиня впадает в депрессию, забрасывает учебу и несколько лет избегает знакомств с мужчинами. Но приходит время создавать семью, и Татьяна начинает искать мужа. Для этого ей приходится вступать в отношения со многими мужчинами, но через весь роман проходит болезненная любовь к Олегу. Татьяна, перешагивая через себя, прогибаясь и подстраиваясь под каждого нового друга. Ее независимая натура бунтует, но генетическая память призывает к терпению и подчинению.

На своем пути она встречает развратника Вячеслава, нерешительного Ивана, пустозвона Петра, бездушного карьериста – Валеру, самодовольного самца-Николая, искателя богатого приданного-Стрельцова, женатого обманщика Александра, безвольного Мякина. Мужчины отказываются быть отцами ее детей и толкают на аборт. Женщина доходит до опустошения и нервного срыва. Оказавшись на больничной койке, героиня начинает осознавать, что катится в пропасть и на время отрешается от мужчин, обращаясь к творчеству. Затем встречает неопытного Сергея, соблазняет его и настаивает оформить брак. Через несколько месяцев муж начинает раздражать Татьяну инфантильностью, она тоскует по сильному плечу. Но глубинная причина кроется в том, что психика героини сломлена, и она не может создать семью, да уже и не хочет. Она уходит от мужа и встречает более взрослого Константина. Татьяна очарована интеллектом сильного Константина и не замечает, что он манипулирует ею. Прожив пять лет гражданским браком, она догадывается, что Костя подавляет психику и эксплуатирует ее.

Через весь роман проходит линия любовной игры с лечащим врачом. В процессе лечения, женщина понимает, что подвергалась психологическому насилию и стала жертвой. Это универсальная история современности.

Идея романа – отражение психологической зависимости женщины, душевной боли и радости.

Цель романа – показать женский нерв и в этом его уникальность. В романе живо передано как девочка превращается в девушку, в женщину, ощущения в период гормонального расцвета, отражены особенности физиологии в художественной форме. Философская мысль – трагизм бытия женскими глазами.

Фабула произведения основана на научных исследованиях американских медиков, которые исследовав более 5000 женщин пришли к выводу, что неустойчивые отношения приводят к сердечно-сосудистым, онкологическим и другим серьезным болезням.

Название романа носит двойной смысл – болезнь героини на почве неудавшейся любви, а так же отражение современных отношений и понятий о любви, которые больше напоминают опухоль.

Об авторе

Ушакова Ольга Дмитриевна около двадцати лет работала собственным корреспондентом крупных российских информагентств. Роман «Онкология любви» определяю как психологическую драму. Это произведение о том, что волнует каждую женщину.

Психологи утверждают, что женщине слишком больно вскрыть правду о сексуальной жизни. Надеюсь, мне это удалось, поскольку я изучала труды классиков психологии и литературы и философски осмыслила жизнь. Современные критики сетуют, что писатели мало отражают внутренний мир человека, а описывают действия, но о моем произведении этого сказать нельзя.

Своими главными учителями считаю Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, З. Фрейда, К. Хорни. Неистовое желание выразить несправедливость неравенства полов, подвигло меня взяться за перо. Более 10 лет я собирала материал, изучала тему и пять лет создавала собирательный образ современницы. До сих пор бытует мнение о том, что женщина – подруга человека. Эта несправедливость заставила взяться на перо.

Близкие по замыслу произведения – «Анна Каренина» Л. Толстого, «Трамвай «Желание» Уильямс, «Кроткая» Ф. Достоевского.

Общество, встав на путь сексуальной свободы, разрушила вековые традиции брака, но не позаботилось о выработке новых моральных ценностей и преодолении мужского шовинизма. В условиях потери мужественности общества, женственность становится опасной.

«Онкология любви» – это бунт против мужского культа, против убеждения о изначально порочности женщины, отраженной в романах Виктора Ерофеева «Русская красавица» и «Лолите» Владимира Набокова. Мне хотелось внести вклад в развенчание мифа о женском легкомыслии и коварстве. В цивилизации, построенной на культе силы, мужчины грезят о женской чистоте, зачастую толкая ее на порочный путь. Проституция – это изобретение мужчин в период возникновения собственности. И как удобно пользоваться продажными женщинами, обвиняя ее в безнравственности.

Книга издана 100 экз. во Владимире «Транзит Х» в марте 2017 года разошлась по 500—700 руб.

Судя по отзывам читательниц, героиня вызывает сопереживание и разногласия, но никого не оставляет равнодушным, читательницы ассоциируют себя с Татьяной. Все отмечают отражение жизненной правды. Привожу дословные отзывы читательниц: «Три дня читала и неделю была под впечатлением. Вот у меня так же ехала крыша в 20 лет. Ну, кто-то же должен был это сказать!» Мужчинам интересны мысли женщины в отношениях и движения женской души, они говорят – глубоко и оригинально.

Отзывы говорят о достижении цели – отражение собирательного образа современницы и предположение того, что роман найдет широкое признание.

Над вопросом неравенство полов, стала задумываться еще старшеклассницей. Произведение выросло из школьного сочинения «Что такое счастье?» Где я выразила мысль, что любовь должна быть на равных, что женщина должна проявлять себя в деятельности, совершенствоваться, а любовь должна основываться на чистоте и духовности.

Я не спешила накатать роман, закрутить сюжет и издать, но мне хотелось создать настоящее произведение и хотя бы дотянуться до уровня классики. Насколько это удалось – пусть судят читатели.

На двух каналах Владимирского телевидения прошли передачи о книге. Было много откликов и вопросов – где купить, где прочесть? www.6tv.ru/news/view/29172/ и variant-v.ru/tvprogramms/25800_vecher_vo_vladimire/

Предисловие

Тема взаимоотношений мужчины и женщины в мировом искусстве затрагивается с момента его возникновения. Практически каждое литературное произведение отражает тему любви в прямой или косвенной форме. Бурные эмоции встреч и расставаний, всепоглощающие страсти и конфликты, переживания и борьба полов, выливающиеся в драмы и трагедии, всегда будут будоражить человечество.

Великие произведения В. Шекспира и Гете, Д. Байрона и М. Сервантеса, Г. Ибсена и Б. Шоу, О. Бальзака и Г. Мопассана посвящены этой многогранной теме. Русские писатели А. Пушкин и Л. Толстой, Ф. Достоевский и М. Шолохов, А. Горький и Н. Островский, М. Булгаков и В. Набоков создали прекрасные и глубокие образы женщин. Даже неискушенный читатель знает, что подавляющее большинство из них создано мужским сознанием, тысячелетиями считавшимся главенствующим. Несмотря на величие мужского гения, он не может доподлинно пережить женские эмоции и мысли, комплексы и физиологические особенности.

Великие поэты XX века А. Ахматова и М. Цветаева приоткрыли завесу женской души и плоти в поэзии, но в прозе достойные произведения на эту тему можно пересчитать по пальцам. Женщина только начинает осмысливать и выражать себя без направляющего мужского мышления.

По утверждению Ф. Энгельса «Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое положение, чем выполнявшая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, frau – госпожа), да и по характеру своего положения и была ею. С развитием экономических условий жизни совершился переход от группового брака к единобрачию главным образом благодаря женщинам. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить помимо прочего уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до нашего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака. Только после того, как был завершён переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию – разумеется, только для женщин». (Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). С возникновением цивилизации началась история рабства женщин. Согласно свидетельству древних письменных документов, приведенных ученым Е. Вардиманом, «Пуп земли – это всегда мужчина, господин, герой, вершитель судеб. Женщина в хрониках если и упоминается, то как второстепенная фигура – это пассивные, незначительные, побочные персонажи. Во многих древних культурах женщина занимала положение раба, ей полагалось жить замкнуто и выполнять домашние и материнские обязанности. Мужчина был неограниченным господином в доме, недаром римляне называли его „отец семейства“. В Древней Греции женщина была другим существом, загадочным и угрожающим, манящим и соблазнительным».

Возникновение Евангелия, призывающего к «духовности», не изменило положение женщины. Это был социальный заказ общества, основанного на культе силы. Тысячелетиями мужчины ущемляли в правах, не давали возможности обучения и унижали более слабую половину человечества, лицемерно прикрывая свою снисходительность эпитетом «прекрасный пол». Вплоть до начала XX века женщина не имела права голоса в европейских странах, права прямого наследия, для нее были закрыты двери университетов. Мужчины отводили «прекрасной половине» пресловутое три «К» (Kinder, Küche und Kirche – дети, кухня и церковь).

Наглядное униженное положение женщины можно видеть и сейчас в странах Востока с сильными исламскими традициями, где до сих пор женщину принуждают жить в затворничестве, закрывать лицо и полностью подчиняться мужчине.

Но и в развитых странах мужчина продолжает утверждать свое превосходство посредством тяжелой руки. Так, в современной России от физического насилия мужей и сожителей ежегодно погибает около 15 тысяч женщин, не считая увечий. В европейских странах дела с насилием обстоят не лучше. Но в реальности эта статистика еще ужаснее, поскольку многие жертвы не обращаются в правоохранительные органы.

Потребовалось двадцать пять веков, чтобы человечество стало прислушиваться к замечанию великого философа Платона о том, что неразумно не использовать половину силы человеческой. Двадцатый век избавил женщину развитых стран от дискриминации и формально уравнивал в правах, но женщины только начинают осознавать себя самостоятельной личностью и заявлять о себе в науке, культуре и политике.

Колоссальные экономические и социальные преобразования прошлого века не повлекли соответствующих изменений в общественном мышлении, оно все еще формируется под влиянием традиций, коренящихся в первородном грехе женщины и сотворении Евы из ребра Адама. Мужчина продолжает смотреть на женщину с высоты господина, ассоциируя ее едва ли не с иным биологическим видом, сотворенным для удовлетворения мужских амбиций и удовольствий.

Но большая часть женской «загадочности» кроется в материнском инстинкте и заботе о возвращении детей. По причине физиологической особенности деторождения и длительного кормления грудного ребенка женщина более зависима от мужчины и сосредоточена на сексуально-эротической стороне жизни. Именно биологические особенности женского организма породили миф о загадочности.

Жан Лорви в работе «Мозг, пол и власть» утверждает, что у мозга нет пола. Превосходство мужского мозга есть не что иное, как социальный заказ, время которого истекает.

Тысячелетиями отстраненная от общественной жизни современная женщина едва начинает прозревать, и все еще остается, по выражению Симоны де Бовуар, «вторым полом» из-за ущемленного сознания.

Своим произведением я хочу показать образ современной женщины, сформированной под влиянием домостроя, но живущей в условиях сексуальной свободы общества. Героиня Татьяна Лакина жаждет оставаться в любви свободной личностью и одновременно хочет опереться на мужское плечо. Подсознательно она ищет мужчину духовно и интеллектуально сильнее, которому хочет подчиниться и возложить на него ответственность. Она хочет свободы, не понимая, что внутренне закрепошена. Такие поиски «второй половины» характерны для нашего времени; женщины ностальгируют по уходящей мужественности, мужчины – по уходящей женственности.

Я хотела приоткрыть «загадочность» женской души, выделить женский нерв, показать глазами женщины пресловутый вопрос противоборства полов. Насколько удалось справиться с этой нелегкой задачей, пусть решат читатели.

Своим романом откликаюсь на фразу А. Ахматовой:

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить,
Но, Боже, как их замолчать заставить!

Рецензия на роман О. Ушаковой «Онкология любви»

Современная женщина активно оспаривает традиционный антропоцентристский взгляд на человека, не приемлет патриархальные представления, что родиться женщиной – это горе, стремится активно утверждать себя в политике, бизнесе, искусстве. И мужчинам приходится с этим мириться, с трудом расставаясь с тысячелетним абсолютным господством. У современных женщин эгалитарные интенции тесно сопряжены со стремлением к счастью, под которым подразумевается, прежде всего, счастливая любовь – способность отдавать и получать заботу, понимание, поддержку, доверие, что является фундаментом создания крепкой семьи, рождения и воспитания детей. Однако на пути реализации этих вполне естественных желаний грозятся серьезные препятствия в виде двойных стандартов, гендерных стереотипов, религиозных догм, социальных установок, исподволь внушающих девочке, девушке, женщине, что она остается человеком второго сорта, слабой и ведомой, которая должна подчиняться и жертвовать собой.

Масс-медиа, семья, школа продолжают не так откровенно, как раньше, тоньше, деликатнее, но формировать у женщины комплекс неполноценности, зависимости от мужчины, глубинного страха не понравиться, не выйти замуж, остаться одинокой, брошенной.

В современном мире разрушены вековые традиции брака, новые не выработаны, а «нравственные законы внутри себя» не достигли должной высоты. Результатом социальных перемен XX века в обществе, в условиях сексуальной свободы, является растущая неустойчивость браков и безответственность обоих супругов. В дореволюционной России институт брака основывался на принципах «Домостроя», где главой был мужчина, и он же был главным кормильцем семьи и нес ответственность за нее. Принципы домостроя ушли в прошлое, но осталось желание главенства на одном основании силы и векового превосходства.

Современную женщину пронизывает постоянная противоречивость, которая слабо осознается: она пытается освободиться от оков несправедливой системы, порожденной мужчинами, и одновременно боится познать себя до самых глубин, подняться над женщиной-самкой, утвердить себя без вечной оглядки на укорененные социальные взгляды. Эту внутреннюю расколотость, неизбывный душевный надлом мы видим в главной героине романа – Татьяне. Она находится в невротическом поиске мужчины, который ценит бы ее как личность, как индивидуальность. Он – воплощение надежности и эротичности. С одной стороны, понимающий и заботливый партнер, которому можно довериться и которого хочется сделать счастливым, с другой – великолепный любовник, помогающий женщине избавиться от восприятия своей сексуальности чем-то грязным, порочным. Находясь во власти иллюзорных ожиданий, Татьяна сталкивается с реальностью, в которой большинство мужчин – сексуальные «использователи» или охотники за «выгодными» невестами, пренебрегающие переживаниями женщины, испытывающие безразличие к ее судьбе. В образе героини отражено женское бессознательное, переданы тончайшие движения женской души, метания между невротической зависимостью от мужчины и собственным достоинством. Язык произведения индивидуален и отражает современный динамизм. Автор мастерски показывает, как медленно, но верно угасает ее вера в возможность подлинной любви, как болезненно страдает ее душа, пораженная метастазами псевдолюбви.

*С. А. Заважин,
профессор ВлГУ*

Жертвам мужского деспотизма
посвящается

Онкология любви (Драма женственности)

Диагноз звучит как приговор. Всего три безобидные буквы – две гласные и согласная, но в какой ужас они сливаются. Едва вспомнишь, произнесешь мысленно, как внутри все задрожит: «Рак, рак, рак». И этот «рак» мгновенно разрастается в мозгу, пронизывает все органы, опутывает тело. И уже все перестает существовать: только это злое слово звенит в пустоте. Кажется, и сама я уже не существую, а подвешена между жизнью и смертью, между бездной и землей, и сколько мне еще отпущено... Этот «рак» слишком велик, чтобы вместиться в сознание. И все же кому-то удастся выкарабкаться, но кому-то нет. А что будет со мной, каков мой приговор? Что-то внутри подсказывает: время есть. Но где найти врача, который исцелит сдвинутые органы? Может, и есть такой целитель на белом свете, да как его найти? А ведь он нужен немедленно. Только на чудо надеяться можно, но разве это серьезно? Обидно уходить сейчас, это несправедливо, почему это случилось именно со мной? Что-то внутри подсказывает: еще есть время. И разве есть такой врач, который исцелит дребезжащие и сдвинутые органы? Может, и есть на свете такой доктор, да как его найти? А ведь он нужен немедленно. Только на чудо надеяться можно, но разве это серьезно?

И все-таки чудеса случаются, и они мне являлись. Умом понимаю: спасение маловероятно, а только сердце подсказывает: отойдешь от пропасти. Не знаю, как можно поверить разумом в спасение, каким чудесным образом это может совершиться? А что, если этот врач окажется необыкновенным? Непонятное слово «гомеопатия», неужели она может помочь, что стоит за этим словом? Не знаю, не понимаю, но чутье нашептывает: в нем есть нечто магическое. Остается только молиться, но пребывает страх, вдруг ничто не поможет?

Я вошла в кабинет и увидела крупного мужчину приятной внешности, сердце застучало: «А можно ли ему довериться?» Но его уверенный и ровный голос быстро успокоил. Я присела на край, и мы пристально смотрели друг на друга: он изучал меня, а я – его. Высокий лоб с залысиной, пронзительные и умные глаза, он вызывает доверие. Внешность располагает, мужчина привлекательный, хорошо сложен, женщины нравятся. Будь я моложе, ему лет 45—48, а я старше... Господи, прости, что за мысли лезут в голову? Похоже, я забыла, зачем пришла. Мне безразлично, какой он мужчина, важно, какой врач! Наверное, хороший, во всяком случае, похоже на то. Я облегченно выдохнула: кажется, есть надежда. Приятно довериться сильному и мужественному мужчине, жаль, судьба свела нас по печальному поводу. Интересно, могу ли я его заинтересовать? Увы, я уже не молода, хотя в прошлом году был любовник на двадцать лет моложе, а он в лучшем случае на пять, только любовник не знал моего возраста, а врач знает.

– Расскажите историю своей болезни, когда впервые заболели? – обратился доктор.

– В годовалом возрасте едва не умерла от ангины. Мама рассказывала, что уже задыхалась и храпела, врач сказал, надежды нет, но я выжила. А в два года чуть не умерла от двухстороннего воспаления легких. Мама в больнице лежала, а отец и дед напились и бросили меня на полу, к ночи печка погасла. Несколько дней пролежала в температуре, и врачи опять поставили на мне крест, но я выжила. После этого мама ушла от отца. В детстве часто мучила ангина, она дала осложнение на сердце. Лечили гормональными препаратами, я располнела, казалась себе уродливой и очень стеснялась.

– А что вы сейчас думаете по поводу своей внешности?

– Что симпатичная и у меня красивая фигура, есть недостатки, но маленькие недостатки придают женщине неповторимую привлекательность.

– А кем вы себя ощущаете в этой жизни?

– Космической частицей.

– Что, кем-кем? – удивленно и даже возмущенно переспросил доктор.

Я смутилась, наверное, это прозвучало неправдоподобно, но я действительно ощущаю связь с вселенной.

– Мне иногда представляется, что я маленькая частица в бесконечном пространстве, лечу по своей траектории, но подчиняюсь законам гравитации, иногда сталкиваюсь с другими частицами...

– А что чувствуете, когда сталкиваетесь с другими частицами?

– Боль и радость, но чаще боль.

– А что для вас главное в жизни?

– Любовь...

– Вы ее встретили?

– Сталкивалась, но не могу сказать, что она состоялась в полной мере, скорее нет, чем да, хотя до сих пор не знаю, какой она должна быть. В юности любовь вообразилась как гармоничное и полное слияние. Мне казалось, что я пришла в этот мир, чтобы любить и быть любимой. А сейчас думаю, бывают лишь мгновения любви, и надо дорожить ими, проживать до самого дна.

– Счастье для вас это именно любовь? А дети не могут быть счастьем?

– Мое представление о счастье расширилось, но без любви оно все-таки не полное. А дети должны рождаться от любви, иначе они становятся несчастными и больными...

– Вы росли в неполной семье?

– С четырех лет меня воспитывал отчим. Он относился ко мне хорошо, но я всегда чувствовала – у меня нет отца. Мама не любила его, в нашей семье даже не заикались о любви, будто ее и вовсе не существовало на Земле, мне очень хотелось любви.

– Непременно любви? Многие обходятся без нее.

– Да, живут, сначала терпят, а потом тихо друг друга ненавидят и калечат детей.

– Вы были разборчивы в мужчинах?

– Не знаю, я просто искала в мужчинах ум, благородство и понимание.

– Ну и как, нашли?

– Да, в книгах – «Золушка», «Спящая красавица», «Алые паруса», «Ромео и Джульетта».

– Желание стать Золушкой вполне понятно, но неужели вы хотели оказаться в роли трагической Джульетты?

– Меня потрясла подлинность чувства любви, образ этой любви захватил целиком, а когда я смотрела фильм, то плакала, но не в финале, а в любовной сцене. Мне очень хотелось пережить подобное чувство.

– А от чего вы страдаете более всего?

– От насилия...

– Вы часто подвергались насилию?

– Подвергалась, подвергаюсь и, наверное, до конца дней буду подвергаться.

– Вас муж избивает?

– Последние десять лет живу одна.

– Кто же вас насиливает?

– Да все и вся; мы живем в агрессивном мире, неужели вы это не ощущаете?

– Я – нет. А вам таким представляется мир?

– Да, именно таким. Стоит включить телевизор, компьютер или просто выйти на улицу, как на тебя обрушивается агрессия: прокладки, окна, аспирин, подгузники, такси, унитазаы, быстроденьги. И весь этот кричащий абсурд насилует глаза, уши, мозги. А когда на тебя обрушивается поток криминальных и катастрофических новостей, становится просто жутко, невольно приходит мысль: где же ты живешь? В каком обществе, в каком мире,

где надо постоянно бояться и обороняться? И вот когда вникнешь в смысл всего этого, так и удивишься, как это я еще до сих пор жива-то?

– Но можно не включать телевизор, многие так и делают сейчас.

– Не могу, я работаю на телевидении.

– И не можете привыкнуть к новостям, они вас постоянно тревожат?

– Не постоянно, но когда услышу о теракте, стихийном бедствии или техногенной аварии, представляю, что я могла бы оказаться там. От рекламы и новостей еще можно отстраниться, а вот когда начальство над тобой ежедневно измывается, деваться некуда. Сначала дают одно задание, потом другое, потом оказывается, что надо было выполнить первое или вообще никуда не бежать, а читать почту. Целый день кричат, сыплют указания, рабочий день заканчивается, а по существу ничего не сделано, потом ругают за это.

Бюрократия бесит, порой не знаешь, с чего день начнется, а с тебя требуют планы на каждый день, на неделю и на месяц. Большую часть времени и сил поглощают эти бессмысленные игры, а ведь у меня работа творческая. Редакция ругает, власти недовольны, пиарщики навязывают корпоративные интересы и все тобой манипулируют, и каждый гнет в свою сторону. Иногда такое чувство охватывает, что тебя на части разрывают. Доктор, ну разве можно привыкнуть к постоянному насилию?

– Но не так остро реагировать.

– Рада бы не реагировать, да как увидишь новые цены, так плохо делается: больше 20 лет живем в условиях высокой инфляции.

– Так пора уже привыкнуть.

– К тому, что тебя постоянно обворовывают? Вкалываешь, света божьего не видишь, что-то скопишь, а твой карман в очередной раз вытрясут.

– Я не замечаю такого насилия, как вы описываете, – вкрадчиво заметил Лазарь Сергеевич.

– Вы мужчина, вы сильнее, а я женщина.

– Что из того, что вы женщина?

– Доктор, неужели вы не знаете, что мы живем в мужском мире, в культуре, созданной мужчинами под собственные интересы? Мужчины поместили себя в центр вселенной, а мы вынуждены подстраиваться, прислуживать и удовлетворять их прихоти.

– А вам не кажется, что вы сгущаете краски?

– Нет, я констатирую факты. Вспомните библейскую заповедь: «Не муж для жены, а жена для мужа». В античной Греции женщина не имела даже права голоса, а в Древнем Риме жена была лишь орудием продолжения рода. Платоновская идея любви подразумевает любовь мужа к юноше. Да что и говорить, если Бог создал Еву из Адамова ребра. А если все эти свидетельства не узаконенная дискриминация – то что?

Врач бросил недоуменный взгляд и потупил глаза.

– Вот видите, доктор, вам нечего ответить.

– Давайте оставим Древний Рим в покое, сейчас у женщин равные права, и никто не придерживается устаревших традиций.

– Мы-то оставим Древний Рим, а вот он нас до сих пор не оставляет.

– И что вы хотите этим сказать?

– А то, что наша цивилизация приняла римскую модель развития, основанную на культуре силы. Хотя и закончилась эра разделения труда по половому признаку, и женское рабство постепенно отмирает, только слишком медленно.

– Да, за последнее столетие женщины отвоёвали все права и даже брюки прихватили, – иронично заметил он.

– Брюки надели, только хиджаб не сняли. Бесспорно, феминизм добился значительных результатов, но равенство все еще номинальное. В развитых европейских странах женщинам

платят в среднем на 20 процентов меньше, чем мужчинам. Кстати, многие мужчины вздыхают по уходящей эпохе, им так хочется держать верх над нами.

– А женщины разве не вздыхают?

– Кое-кто, может, и тоскует, но большинство отыгрываются и мстят за унижение; умные делают карьеру и не спешат замуж. Но как бы женщины ни возмущались и ни отвоевывали права, многовековая заповедь «жена да убоится мужа своего» все еще сидит в сознании и передается от мамы к дочке с молоком.

– Так уж с молоком?

– Если мужик вваливается пьяный да еще с кулаками, то и молоко пропадает.

– Это ваша история?

– Моей бабушки, но у меня тоже пропадало, хотя по другой причине. Конечно, сейчас женщины не столь смиренны, как сто лет назад, однако все еще терпят тиранию мужчин. Нельзя в одночасье преодолеть многовековое неравенство. А девочкам до сих пор внушают народные мудрости: «Плохой мужичонка лучше хорошей бабенки», а «Жена без мужа – поганая лужа». Ну а как вам такое выражение: «Муж любит жену, как душу, а трясет, как грушу»

– И вам это внушали?

– Не то чтобы внушали, но мама этими постулатами готовила меня к семейной жизни, а еще она любила повторять: «Запомни, самый невзрачный, самый низкорослый и никчемный мужичок строит из себя хозяина и куражится перед бабой».

– И вы соглашались с ней?

– Возмущалась, утверждала, что пришли другие времена, что женщина независима и может прокормить себя и своего ребенка. И совсем не понимала, почему я должна бояться своего мужа? Конечно, женщины становятся более свободными, но особенности женской физиологии, отменить невозможно. И в век космических открытий и нанотехнологий женщина по-прежнему хочет иметь семью, но, как и наши бабушки, мы не можем сделать предложение мужчине.

– Сейчас женщины и это делают.

– Можно сказать «давай поженимся», только так и отпугнуть легко; мужчинам все время кажется, что их хотят поймать. А представляете, что чувствует женщина, когда мужик ей отказывает? Это же прямое оскорбление.

– Почему же оскорбление, у нас же равные права?

– Физиология разная. Мужчина думает только об удовольствии, не понимает, что от секса рождаются дети, не хочет понимать и брать ответственность.

– Но мужчинам тоже иногда отказывают, их же это не оскорбляет.

– Вот именно иногда, и это исключение, которое лишь подтверждает правило. А когда женщина слышит «выходи за меня», это звучит как чудесная мелодия. Женщина никогда не забывает предложений, если даже она отказала.

– Будет вспоминать, если даже он ей не нужен, я правильно вас понял? – переспросил доктор.

– Да, потому что предложение придает нам уверенность, повышает самооценку. А если женщина отказывает, мужчина готов размазать ее.

– Неужели?

– Несколько раз мне приходилось отказывать, я видела, как мужчины дрожали от гнева и едва сдерживались, чтобы не ударить. Но самое возмутительное и бесчеловечное то, что мужчины приходят в бешенство от того, что не желаешь их видеть, а он себя навязывает силой! Этакая скотина, которой кажется, что если уж ты ему понравилась, то непременно обязана его полюбить, пусть даже тебя тошнит от него! Лазарь Сергеевич, почему вы так удивленно на меня смотрите, будто я говорю нечто неправдоподобное?

– Расскажите, что вас так волнует в этом вопросе?

– А то, что мужчины сильнее, вот и навязывают свою волю и преподносят свои желания благом для нас. В 15 лет я увлеклась велосипедом и понравилась главарю подростковой компании. Несколько раз он уговаривал подружиться, но я отказывалась. Однажды парни перегородили дорогу велосипедами, я на полном ходу врезалась и расшибла колени. Было больно до слез, но я ощутила собственную силу духа. Я поняла, что могу противостоять силе и почувствовала уважение к себе. После этого он перестал меня преследовать. Но если бы я знала, что это только начало, что всю жизнь придется противостоять мужскому насилию...

В 19—20 лет мужчины начали требовать не дружбы и любви, а тела. Возникло ощущение, если я кому-то понравилась, то должна под него лечь, причем с удовольствием, потому что меня выбрали, честь оказали.

– Вы подвергались физическому насилию?

– Было несколько попыток в такси, раз в попутке за сопротивление едва не выбросили из машины, но выдерживала натиск, боролась, грозилась судами и разбитыми стеклами, главное, я противостояла духом, и мужчины отступали. Но однажды я испугалась, и беды не удалось избежать. Я попала в разношерстную компанию и заметила, что один возрастной боров буквально пожирал меня глазами. Однажды он подстроил так, что мы остались вдвоем. Меня охватил страх, я бросилась к двери, однако он с силой залепив пощечину, повалил на пол. Я сопротивлялась, как могла, но силы быстро иссякли, испугалась побоев, пришлось сдаться.

– Что вы чувствовали?

– Ужас. Чужой, гадкий орган впился в нежную плоть, меня сотрясло отвращение. Все во мне напряглось и сжалось, я мышцами выталкивало его. Хам рассвирепел и ударил в живот, но более всего я испугалась его звериного гнева. Он больно сжимал грудь, толкал свою гадкую головку в меня, буравил нутро, терзал и мучил мое тело. Все во мне кипело от ненависти, хотелось плюнуть в морду, отрезать яйца, вонзить нож. Но я терпела, понимала, что намного слабее. Я только кричала: «кончай, скотина», а когда липкая вонючая сперма вылилась, я побежала отмываться.

Самое возмутительное, что этот хам заинтересовался, довольна ли я и каков он как мужик. Меня колотило от омерзения, а он возомнил, что доставил удовольствие, и предложил стать любовницей. Каким-то шестым чувством я поняла, что противоречить нельзя, подавив ненависть, ответила, что здесь в командировке и скоро уеду. Эту скотину обуяло такое самомнение, что он не расслышал ответ и продолжал твердить про какие-то подарки, театры, поездки, хвастался должностью, оправдывался, что не может жениться, потому как женат и имеет двоих детей.

От возмущения во мне все закипело. Как же этот зверь воспитывает детей?! Было только одно желание – чтобы он немедленно исчез. Мало того, он наградил меня трихомонозом. Долгое время я чувствовала отвращение к мужчинам, казалось, что все похотливые кобели. Я рассталась со своим парнем, хотя у нас были хорошие отношения.

Тогда мне казалось, что это самое страшное насилие, но лет через десять я поняла: когда подминает чужой мужик, это еще можно как-то пережить, потому как являешься жертвой обстоятельств. Но когда близкий и любимый человек использует тебя, заставляет переступить через себя и ломает под свои интересы – это еще ужасней. Ужас в том, что ты добровольно соглашаешься.

– Вас послушать, так все мужчины изверги.

– Не все, но около 65 процентов женщин, согласно данным европейской статистики, подвергаются физическому насилию.

– На вас тоже поднимали руку?

– Нет, меня спасало чувство опасности и мамина заповедь, что «нельзя мужика злить – может врезать». Однако мне не удалось избежать эмоционального насилия, так что и я попала в неустановленную статистику психической агрессии. Я не знаю, что хуже, когда тебя бьют или когда изо дня в день изоциренно ломают психику. Мне кажется, от насилия тела можно быстрее излечиться, чем от сломанной психики.

– Вы обращались к психотерапевту?

– Обращалась к Фрейду и его ученикам, в работах Карен Хорни нашла «Случай Клары» и поняла, что со мной произошло. Выходит, мой случай классический.

– Вы ощущаете себя больше несчастной женщиной или счастливой?

– Ни той и ни другой, скорее среднестатистической. Как слушаешь других, так все больше история, как у меня, только в разных вариациях. А женщин, которые в любви прожили, так их за версту видно: они светятся. Только редко встречаются, а все больше с потухшими глазами.

– А первый мужчина тоже насильно затащил в постель?

– Даже не пытался, сама влюбилась, до сих пор не пойму, что это было, наваждение какое-то. Но встреча была такой, как рисовалась в воображении: я выбрала его, а он – меня.

– Почему вы расстались, что он вам сказал?

– Много чего говорил, как вспомню, так задыхаюсь, сдавливает грудь. Дайте, пожалуйста, водички, внутри все пересохло.

– Ну, успокойтесь, все давно прошло, сейчас вы рассказали о насильнике, и так не волновались как о любви

– О любви еще больнее, ему доверилась, чистоту отдала, а он... тридцать лет минуло, а до сих пор обидно. Стоит заслышать его имя, как рана вскрывается. Как увидела его, меня будто околдовало, будто голову снесло. Совершенно необыкновенные ощущения охватили; мы сближались, как две планеты, казалось, созданы друг для друга. Это чувство было столь ясным, захватывающим и настоящим: не поверить было просто нельзя. Даже сейчас, стоит вспомнить нашу встречу, как прошлое во мне оживает, словно это было вчера. Я думаю, любовь именно так и начинается.

– Почему же вы расстались, что он вам сказал?

– Повторить не могу, как вспомню его искривленное лицо, играющую ухмылку в уголках рта, но началось не с него...

– Что именно началось?

– Разочарование. Доктор, а может, приступим ближе к делу? Возьмите список перенесенных болезней, он получился на двух листах.

– Вы болеете всю жизнь, так что у вас одна болезнь переходит в другую, – сказал он, прочтя листок. – Ваш организм борется из последних сил, и следующая болезнь будет с летальным исходом, вы это понимаете?

– Понимаю, – ответила я, – и услышала дрожание собственного голоса.

– Какая это будет болезнь?

Я оторопела, он озвучил мои мысли, как это возможно? Вот уже год, как это слово не дает покоя. Внутри все сжалось от страха, я не могла разжать рот. Повышая голос, он повторил:

– Какая это болезнь, вы знаете?

– Да...

– Какая? – действительно требовал врач.

– Рак, – тихо выдохнула я, и тотчас усомнилась: это я о себе, это мой собственный голос? Неужели все это происходит со мной? Но в голове болезненно зазвенело: «Рак, рак, рак».

– Я вылечу вас, и у вас еще будет любовь.

– Какая любовь? Я больна, все органы смещены и скованы, будто заржавели, а вы про любовь...

– Причиной многих болезней служит напряжение организма, оно ударяет по слабому органу.

– Вы хотите сказать, что я заболела из-за любви?

– Возможно, но редко бывает одна причина. Я вылечу вас, и вы будете жить долго.

В ответ я слабо улыбнулась. Но его уверенность передалась мне, и тревога улеглась. Но охватило недоумение: как странно он произнес «у вас еще будет любовь», в его голосе слышится интрига, как будто он сам собирается полюбить? Ну и пойми, что он хочет сказать. Кажется, смотрит на меня не только как на пациентку. Даже смешно, как можно смотреть на увядающую красоту с интересом, когда к нему обращается много молодых? Неужели он из тех редких мужчин, которые способны полюбить за благородство души, а не за красоту ног? Я пришла к нему с болями и страхами, а он мне про любовь.

– Вы интересный человек, редкая женщина.

Я удивилась сказанному, и недоуменно подумала: неужели кроме лечения могут быть еще какие-то отношения?

– Я бы с удовольствием пообщался с вами вечером, но у меня званый ужин, а завтра я уезжаю, – неожиданно произнес доктор, – я провожу вас.

В прихожей он подал пальто, и меня обдало волной нежного тепла, в сердце полыхнуло: неужели может полюбить? Я растерянно глянула на него и спросила взглядом: что происходит?

Врач приблизился, казалось, еще мгновение и он бросится с объятьями, и наши губы сольются. Я потерялась, происходящее казалось сном, воображением, но никак не действительностью. Мой взгляд непонимающе скользил по его лицу, пытаюсь разгадать, что кроется за этим, и вдруг упал на его брюки: они были оттопырены. Большой и сильный мужчина стоял передо мной, словно растерявшийся мальчик. Мне показалось, что нам обоим не больше 20 лет и все только начинается. Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, и многозначительно улыбнулась. А он сексуальный мужчина, конечно, не такой, как мой Кеша, но тем не менее...

– Я даю вам лекарство, наблюдайте за собой, ведите дневник. В следующий раз я пригляжу в кафе.

Я вышла из кабинета совершенно обескураженная: неужели меня еще можно полюбить, но эта реакция? Какой курьез: я к нему с болезнями, а он ко мне с любовью. Я рассмеялась, видимо, заинтриговала «космической частицей», наверное, впервые услышал подобное самоощущение. Хотя, ну что тут особенного, мы все состоим из атомов Вселенной. Есть даже такое мнение, что человек – это космическая пыль, образовавшаяся от большого взрыва.

Но неужели я заболела из-за любви, вернее из-за ее отсутствия? Давно подозревала, но это сомнительно: медицина – наука точная, а любовь – это нечто эфемерное, какая тут взаимосвязь?

Всю жизнь хотела встретить мужчину, который заметил бы не только мои ноги, но и душу. И вот теперь, когда увядает тело, когда ноги расцвели звездочки и вены, лицо избородили морщинки, встретила такого человека? Совершенно невероятно, неужели он может полюбить за глубину души? Конечно, Лазарь Сергеевич не обычный мужчина, он заглядывает в человеческую сущность, и все же не верится, что так бывает; уж слишком необычно. К тому же он нравится женщинам, а вокруг полно молоденьких медсестер и врачей. Он интересный, настоящий, в нем чувствуется мужественность.

Главное, надо выздороветь, но все-таки приятно, это явный намек на любовь, и он дает импульс к жизни. Но какой поворот – пришла с болями и страхами, а вышла с надеждой, верой и обещанием любви. Это похоже на настоящее чудо – и как же не верить в чудеса. Я почувствовала прилив сил и повеселела...

С чего же началось мое душевное заболевание? Наверное, с первой любви, как же давно это было, будто бы и вовсе не со мной. Я выпила горошины и провалилась в сон.

Яркий солнечный свет заливал комнату, когда я открыла глаза и ужаснулась: полдень. Странный сон приснился, не могу вспомнить, но обволакивает впечатление: что-то чудесное и чистое, на душе покойно, как в детстве. Ах, да я стояла под кленами в старом дворе, ждала Женьку, мне шестнадцать: я влюблена.

Женька

Женька – парень видный, а я обыкновенная, он не замечает меня, к тому же он в десятом классе, а я в девятом. Улыбка у него особенная, загадочная и обаятельная, будто в облаках летает и знает какую-то тайну. Он не замечает меня, ну и пусть, я хочу лишь изредка его видеть. Каждое утро просыпаюсь и мечтаю встретить, но когда случайно сталкиваюсь, дрожат колени – вдруг догадается о моих чувствах? Я успокаиваю себя: чего боюсь, откуда он может знать мои мысли? Прохожу мимо – ну и все. А когда он скрывается из виду, поднимается удивительная радость: какой же он необыкновенный! Хочется петь от счастья, душа устремляется ввысь, и все вокруг преображается: дома, деревья, школьный забор и даже котельная.

Однажды я столкнулась с ним в переулке, он окинул меня взглядом, и меня пронзило: будто сама судьба заглянула в глаза. И вдруг озарило: я влюбилась! В радостном возбуждении я влетела в класс. Одноклассница, взглянув на меня, воскликнула: «Да ты вся светишься! Что с тобой?! Знаешь, какие у тебя глаза? Как у Марьи Болконской! Девчонки, посмотрите, у Татьяны глаза как у княжны Марьи, правда?» Мы как раз «Войну и мир» проходили. Множество пар любопытных глаз впились в меня, и охватил ужас: «Теперь все знают, что я в него влюблена!» Показалось, будто меня раздели и выставили напоказ, я залилась краской, а потом услышала: «Да она просто влюбилась». Я успокоилась, ничего не поняли, и для них влюбиться – обычное дело, а для меня – необыкновенное. Я отговорила, что просто весна, что солнышко и птички прилетели. На этом обсуждение закончилось.

Однако сравнение с княжной Марьей запало в душу. Я знала, догадывалась: во мне есть нечто необыкновенное, и вот услышала: светятся глаза. Княжна была совсем некрасива, но ее полюбил герой за чистоту и глубину души. Пусть он сейчас не замечает, но когда-нибудь обязательно увидит мои необыкновенные глаза и мою душу, и уже не сможет пройти мимо, ведь мы очень похожи, не знаю, чем именно, но чувствую. Надо только надеяться, ждать и верить. А может, я вовсе не люблю, а только воображаю? Выбрала объект любви и обманываю себя? Ведь надо же кого-то любить, а иначе в душе пусто. Боюсь этого слова «люблю»: оно очень ответственное, а я не знаю, буду ли любить всегда?

Мне девятнадцать и меня одолевают сомнения, люблю ли я его? Не знаю, но я его жду, выходит, три года жду и не люблю? С ума сойти можно. Конечно, люблю, только иногда сомневаюсь, трудно ждать, все сложно и запутанно. И как в любви разобраться, когда сама в себе никак не разберусь. И ждать его вовсе не собиралась. Да если бы мне кто-нибудь сказал, что буду ждать, я бы просто рассмеялась. Когда услышала, что его в армию забирают, я даже обрадовалась: с глаз долой – из сердца вон! Все равно ничего не выйдет, напрасно страдаю – вот что я тогда подумала. Хотя нет, совсем не так все было. Когда его одноклассник Сашка сообщил, что Женьку в армию забирают, я обомлела, будто обухом по голове стукнул – забирают! Да как же так? Как без него жить? Я не плакала, а села на койку и окаменела. Время во мне остановилось, ничего не видела, не замечала, в голове звенело: как же это так – забирают? Куда и зачем, почему вдруг забирают?! Очень хотелось заплакать, заголосить, но слез не было, а было одно большое горе. Я очнулась, когда стемнело.

Мне захотелось разделить свое горе с кем-нибудь, чтобы хоть немного отлегло. Но поделиться не с кем, с подругами нельзя, засмеют. Сашка нарочно это сказал, чтобы больно сделать, потому что давно ему нравлюсь. И я пошла к маме. Несколько минут она молчала, а потом огорошила:

– Бросил институт, так пусть идет, ему полезно, поумнеет. И что ты в нем такого нашла, чтобы убиваться?

– Сама не знаю, люблю, наверное.

– Нашла в кого влюбиться! Лучше бы Володю полюбила, серьезный парень, или Сашку, ты ему давно нравишься, и живут они по соседству, как хорошо было бы, если бы вы поженились, конечно, когда институт кончишь.

– Оставь меня вместе со своим Сашкой. Это он мне сообщил новость, да еще с радостным ехидством! Я еще и в институт не поступила, а ты уже замуж меня прочишь, все у тебя по расписанию! Но про себя подумала: «А правда, что же я в нем такого нашла?» Через неделю, когда свыклась, утешала себя: все, что ни делается, – к лучшему. За два года забуду, может, другого встречу. Я ему не нравлюсь, так что пусть уходит в армию, пусть куда угодно уходит, и чем дальше, тем лучше. Да и что он для меня? Школьная любовь, да это и не любовь, а так увлечение или болезнь, только жить мешает. Пусть идет в свою армию, а я другого встречу, который будет меня любить.

А если за два года не встречу никого лучше? К тому времени я похорошею, он заметит меня. Но только без всяческих мучений и страданий. А сейчас мне не до любви, экзамены, потом в институт поступать.

Осенью, когда стала студенткой и экзаменационные заботы и страхи остались позади, вдруг ощутила страшную пустоту, поступила в институт – ну и что дальше? Что, вся жизнь в учебе? Сначала только смутно догадывалась, что мне не хватает чего-то важного. Вскоре поняла, раньше мои мысли и думы были заняты Женькой, но сейчас у меня нет даже мыслей о любви. Хоть бы кто-нибудь мне понравился, но ведь даже взгляд остановить не на ком, и никто меня не интересуется.

Однажды осенью ко мне пришел Сашка. Мы сидели, непринужденно болтали, пили чай, и он, будто между прочим, обронил: «Женька в Ташкенте». Эта тихо брошенная фраза оглушила, перед глазами встал Женька: он стоял и улыбался своей обворожительной улыбкой. Мне будто вонзили нож в сердце. Я не могла двинуться и только недоумевала, почему болит? Полгода о нем не вспоминаю... Отчего больно, неужели люблю?

Сашка еще что-то говорил, но я уже ничего не слышала, внутри разрывалась одна-единственная новость: Женька в Ташкенте! Мне хотелось только одного – остаться наедине со своей болью: «Женька в Ташкенте!» Под кожей зудело недоумение, одно имя взорвало, но почему? Казалось, совсем забыла, но отчего же болит, неужели люблю? Полгода не вспоминала, а сейчас будто увидела Женьку. А почему должна забыть, только потому, что он уехал? Что, собственно, изменилось? Здесь был – любила, а как уехал – выходит, разлюбила? Это пошло и фальшиво, на предательство смахивает, я же всегда осуждала ветреных девиц. Но я не легкомысленная и хочу настоящих чувств. Выходит, не забыла его, пыталась вычеркнуть, но он жил во мне тайно, а сегодня встал во весь рост и заявил о себе. Оказывается, я не властна над любовью, она живет помимо моей воли; непонятно больно, но с этим ничего не поделаешь. Наверное, любовь не бывает без грусти, я ведь не знаю, какой бывает любовь. Я пыталась избавиться не от любви, но от боли, а если любовь неотделима от страданий, то я выбираю любовь: лучше страдать, чем чувствовать себя неживой.

Меня осенило: все это время я была какая-то замороженная. А сейчас мне больно, но я оживаю. Всю ночь вертелась с боку на бок и гадала, что делать с Женькой? Под утро решила: будь что будет, но бороться с любовью бесполезно. Без любви и жить не для чего. Моя душа проснулась, наполнилась живительными соками, и все во мне потянулось к жизни. Любовь воскресила меня и наполнила светом. Пусть он далеко, но мы ходим по одной земле, он на чужой стороне, наверное, скучает по родным местам. Я хочу говорить с ним, приблизиться к нему и чувствовать его. И надо что-то делать, но что? Можно написать. Только как он к этому отнесется? Это будет нескромно, будто навязываюсь. Но эта мысль, однажды залетев в голову, засела и уже не оставляла в покое.

Я посоветовалась с близкой подругой. Она посоветовала написать, уверив, что они в армии рады любой весточке из дома. Но предупредила, что письмо должно быть дружеским,

без всякой любви, и я села писать письмо. Каждый день исписывала по несколько листов, потом рвала и начинала заново. Новости об общих знакомых и студенческой жизни дышали письмом пушкинской Татьяны:

Я к вам пишу – чего же боле?

Что я могу еще сказать?

Через две недели письмо было написано, оно вышло приветливым и лиричным под стать осени. Жизнь вновь обрела смысл: я люблю, я живу и это главное! Я поняла: жить надо для любви. Если очень чего-то желаешь, ждешь и веришь – это обязательно сбудется. Я опустила письмо в почтовый ящик и остро почувствовала одиночество. Ведь когда я писала, то мысленно обращалась к нему, разговаривала с ним, а теперь все вокруг опустело. У меня есть только математика и физика, но я не люблю их, я не знаю, чего хочу в жизни, только одно знаю – хочу любить и быть любимой. Я сказала себе: «Ответ не жди, он не напишет. Если не ждешь, то не будешь и разочаровываться». И все-таки я ждала и каждый день с тревогой заглядывала в почтовый ящик, а вдруг?

Однажды пришло письмо с треугольной печатью, написанное незнакомым почерком, и меня пронзило: Женька! В голове радостно стучало: не может быть! Но сердце вещало: «Он!» Чувствую, это он, скорее проверить! Руки дрожали и не слушались, перервав половину конверта, я извлекла письмо, развернула и ахнула – строчки мельтешили и набегали друг на друга. Да оно не на русском языке! Как же он написал, что ничего нельзя разобрать, гадала я, может, письмо вовсе не мне, или это не он? Да кому же еще, если на конверте – моя фамилия. Да и как же не от него, ведь ясно стоит – Ташкент. Но где же видно, что это именно он, когда только в/ч. Может, какое-то недоразумение? Чего только не бывает на нашей почте? Но тут в глаза бросилась в конце размашистая подпись – «Евгений»!

Как могла сомневаться, когда сердце чуяло: он! Скорее прочесть, а вдруг ошибка, совпадение имен, а на самом деле письмо вовсе не мне? Строчки прояснились, но читались только отдельные слова, смысл ускользал, но главное, стало ясно – Женька ответил. И я успокоилась. Но что он пишет? Может, вообще послал подальше? Как-то я об этом не подумала, пусть не грубо, но намекнул, а я от счастья на седьмом небе. Надо успокоиться и внимательно прочесть. Письмо в моих руках, оно не пропадет, а если что плохое – изменить все равно невозможно. Главное, ответил, а мог бы промолчать, теперь ясно: он ответил и надо взять в толк, что пишет. А вдруг послал, надо постараться забыть, а может, это вовсе не так? С третьего прочтения я поняла, что он вовсе не сердится и даже приятно удивлен, что его помнит еще один человек. Но самое замечательное было в конце письма, он спрашивал, как прошел осенний бал в школе. Вот оно – самое главное, тонкий намек, что он не против ответа! Счастье, какое счастье, можно с ума сойти! Конечно, не ждет – но и не против! Теперь у меня есть надежда, совсем малюсенькая и еле теплится... однако есть! А ведь раньше и этого не было. Я буду вкладывать в письма свое тепло, свою душу, я буду ждать, и он поймет, какая я необыкновенная, верная, нежная и прекрасная, а главное – настоящая. Его письмо дышит грустью, он тоскует: всем хочется настоящих чувств. Я счастлива ожиданием!

Счастье обрушилось на меня, и уже не было ничего, кроме него. Две недели я не ходила, я парила в небесах. Я читала и перечитывала письмо по несколько раз в день, хотя знала его наизусть. Но я снова и снова разворачивала листок, смотрела на милые строчки и думала, они написаны его рукой, он обращается ко мне – Господи, какое счастье! Ведь когда он писал, то чуточку думал обо мне. На десятый день радость улеглась, и охватило сомнение: ну напишу и что дальше? Все равно я ему не нравлюсь. За советом я обратилась к подруге:

– Люся, что мне делать?

– Как что, – улыбнулась она, – пиши.

– У него есть девушка, говорят, красивая, так зачем мои письма?

– Не слушай никого, а девушка не дождетя.

- Почему ты так думаешь?
- Потому что ждут редко, тем более красивые.
- Мне тоже так кажется, только и я ему не нужна.
- Нужна – не нужна... Ждать надо, если любишь, а не гадать!
- Ты думаешь, если буду ждать, он полюбит?
- Знаешь, мужчин это очень трогает. Мне кажется, именно так и будет. Верность редко встречается, и нет такого парня, который бы не мечтал, чтобы его ждали.
- Наверное, ему моя внешность не нравится?
- Почему, ты девочка симпатичная. Да ты в зеркало на себя посмотри! Очень даже симпатичная.
- Я готова ждать, но, Люсенька, а вдруг он придет и отвернется? Зачем я буду ждать, если ничего не получится?
- Получится – не получится... Не то все это, ты разберись в своих чувствах, и если любишь – жди, заранее не изводи себя.
- Люся, в душе я тоже так думаю, но ведь страшно и тяжело ждать, тем более когда такая неизвестность.
- Но если не ждать – то уж точно ничего не получится! Ты ничего не потеряешь, если сделаешь все возможное для настоящей любви.
- А ты сама-то веришь в нее?
- Я – верю.
- Покажи мне ее в жизни.
- Настоящая любовь – большая редкость, но ее надо ждать. А если не ждать и не верить, то любовь никогда не встретишь. Надо сделать все возможное для того, чтобы она пришла. А не будешь ждать, он придет, а ты никакой радости не испытаешь, а только помотришь и подумаешь, интересно, какой он в действии?
- Как это в действии? – удивилась я.
- Ну как он целуется, как обнимает и все такое. А если ты будешь ждать, то будешь счастлива!
- Я тоже так думаю, но большинство девушек не верят в любовь, встречаются без разбора, лишь бы парень был.
- Так они и счастливы не будут, ну просто выйдут замуж.
- Люся, я так рада, что тебя встретила. Ты единственная из всех знакомых, кто верит в настоящую любовь. Я уже стала сомневаться, но в душе все равно думаю: есть любовь и надо ее ждать! А иначе как же жить на белом свете? Да и зачем жить, если нет ничего настоящего?
- Она взяла меня за руку и, глядя в глаза, проникновенно произнесла:
- Я думаю, ты будешь счастлива, ты умеешь любить. А сейчас успокойся, не спеши с решением, сердце подскажет, что делать. Но если будешь ждать, то не встречайся ни с кем, а то растеряешь любовь, по крохам, незаметно – с одним в кино, с другим на танцы, с третьим в кафе. Если ждать, то по-настоящему! А если с другими крутить, то это не ожидание.
- Заметив мое замешательство, подруга завершила:
- Помни, если дождешься – будешь очень счастлива. Любовь придет как награда, настоящая и большая. Все ее хотят, но мало кому удастся ее встретить, потому что ее надо ждать, в нее надо верить.
- Этот разговор запал в душу, и я понимала: Люся права. Быть счастливой? Кто же об этом не мечтает? От одной мысли дух захватывает. А я ведь была счастлива и даже очень, всего несколько минут, но каких чудесных, каких изумительных! На вечере встречи с выпускниками я стояла у стенки, следила, с завистью наблюдала, как он берет за талию очередную красивую девушку, как смотрит на нее, как обворожительно улыбается. Если бы он пригласил меня, если бы хоть раз вот так посмотрел на меня, я бы умерла от счастья. Только этого

не будет, но, возможно, наступит день, когда он заметит и улыбнется обволакивающей улыбкой. Мне кажется, это когда-нибудь случится, просто время мое еще не пришло. Я непременно стану хорошенькой, я чувствую: скоро расцвету, надо набраться терпения, буду ждать столько, сколько потребуется, думала я, понуро стоя у стены, хоть бы кто-нибудь пригласил, чтобы поближе разглядеть его, а вдруг он сам подойдет? Сегодня за весь вечер меня только один парень пригласил, как же я могла надеяться на Женьку – он выбирает только красивых девушек.

Объявили последний танец, грянула моя любимая «Yesterday» из Beatles, и пары поплыли в танце. Внутри упало, меня опять никто не пригласил, лучше пойти домой, надеяться все равно не на что. Вдруг невдалеке увидела Женьку и взволнованно подумала: кого пригласит? Счастлива та девушка, которая будет с ним танцевать. Сердце неожиданно стукнуло: а вдруг меня? Я смотрела на него во все глаза, вбирая его обаятельную улыбку, неизвестно, когда еще увижу, он теперь студент. Я слышала, как бьется сердце: он рядом, а я уставилась, это некрасиво, надо опустить глаза. Наверное, уже пригласил, не успела рассмотреть, теперь и вовсе не увижу. Я подняла глаза и вдруг перед собой увидела Женьку. Внутри заглодело, я не верила своим глазам: меня? Или это чудо, или какая-то ошибка? Он протянул руку именно мне, это чудо, но это правда. Я была ни жива ни мертва, неужели он держит мою руку, и я танцую с ним?

Счастье накрыло с головой: от нервного напряжения меня сотрясала дрожь, я вижу его глаза, его губы невозможно близко, в это трудно поверить, но это так. Хочу запечатлеть его в себе надолго, даже не снилось такое счастье. И все-таки сейчас я не могу понравиться, но главное, он заметил меня: чудеса свершаются! Он что-то говорил, я что-то спрашивала, но от счастья ничего не понимала, а только видела его глаза и губы, он улыбался мне.

Пять минут счастья длиной в целую бесконечность! А если любить и быть любимой? Представить невозможно, какое может быть огромное счастье, одну только возможность стоит ждать. Я сделаю все, что от меня зависит, я дождусь его.

Но через несколько месяцев моя решимость сдалась, а надо ли ждать, разве ему это нужно? Но получается, я сама себя предлагаю, а вдруг он отвергнет? Девушка не может себя предлагать, может только считать дни и надеяться, но это трудно и неразумно. Но если не ждать и не надеяться, то вообще ничего не будет. Я так ничего и не решила, жизнь подвела сама, я просто писала и ждала ответы. А когда получала конверт с заветным треугольником, летала от счастья и уверяла себя: он поймет, какая я необыкновенная. Если очень хотеть, верить и ждать – это непременно сбудется!

Однажды ко мне нагрянули одноклассницы с подарками по поводу моего дня рождения, прошедшего полтора месяца назад. Я очень удивилась и даже растрогалась от неожиданного внимания. Мы пили чай, разговаривали об одноклассниках, и все вроде шло обычным образом, но меня не отпускало ощущение подвоха, в школе не поздравляли, а тут с подарками явились. Недоумение прояснила Люба:

– Правда, что ты переписываешься с Женькой?

Вот зачем пожаловали, любопытство заело, даже на подарки разорились, а я-то глупая думала, соскучились.

– Правда, – ответила я, рассчитывая, что на этом тема закроется, однако на меня посыпались вопросы:

– А ты с кем-нибудь встречаешься?

– Нет... а что?

– А почему?

– Не нравится никто.

– Что, Женьку ждешь?

Я растерялась, им-то какое дело? Да еще в тоне прокурорского допроса. От наглости я онемела. Почувствовав мое замешательство, они накинулись:

– Да он тебе от скуки пишет! У него и без тебя хватает. Отвечай от нечего делать, а ждать-то зачем?

– Я не говорила, что жду, – возразила я.

– И говорить не надо, по лицу видно. Дурочки вроде тебя ждут, а они приходят и на других женятся или вообще с женами возвращаются.

– Ну, он-то с женой не вернется, на границе баб нет.

– Не переживай, вернется и наверстает, а на тебя наплюет, представляешь, как это будет?

Почему они так нагло разговаривают, будто я преступление какое-то совершила, возмущенно думала я.

– Ну а вы что беспокоитесь, вы вроде никого не ждете?

– Тебя жалко, такие дурочки руки на себя накладывают.

– Не беспокойтесь, я вешаться не собираюсь.

– Неужели ты никого найти не можешь?

– Я не ищу никого.

– Вот именно, Женю ждешь, потому ни с кем не встречаешься.

– Я же сказала, никто не нравится.

– И не понравится, если сидеть дома... или что-то обещал тебе?

Ах, так вот они зачем пожаловали, вызнать, не обещал ли жениться. Ну, это уж слишком, да еще прокурорским тоном. Я раздумывала, то ли заткнуть их, то ли сгладить конфликт. Мое молчание их встревожило и они переспросили:

– Он же тебе ничего не обещал? Или уже обещал, что молчишь?

– Ничего не обещал, – ответила я, усмехаясь про себя, – не волнуйтесь.

– Ну и зачем тогда ждать, ну кто тебя просил?

– А разве об этом просят?

– Дурочка, он на тебе никогда не женится!

– Об этом я не думаю, мне только восемнадцать исполнилось...

– А зря не думаешь, пора и подумать, ведь когда он вернется, тебе уже 19 стукнет, а молодость быстро проходит, останешься у разбитого корыта.

– Рано еще о замужестве думать, только школу закончили.

– Смотри, потом никому нужна не будешь.

– Ну а вы-то уже нашли себе женихов?

– Сейчас о тебе речь идет.

– А я сама разберусь, – тихо, но твердо возразила я.

Они, видимо, поняли, что переборщили, и попытались оправдаться:

– Ты не думай, что мы вмешиваемся в твою жизнь, мы ведь от чистого сердца, тебя жаль, ты ведь наивная. А мы хотим глаза раскрыть – тебе надо парня заиметь!

– Будто собачку заиметь – съязвила я, – а сами заимели?!

Они замялись и не ответили.

– Вот вы найдите хороших парней, а потом и будете учить.

Я едва сдерживалась, чтобы не сорваться, во мне клокотало возмущение, куклы крашенные, у них даже в голове не укладывается, что ждут, потому что любят. И никаких гарантий у любви быть не может. Еще одно грубое слово – и разражусь бранью, сама боюсь, что их карканье сбудется, но нельзя показывать боль.

– За подарки спасибо, но день рождения давно прошел, заберите их.

– Нет, ну что ты, зачем же так, мы от чистого сердца...

Во мне разлилось возмущение, лицемерки, не могу видеть, истерика в горле стоит. Собрав последнее терпение, я выдавила:

– Вы все сказали? Завтра рано вставать.

Они ушли, а я разревелась. Не думала, что они такие гадуки, жалить пришли, посмеяться и унижить. Без них тяжело, так еще по живому режут, их подарки руки жгут. Ну почему я не влюбилась в Сашку или Володю, ведь я же им нравлюсь, все было бы проще, так угораздило в Женьку влюбиться! Не стоит на них обижаться, мы просто разные: я хочу любви, а они хотят устроиться. Но любви завидуют, даже не любви, а одной ее возможности, сами не любят, но завидуют! Я докажу им, самой себе докажу: любовь приходит, если ее ждешь! Надо прислушиваться к своему сердцу и не слушать других. Они мне посторонние, их можно послать подальше, а вот когда родная мать насаждает, тут сложнее. Когда она заводит свою обычную пластинку, я сжимаюсь и готовлюсь к обороне.

– Дочка, хочу предупредить тебя, ну зачем ты этого Женьку ждешь?

– Я не жду, – огрызаюсь я в надежде, что она замолчит.

– Ну как же не ждешь? Я мать и все вижу, вот станешь матерью, тогда поймешь, как дитя жалко.

– Что, я убогая или несчастная?

– Зря надеешься, он от скуки пишет, у него таких, как ты, полно.

– А ты откуда знаешь, его даже в глаза не видела?

– Все говорят и все это знают, одна только ты не знаешь.

– Не знаю и знать не хочу всякие сплетни.

Зачем она так грубо лезет в мою жизнь? Неужели не понимает, что делает мне больно?

Только разговорами раздражает.

– Откуда ты знаешь, что не нужна?

– Дочка, пойми, была бы ты красавица, тогда другое дело.

– А что, одни красавицы на любовь могут рассчитывать? И нечего меня унижать, я вовсе не дурнушка.

– Да, но и не красавица, посмотришь в зеркало, сколько у тебя недостатков.

– Я симпатичная.

– На рожу еще ничего, а фигура? Ноги и руки длинные, талия короткая, ну похудеть-то еще можно, а титьки куда девать? У меня грудь была аккуратная, а у тебя большая, в тетку удалась.

– Зато ноги твои, у меня они самые красивые на потоке, а может, и во всем институте.

– Одних ног мало.

– У меня глаза красивые и губы, кстати, как и твои, красные.

– Но все равно не красавица, а он, говорят, только с красивыми встречается.

– Они замуж повыскакивали. И что толку от теткиной красоты, что – она счастлива?

Некоторые и вовсе некрасивы, а замуж выходят за завидных парней.

– А это ведь еще надо окрутить уметь, а ты не умеешь.

– Не умею и не хочу.

– Вот видишь, сама признаешь, так на что же тебе рассчитывать?

– Мама, оставь меня, пожалуйста, мне никто не нравится.

– Не нравится ей никто, как будто в институте парней мало.

– Мало или много, а для меня не находится.

– Не хочешь, вот и не находится!

– Тебе-то что? Только спокойней – сию дома, учу уроки.

– Сейчас-то спокойно, а что будет, когда он придет?

– Мама, до этого еще дожить надо, а не заранее волноваться.

– Да я бы сроду такого бесшабашного ждать не стала.

– А ты сроду и не ждала никого.

– Ждала, не ждала – не твое это дело!

– Вот и это не твое дело!

– Как это не мое? Я тебя родила, вырастила.

– Вот именно вырастила, теперь я сама выбираю, кого любить.

– Да люби ты, люби, только потом реветь будешь. И в кого ты уродилась влюбчивая такая?

– А ты что никого не любила?

– Любила, не любила – не твое это дело, – ответила мать, нервно передергиваясь, будто слово «любовь» било ее током. – Любовь должна быть взаимной, я хотя бы ни о ком не страдала. И брось о нем думать, сама брось – не так обидно будет.

– Оставь меня в покое, сама разберусь, кого мне любить!

– Ну почему ты не слушаешь? Ведь я тебе мать родная, я вот жизнь прожила, а любви так и не видела. Есть ли она, эта любовь?

Мать вздыхает и безысходным голосом сдается:

– Ты мне хоть и дочь родная, а не пойму я тебя, какая-то ты не такая, не как все. Сама подумай, кто тебя просит ждать? Мать смотрит на меня такими обескураженными глазками, и такая откровенная пустота в ее взгляде, что меня охватывает безнадежность, а потом взрывается злость и хочется закричать на весь мир: «Это у тебя не было любви! А у меня будет, будет, будет!» Но крик тонет в страхе, а вдруг не будет? Порой такая тоска нападет, хоть волком вой, и никто меня не понимает. Да, пусть не понимают, так ведь еще и смеются, волю свою навязывают. Стоит впустить одну сомнительную мысль, как она разрастается и полностью захватывает, что невольно думаешь: а вдруг я ошибаюсь, вдруг они правы? Ведь их много, а я одна! Трудно выдержать это давление, ведь они угрожают несчастьем. Все против меня, но чем же моя любовь другим помешала? Но это моя личная жизнь! Каждый имеет право выбирать свой путь к счастью, сердце вещает, надо ждать. Одна Люся меня понимает, жаль, что сейчас она далеко, но ее слова согревают душу, я чувствую, Женька будет моим!

Неужели все дело только во внешности? Неужели нельзя полюбить за чистую душу? А может быть, они правы: ему нужна ослепительная красавица, и на что я надеюсь? Стоит впустить одно маленькое сомнение, как роем закружат черные мысли, да что я проклятая такая, непонятно чего жду? Будто свет клином на нем сошелся? Если бы я была дурнушкой, тогда бы еще не так обидно было. Сама, по своей воле обрекаю себя на одиночество: лучшие годы проходят впустую, и даже не проходят, а пролетают. А что, если сбудется их карканье? Как только подумаю об этом, так слезы наворачиваются, и становится жалко себя, все время одна, из кино никто не провожает, на танцы не хожу, на концерт сходить не с кем. Хотя бы знать, что полюбит, тогда бы ждать легче было, я даже не его девушка. И пишет-то редко, от тоски отписывается, красавицы-то его бросили. Вот опять не ответил, я уже весь почтовый ящик глазами просверлила. Надоело ждать непонятно чего! Может быть, и правда, горе свое дожидаться? Хватит ждать, вот пойду на танцы и познакомлюсь и хватить ныть. Моих подруг провожают, а что – я хуже них?

Я пошла на танцы и познакомилась с парнем, даже хорошо его не рассмотрев. Когда мы дошли до подъезда, ондохнул на меня перегаром и выдал: «Долой девственность как безнравственность». Я оторопела от грубости, не знала, что на это ответить. А он расценил замешательство как согласие, резко притянул к себе и буквально впился в губы. Меня затрясло от отвращения, я вырвалась и убежала домой отмываться от мерзкого поцелуя.

Когда неприятные впечатления улеглись, я познакомилась с мужчиной постарше. Несколько раз мы сходили в кино, потом он пригласил в гости к родственникам и сообщил, что скоро купит машину, а когда женится, получит квартиру. Я сделала вид, что пропустила мимо ушей его намеки, но в следующий раз он неожиданно сделал предложение. Неожиданный поворот обескуражил, как это просто и скоро! И что мне с ним делать, если отказать – больше не появится, и я опять буду бегать по киношкам одна. Ну и соглашаться нельзя, не отвяжешься. Не могу представить, что вот этот чужой мужик станет моим мужем. Одна мысль об этом приводит в тихий ужас. Нет, я не могу ничего обещать, хотя не исключено, что еще понравится.

Я отговорила, что очень неожиданно, что мы едва знакомы, что еще студентка...

– Это ничего, ты мне очень понравилась.

Главное, я ему понравилась, растерялась я, не зная, как ответить.

Однако он не растерялся и резко притянул меня к себе, так что я едва устояла на ногах. Меня обдало ядовитым дыханием, я попыталась вывернуться, но он больно присосался к губам. Из глубины поднялось отвращение. Нет, я никогда не смогу его полюбить, подумала я. На следующем свидании на душе стало еще противнее, стоило ему чуть приблизиться, как к горлу подступило отвращение. Как же встречаться, если мне уже дурно? Нет, поцелуй должен быть нежным, я не знаю, каким именно, но только не таким. От его прикосновений сама себе противна, будто нечистотами вымазана. И как можно с чужим мужиком встречаться, когда я Женю люблю? Выходит, изменяю себе, своей любви и своим убеждениям. Растрчиваю себя, размениваю любимого на постороннего. А если Евгений будет меня целовать, а мои губы будут помнить чужого мужика? Нет, никогда к нему не привыкну, хватит себя обманывать! Я хочу любить, а не привыкать.

Если бы на его месте Женя был, как бы я была счастлива! Я живо представила его рядом, вот он наклоняется, обнимает меня за талию и нежно целует в глаза, в губы, в шею. Можно от счастья умереть! При одной только мысли наполняет радость.

– Не могу с тобой встречаться, – заявила я, – и замуж не выйду.

– Почему это? – возмущенно спросил он.

– Жду парня из армии. – Произнеся это вслух, ощутила непонятную уверенность, что именно так и есть, что жду и люблю. Мне показалось, что мои собственные слова обретают реальность.

– Но неизвестно, женится ли на тебе?! – раздраженно ответил он.

В груди кольнуло, неизвестно, захочет ли он встречаться со мной.

А мужчина невозмутимо продолжал убеждать:

– За два года может многое измениться. А если даже он женится, то когда еще квартиру заработает, а мне сразу дадут.

Я мысленно взбесилась: «Ненавижу! Уж лучше быть одной, чем с этим мещанином, меня уже тошнит!» Но я, преодолев горечь и обиду, повышая голос, отрезала:

– Но сначала он должен прийти!

– А зачем ты со мной познакомилась? – спросил он злобно.

– Думала, смогу забыть, привыкнуть.

– Смотри, так и одна можешь остаться! – пригрозил он.

– Лучше одной остаться, чем всю жизнь маяться с нелюбимым.

Он покраснел, напыжился, было такое чувство, что он вот-вот обрушится на меня с кулаками. Я вывернулась и побежала, бросая на ходу:

– Прости и прощай.

– Вот одна моя знакомая отказалась и до сих пор не замужем, а ей уже двадцать три! Смотри, а то так одна останешься!

Я пришла домой и разревелась, как жестоко на меня обрушился, а за что? Будто подлость какую-то совершила, и больше всего жгли злые слова – одна останешься. Когда проплакалась, сознание прояснилось и успокоилось, я обречена любить. Надо верить в чудо, только тогда оно сбудется, надо надеяться и ждать. А может быть, это не так уж мало, может, именно в этом моя сила? Сердце подсказывает – так и есть, если ждешь и любишь, то нельзя сомневаться.

Вот так и получилось, что дождалась. А если бы кто другой лучше него подвернулся, я бы не стала ждать. Разве это любовь? Но как ее распознать? А может, именно в том и суть любви, что лучше никто не находится? Как же узнать, настоящая это любовь или нет? Наверное, должно быть какое-то доказательство. А у меня есть только предчувствие, но можно ли

на него полагаться? Как бы удостовериться, что интуиция не подведет? Так как же люди свою судьбу узнают?

Нет, не напрасно я жду, каждое письмо – это праздник и открытие. Как оказалось, у нас много общего: он, как и я, романтик, как и я, любит ощущение свободы, как и я, обладает тонкостью чувств, наши вкусы близки, мы незаметно сближаемся. К долгожданной весне у меня накопилось двадцать писем, каждое я знала наизусть, и вдруг стало ясно: ждать не так тяжело, как представлялось.

Конечно, за два года я похорошела, но не достаточно. Думаю, моя красота еще не расцвела. Надеяться особенно не на что, разве только на чудо. Ну, какая же нормальная девушка будет надеяться на это? Все говорят, я мечтательница и фантазерка. Чутье подсказывает – именно такие люди и бывают счастливы. Денек-другой, и Женька будет дома, сердце дрожит от предчувствия встречи. Евгений, люблю ли я его? Не знаю, но я жду его так долго, что помутилось в голове. А что, если уже вернулся? Хотя вряд ли, говорят, из армии день в день отпускают. Сегодня только 15 мая, а его забрали 16 мая. Хоть бы одним глазком взглянуть, какой он теперь, возмужал и стал серьезнее? Глаза его хочу увидеть, как говорит, улыбается, как медленно прикуривает, хочу почувствовать близость. Наверняка в поезде, уже рядом, а не на далекой границе. Живу мечтой, надеждой, верой и любовью. А если вдуматься, это вовсе не мало, это большая сила. Главное, он уже близко, и скоро встретимся.

Одна только мысль об этом наполняет душу светом. Раньше торопила время, а сейчас от страха сердце холодеет: как встретимся, понравлюсь ли? А если отвернется, что будет со мной? Представить не могу, наверное, разобьюсь в кровь. Надо быть ко всему готовой. Но неужели я так некрасива, что меня нельзя полюбить? Неужели все дело только во внешности, а как же душа, верность и чистота? Это ведь редко встречается, особенно в наше время. Только сидит во мне предчувствие: между нами что-то будет.

Я тут сижу, гадаю, что будет, а вдруг он уже пришел? А я ничего не знаю? Дома на диване валяется и надо мной смеется? Да он и не вспомнил обо мне, я для него пустое место! Измучилась за два года, и что – опять жить неизвестностью? Будто у меня нет достоинства? Хочу узнать правду, чтобы напрасно не надеяться, и выброшу его из головы, из жизни! Вот возьму и позвоню! А если не нужна – пусть так и скажет. И нечего понапрасну изводиться! Лучше правду узнать, пусть самую горькую, чем мучиться! Один раз горе переживу и вырву его из сердца – раз и навсегда. Печенками чувствую: он дома, хочу видеть его! И что в этом плохого, если я сама позвоню, преступление, что ли? Я только узнаю, пришел или нет. Я так долго ждала, я имею право знать, жаль, что у нас нет телефона.

Был уже поздний вечер, разум подсказывал, не пори горячку, но желание сметало все разумные доводы. Я бросилась к автомату и стала набирать заветный номер. Диск срывался, в голове стучало: «Пусть скажет – не нужна». Но как спросить? Что сказать, еще подумает, сама себя предлагаю? Стыдливая мысль, отпустила телефонный диск, лучше немного подождать, все равно встретимся. Но внутри поднималась волна нетерпения, хватит ждать, хочу знать правду! Только что скажу? И тут стукнуло, а ничего говорить не надо, все по голосу почувствую. Я должна понять: никаких прав у меня нет, есть только одна маленькая надежда. Наконец я набрала номер, длинные сигналы загудели в голове, что скажу, с чего начать? Вот снимут трубку – и что говорить? А ничего не надо, никто не подходит, не пришел, вот и хорошо, вот и ладно, ничего придумывать не надо. Несколько секунд растянулись в часы. Гудки оборвались, и зазвенела тишина, сердце остановилось.

– Слушаю, – раздался в трубке спокойный мужской голос.

Он, ухнуло внутри, пришел! Что-то надо говорить, но что? Может, трубку бросить, пока не поздно? Буду молчать, сам бросит. Слова нашлись сами собой:

– Это ты, Женя? Ты уже вернулся? Это Таня...

Я стояла совершенно потерянная, не чувствуя под собой ног, слова иссякли. А что можно сказать, когда вернулся и не сообщил? В голове бешено стучало, молчит, видеть не хочет, со стыда стореть, нельзя было самой... Что сказать-то? Конец. На что только я рассчитывала?! Да никогда я ему не понравлюсь! Пришел и видеть не хочет. Что еще выяснять, нельзя унижаться, нельзя ждать, подачки жду. Я оцепенела, не могла поднять руку и нажать на рычаг, а сквозь сознание сочилась надежда: а вдруг?

– Только хотела знать, вернулся ли ты? – как бы оправдываясь, пролепетала я и про себя продолжила: ну вот и все, все, больше сказать нечего.

– Ты где сейчас? – резко спросил он.

– Я где? Я здесь, здесь недалеко, на углу.

– Я выйду, – ответил он, и в трубке загудело.

Меня бросило в жар, потом в холод: сейчас встретимся! Вот прямо сейчас, через несколько минут! Столько времени ждала, и вот сбывается, в действительности сбывается. Не знаю, сбудется или нет, но я прямо сейчас его увижу, и не надо больше ждать. Как же долго тянулось время, и вот уже сбывается, с минуты на минуту, да правда ли это, может, послышалось или не поняла? Да нет, он ясно сказал: «Сейчас выйду», а что если не выйдет, если просто хотел отделаться, что тогда? Господи, какие глупости лезут в голову, ну зачем же ему меня обманывать. Значит, сбывается, и так просто? А казалось совершенно несбыточно, всего несколько минут назад, и вдруг раз – и все перевернулось, в одно мгновение, непостижимо! Вот оно чудо, не напрасно верила. Только как окончательно убедиться, вдруг выйдет? А я в дурацких брюках и совсем не накрашенная. Если бы я только знала, что так обернется, красное бы надела, нет, лучше бы белое платье, только не эти ужасные брюки, так можно все испортить. Но сейчас темно и моих недостатков не видно, вот и хорошо, что встретимся в темень. Только как же можно было мне сдерживаться, ведь неожиданно его голос услышала! А все-таки предчувствие не обмануло – вернулся! И вот сейчас с минуту на минуту увижу его. Нет, я не готова, лучше бы назначил на завтра или послезавтра. Почему сама не предложила, но как же можно было отказаться? А потом еще и неизвестно, захотел бы он завтра увидеть? Да и как же можно было ждать до завтра, когда он уже здесь?! Представляю, как бы мучилась до завтра, да я бы просто извелась. А так даже лучше – неожиданно, только он не идет. Может, и вовсе не появится, а я волнуюсь. Но зачем ему обманывать? Не могу больше ждать, напряжение разрывает нутро. А вдруг не понравлюсь? Не переживу этого, лучше уйти, пока не поздно, а то все испорчу несуразным видом. Не хочу, чтобы он увидел меня потерянной, слишком неожиданно, не думала, что встреча будет такой. А какой она должна быть? Не знаю какой, но только не такой внезапной. Еще ничего и не происходит, а меня уже лихорадка трясет. Надо уйти, пока не поздно... А вдруг он меня вообще не узнает? Или просто не выйдет? Это самое ужасное! Лучше самой уйти, чем дожидаться позора, надо сбежать, но мои ноги будто приросли. Вдруг я увидела высокую фигуру, она стремительно надвигалась на меня. Все опустилось внутри – поздно бежать. Но больше ничего решать не надо – мы встретились!

Боюсь на него смотреть, только мельком взглянула и поняла: совсем другой Женька! Непонятно как, но изменился. Угрюмый и злой, от бывшего обаяния нет и следа. Может, во мне разочаровался? Конечно, на восхищение не рассчитывала, но и такой угрюмости не ожидала, словно с зоны вернулся. А ко мне из одолжения вышел, дескать, писала, пусть порадуется, дурочка! Но неужели я так непривлекательна? Знать бы, что у него на уме, может, дело вовсе не во мне, вот именно, а я переживаю. Главное, он рядом, вот бы одноклассницы увидели, от зависти бы задохнулись!

Стоит только захотеть, и чудеса свершаются. Счастье совсем близко, а ведь час назад казалось совершенно несбыточно. Пусть еще зыбко, неопределенно, но внутренний голос шепчет: все возможно, главное, он со мной, рядом. Но его будто подменили, ни слова не проронит, только курит сигарету за сигаретой, а на меня ноль внимания. Не знаю, как себя вести, что

говорить, боюсь ляпнуть не то и окончательно все испортить. Может быть, он на меня злится, думает, навязалась и что с ней делать? И что ни скажи, все будет раздражать, лучше бы дома сидел с таким настроением.

Нет, причина не во мне, переживает, что Ленка замуж вышла. Но мне это на руку, иначе бы он сейчас с ней шел, так что надо радоваться, а не печалиться, терпения набраться, пусть привыкает к «гражданке» и отходит. А мне что делать, молча бежать за ним? Мы уже два километра прошли строевым шагом, а он ни словечка не проронил. Вроде бы со мной, но мысленно где-то витает, я для него пустое место. Бегу за ним, как собачонка, да еще должна радоваться? Но я человек, у меня тоже есть чувства. Вот остановлюсь, и пусть идет один. Мне надо успокоиться и понять, что ему трудно, он отвык от «гражданки», его предали, мне надо переждать. Я девушка и должна терпеть, я так долго ждала этого свидания, нельзя коверкать. Не рассчитывала, что бросится с поцелуями, однако такое невнимание оскорбительно.

Надо как-то напомнить о себе! Сказать, что ждала, а он ответит: «А зачем? Я тебя не просил», и будет прав. Не знаю, что можно сказать, только мне не выдержать его мрачности. Я как была одна, так и остаюсь одна, будто с призраком иду. Лучше совсем одной остаться, чем лгать себе самой. Отчаяние подступило к горлу, я остановилась. Он тоже остановился и неожиданно положил руку на плечо. Нет, пронзило сознание, я для него не пустое место! Он благодарен за ожидание, за верность. От радости внутри все замерло: вот так бы идти и идти всю ночь, всю жизнь на край света. А если нет слов и не надо, главное, я чувствую его рядом. Все замечательно и не к чему изводиться, я ведь мечтала об этом. Но нравлюсь ли я ему, ну хоть немножечко, как бы проверить? Если поцелует, значит нравлюсь. Все решится в конце. Скоро, уже скоро все прояснится... Нет, еще не скоро, но куда мы идем, к речке?

Я поглядывала на его профиль и думала: и что я так волнуюсь, ничего такого особенного в нем нет, раньше было, а сейчас пропало. Не стоит переживать так, будто вся моя жизнь в его руках. Однако уже очень поздно, и неожиданно выдала: «Последний троллейбус, нам надо возвращаться». И тотчас спохватилась, что я несу, надо было спуститься к реке, там лунная дорожка, два года ждала свидания и даже больше и сама все испортила. В романтической обстановке все могло бы проясниться, какая растяпа, не умею завлекать. Хотя, возможно, все правильно, еще возомнит, что на все согласная. Мы подошли к дому, мое сердце тревожно забилося: как будем прощаться?

– Жень, ты так изменился, тебе было тяжело там? – спросила я робко

– Не надо об этом, – резко оборвал он. Мне показалось, что я задела свежую рану.

– Прости, я не хотела, – пролепетала я.

Он как-то робко, по-мальчишески взял мою ладонь, коснулся локтя, предплечья, шеи. Все во мне замерло: нравлюсь.

Что это, целует, неужели нравлюсь? Счастье обрушилось на меня. А может, мерещится? Вот очнусь и опять одна останусь. Да нет же, вот его руки и губы, я кожей чувствую его. Любовь начинается... да так ли это, может, сон? Я хотела этого, но боялась признаться себе самой. Я не ошиблась: он удивительно чуткий и тонкий. Его поцелуи невесомые, но до костей пробивают. На меня пахнуло табаком: это запах мужчины, как чудесно его почувствовать, мне нравится терпкий и горький запах. Его обаяние обволакивает, сознание уходит, хочу ощущать его всегда, и днем, и ночью, и всю жизнь. Заветное желание исполняется – наши губы сливаются. Это должно быть именно так, как я и воображала, нежно и проникновенно.

Только он смотрит сквозь меня, и в мыслях далеко, да и целует как будто не меня. Я напряженно вглядывалась в него, кому предназначена нежность, мне или просто первой подвернувшейся? Из благодарности целует, дескать, ждала, другой-то пока нет, а эта сама набиивается.

Ничего, главное он со мной, это только первое свидание, он полюбит меня. А если целует, значит, хоть чуточку нравлюсь. Не надо обижаться, за два года в пустыне забудешь не только

как разговаривать с девушками, но даже как они выглядят. Я ему первая подвернулась, так что у меня преимущество, надо радоваться, он полюбит меня, а черные мысли гнать. Мечты сбываются, или только грезится? Так и хочется ущипнуть себя, удостовериться, что все происходит наяву. Вот он, мной любимый и долгожданный, так близко и так возможно! Какое счастье и что теперь будет? Не знаю, хочу только видеть и ощущать его. Поцелуи мурашками бегут по всему телу. Все во мне оживает, просыпается от тяжелого забвения, освобождается от оков. Я чувствую, как по жилам растекается кровь, как расцветает кожа, как вливаются силы и все во мне преображается – вот как это бывает по любви! Что делать со всем этим? Нет ничего на свете лучше этих ощущений и чувств!

Я оказалась права, моя любовь победила. Ждала любовь... и вот она открывается, я захлебываюсь от счастья! А что же будет со мной твориться, когда любовь полностью откроется? Какие дивные ощущения, но такие зыбкие, почти эфемерные, кажется, одно неловкое движение, и очарование исчезнет. Может признаться, что ждала? Нет, еще рано, но в следующий раз обязательно скажу, если назначит свидание, а если нет? Невозможно уйти, однако поздно, я устала, переполнена новыми ощущениями, и нервы вот-вот лопнут. Мне нужно отдохнуть, привыкнуть к счастью, понять, что именно произошло.

– Женья, уже поздно, мне пора, а тебе придется пешком идти, – произнесла я вкрадчиво, но тут же пожалела, да что я несусь, вовсе не хочу уходить, ведь все только начинается и все равно не заснуть.

Я замерла в ожидании, назначит свидание или нет? Сейчас все решится, но почему молчит, а если не захочет видеть? Но как понять поцелуи? Повисла тяжелая тишина, в ушах от напряжения зазвенело: да или нет? Несколько минут показались вечностью.

– Завтра не могу, – тяжело вздохнул он, – послезавтра возле книжного магазина в шесть.

В груди радостно забилося, хочет вновь видеть! Невероятное сбывается: я его девушка! Вот оно, настоящее чудо!

На одном дыхании я взлетела по лестнице, все во мне ликovalo – я счастлива, счастлива и больше ничего не хочу знать! Не зря ждала, не зря терпела и страдала – я его девушка! Это похоже на чудесную мелодию: я его девушка. Ради такого счастья я готова пережить насмешки и страхи, только бы видеть его глаза, и как он наклоняется и обнимает меня. Я пробуждаюсь к жизни, освобождаюсь от тяжести неизвестности. Оказывается, я еще не жила, а только прозябала, жила мечтами и воображением. И вот начинается любовь, и настоящая жизнь.

Новые эмоции ошеломили меня: я не знала, что у меня шелковая кожа, что под его пальцами она оживает и трепещет. Еще вчера моя кожа была неосязаемой оболочкой, а сегодня она чувствительна и дарит прекрасные эмоции. Я хочу снова и снова чувствовать его пальцы, его губы и ощущать шелк своего тела. Его поцелуи почти воздушные, но они оседают на коже, просачиваются вглубь. Это возвышенно и совершенно ни на что не похоже: до сих пор чувствую его пальцы, его губы, каждая клеточка во мне трепещет под шелковым скольжением. В его руках я ощущаю благоухание собственного тела, заснуть невозможно, все во мне взбудоражено. Как чудесно открывать скрытые свойства в себе: я нежна и очаровательна, я просто прелесть и вся создана для любви. Я знаю, нет ничего невозможного! Я расправляю крылья и скоро взлечу навстречу любви!

Но зачем рано сбежала? Надо было гулять до утра, заинтересовать, очаровать, как другие. А я даже не призналась, что ждала, дурочка, растерялась от радости, пусть уляжется, еще успею признаться. Очнувшись утром, спросила себя, а не приснилось ли мне это безумное счастье? Но на коже я чувствую отпечатки его рук, мне открывается таинство, и все во мне тянется к жизни и расцветает. Какое прекрасно утро и солнце светит и переливается всеми цветами радуги! Я чувствую дыхание любви: я на пороге волшебных потрясений и открытий. Я спящая красавица, сказки сбываются. Думаю, сказочники берут свои сочинения из жизни, преображая их в прекрасные образы. Сказки – это сама жизнь, только надо верить в них.

Я шла на свидание с чувством сладостного волнения, скоро увижу его, но что будет сегодня? Он будет ждать меня, сегодня назначенное свидание, а не случайное, как позавчера. Лучше бы я надела белое платье, напрасно подкрасила глаза синим, и волосы надо было распустить, а не зачесывать в узел, так я выгляжу старше. А вдруг сегодня не понравлюсь? Но я уже понравилась, а что если разочаруется или вовсе не придет? Это ужасно, уж пусть лучше разочаруется, нет, он не способен оскорбить девушку, но почему-то сжимает страх. Я подошла к назначенному месту, но Женьки не было. Я девушка и жду его, это унижительно. Я глянула на часы и поняла, прошло 20 минут. Нет, он не опаздывает, он издевается, вон отсюда немедленно. Но не могла сдвинуться, я пристально вглядывалась в прохожих, вон кажется в белой рубашке... нет, не он, но, может быть, вон тот в голубой сорочке, нет и не надо напрасно надеяться, не надо себя изводить, он оскорбил меня.

Я направилась к скверу и тяжело опустилась на скамью, зачем целовал? Уж лучше бы сразу плюнул, это было бы честно. Зачем он со мной играл, чтобы разбить мне сердце, отыграться за Ленкину измену? В голове не укладывается, как можно целовать девушку и сразу оттолкнуть? Какая лицемерная подлость, неужели я могу любить обманщика? В голове не укладывается. Или время перепутал, а я паникую, придет в семь. Я сорвалась и помчалась к назначенному месту, но уже издали увидела: его нет. Не верю, что он так может поступить, наверное, в восемь придет. Я ходила кругами вокруг злополучного магазина, искала глазами, Женьки не было. Оглушенная горем, я опустилась на скамью, а мимо проходили люди, будто бы ничего ужасного не случилось. Хотелось разрыдаться во весь голос, излить горе, но внутри окаменело все и даже слезы. Куда же пойти со своим несчастьем? Домой нельзя, мама сразу поймет, упреками замучает, она оказалась права.

Я глотала горькие слезы обиды: порхала от счастья, дурочка, а он просто посмеялся надо мной, растревожил, обнадежил, и плюнул в душу, надругался над моими чувствами, ожиданием и чистотой. Разве можно такого любить? Он ничего во мне не увидел, не понял, не хотел понять. Эту боль невозможно вынести, вырвать из сердца, вытравить из памяти. Не было никакой встречи и никаких поцелуев. Выходит, ждала недостойного? При одной мысли внутри все скрежещет и сдвигается. Все что угодно, только не это. Я не могла ждать подлого циника! Или случилось что, заболел?

– А Жени дома нет, – ответила его мама на мой звонок.

– Извините, мы виделись, мне показалась, что он очень изменился.

– Очень изменился, только курит, ни слова из него не вытянешь, боюсь за него, – подтвердила она.

– Армия повлияла, ничего, это пройдет, – сказала я.

– Вы так думаете? – с волнением спросила она.

– Да, месяц-другой, и отойдет, не переживайте.

Значит, он гуляет, а я жду. Я сидела на скамье до темноты, с одним-единственным вопросом: зачем было нужно меня обманывать? Я пыталась внушить себе, что не было свидания, не было никакого счастья, был лишь один обман.

Но на следующий день мрачное настроение развеялось, и пробудилась надежда, может, недоразумение произошло, нелепость какая-то, а я уже решила, что он отказался, надо все спокойно выяснить.

С этой мыслью я отправилась к телефону-автомату.

– А это ты, – протянул он разочарованно и добавил: – Как жизнь?

– Да, это я, извини за беспокойство, – ответила я и выронила трубку.

Слезы хлынули из глаз, это не ошибка, надо вырвать его из сердца. Очень трудно вычеркнуть два года из жизни, а надо, моя любовь – это болезнь, и мне надо излечиться. Очень обидно и стыдно, но не одна я такая. Королеву Анну Ахматову тоже отвергли, иначе она бы не написала:

Это просто, это ясно,
Это каждому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.

Хорошо, что не ляпнула, что ждала, а то бы еще и злорадствовал. Моя искренность, верность и чистота не нужны, ему нравятся смазливые куклы. Вот и пусть катится к ним, пусть ему мозги выносят, пусть играют и обманывают. Правы мои подружки: нечего их ждать, надо просто выходить замуж. Настоящая любовь – большая редкость, не надо на нее рассчитывать, и пора повзрослеть, распрощаться с романтическими бреднями.

Ну ладно, он обманул, но как могло обмануть предчувствие?! Ведь внутренний голос говорил: жди и любовь придет! А теперь надо смириться и ничего не ждать. Но как без любви целовать, как улыбаться, как дышать в этом мире без любви? Нет, любовь есть, ошиблась только в нем. Ну почему я не влюбилась в Володю? Какие стихи он мне посвящал, вот он-то оценил мою чистоту, он понимал, что я настоящая:

Я стоял на перроне
лицом прямо к поезду
Я видел сквозь стекла девчонки глаза
Такие цветущие, такие лучистые
они струились чуть грустным светом
Нежные, нежные, чистые, чистые
Где же теперь девчонка эта?

Володя никогда бы меня не оскорбил, он серьезный и ответственный, на него можно опереться. Только слишком правильный. Да, может, он бы и понравился, если б в каждом письме не учил: не пей, не кури, уроки учи. Меня собственная мать нравоучениями так не пичкала, тоже мне папочка нашелся, всю жизнь бы командовал.

Женька – это первая любовь, она редко бывает счастливой, самое тяжелое – некому горе излить, близкие будут смеяться. Надо в себе найти силы, сжать зубы и пережить. Страшно не то, что ошиблась, страшно, что ошибки могут повториться, а что если всю жизнь только и буду разбиваться? Хорошо, что сессия начинается, она поможет справиться с горем.

На прием к врачу я готовилась, как на свидание. Я вышла задолго до назначенного часа, шла и слышала стук сердца, словно глупенькая девчонка. Он назначил прием на вечер, значит, пригласит в кафе, как обещал, рассуждала я, назвал меня редкой женщиной, и зачем бы ему заикаться о встрече, если не понравилась? С замирающим сердцем я вошла в кабинет, Лазарь Сергеевич радостно улыбнулся. Он будто ждал, отметила я, пожалуй, и вправду стоило заболеть, чтобы встретить такого мужчину, но, может, он забыл о приглашении? Нет, не похоже, с таким тайным смыслом не улыбаются обыкновенной пациентке.

– Доктор, от вашего лекарства я проспала две недели, по 18—20 часов в сутки, пришлось даже отпуск оформлять.

– Что вы почувствовали?

– Освобождение от страхов и тревог. Меня охватила безмятежность, словно не было в моей жизни ни горя, ни разочарований. Я словно очистилась от скверны, обрела легкость и вернулась к себе самой, в свою юность. Я почувствовала в душе божественное начало.

– Что вы сказали? – удивленно переспросил он

– Божественное начало, – твердо повторила я.

– А что болело за последний период?

– Были высыпания на теле, гнойник на ноге, затем воспалились лимфоузлы под мышками, колело в левой груди, и еще переболела простудой.

– Ваш организм разбалансирован.

– Доктор, я поняла, что мои болезни вызваны ложью и разочарованиями.

– Я вас вылечу, и в вашей жизни еще будет любовь. Я дам вам лекарство. Записывайте все, что с вами происходит.

Когда прием был окончен, я напомнила о приглашении в кафе.

– У меня еще два пациента, они позвонили перед вами и попросили принять, перенесем это на следующий раз.

Я вышла из кабинета со сложными чувствами, с горечью обмана и ощущением собственного возрождения. По дороге домой я успокаивала себя, ну не будет же доктор обманывать, он похож на настоящего мужчину, он человек дела, и это вызывает уважение. Главное, он помнит обо мне, это было заметно. Я нашла старый дневник и погрузилась в далекое прошлое.

Василий

Я углубилась в математику, и боль отлегла. Но когда экзамен был сдан, боль вернулась, а с нею и мучительный вопрос: как жить? Раньше я жила надеждой, мечтой, любовью, а сейчас в душе только боль. В глазах всплыл Евгений, я беспрестанно прокручивала в голове картины свидания, искала оправдание его гадкому поступку, тотчас уличала себя в обмане, ругала себя, что потеряла разум, что напрасно себя извожу, и от этого только теряю привлекательность. Безответная любовь уносит красоту, мои глаза потухли, кожа пожелтела, даже волосы поблекли. Тоска сдавила грудь, в сердце непроходящая боль и нервы дребезжат, из-за него разрушаю свое здоровье. Я забыла, как улыбаются, как радуются, даже дышать свободно не могу. Он не стоит таких жертв, надо избавиться от этой болезни, уяснить себе: не было никакого Женьки.

Отдохнув, я приняла ванну, завила волосы и подкрасилась. Вроде ничего, подумала я, глядя в зеркало, только в глазах печаль, но ее ничем не замазать. Разве может кому-нибудь понравиться такая униженная и оскорбленная девушка? Парни любят веселых и легких девушек. Но кто же мне понравится, когда я Женьку люблю? Нет, уже не люблю, раньше любила, да и не было у нас ничего, ну подумаешь, поцеловались, а что письма писала, так это по-дружески.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

Стихи Ахматовой приносили облегчение, многие женщины страдают, не одна я такая, они справляются, и я справлюсь. Я сильная, очень сильная, все выдержу. Я села в автобус, прикидывая, куда именно поехать. На задней площадке ехала компания, я заметила, что один парень обратил на меня внимание. Неужели могу сейчас кому-то понравиться, ухмыльнулась я про себя, видимо, показалось. Но через некоторое время вновь заметила, что парень пристально смотрит именно на меня. Я бросила заинтересованный взгляд и мысленно произнесла: что ж, я не против. Парень подошел и поинтересовался:

– Девушка, вы такая грустная, что-то случилось?

– Ничего, просто не выспалась, экзамен сегодня сдала.

– И мы сегодня сдали, какое совпадение! Это надо непременно отметить, поедимте в кафе, – предложил парень.

Мои желания исполняются, словно по волшебству исполняются, подумала я, не надо думать о Женьке.

Однако когда села за столик, сделалось не по себе, зачем сижу с незнакомым парнем да еще в кафе, а вдруг он претензии предъявит? Но я же хотела познакомиться, а теперь хочу сбежать. Уличное знакомство может плохо обернуться, но кто не рискует, тот не пьет шампанское, рассудила я. Если бы мне понравился Василий, тогда бы и настроение другое было, но в том-то и дело – не нравится. А кто мне может понравиться, когда в голове Женька? Я даже парня не разглядела, а уже отталкиваю, умные девушки так не делают. Надо присмотреться к нему, поговорить, в нем наверняка есть что-то хорошее. Я имею полное право развлечься и отдохнуть. Василий поможет забыть Женьку, не хочу быть больше одинокой. Одноклассницы прочили мне отравление уксусом, а я буду пить шампанское!

Я смотрела на профиль парня и подумала: он щедрый и очень старается, похоже, серьезно понравилась. Но почему так устроено, тот, кому ты нравишься, тебе не нравится, и наоборот? А вот чтобы оба сразу друг другу понравились – у меня такого не было. Мама говорит, так редко бывает. Он улыбается мне, и улыбка у него приятная. Конечно, не такая, как у Женьки, опять

о нем, да он вовсе разучился улыбаться, на меня не смотрел, будто я уродина. Меня не интересует его мнение: он для меня умер, и нечего о нем думать! Очень хорошо, что Женька не пришел на свидание, все равно бы ничего хорошего не дождалась, он даже не смотрел на меня. А Василий смотрит с удовольствием, любит.

– Я очень люблю шампанское, а ты? – спросил Василий, радуясь, как ребенок.

– Я? Тоже люблю, – ответила я растерянно.

После бокала, тяжелые мысли рассеялись, и я поняла, мне неплохо, даже хорошо и я хочу танцевать. Никакого удовольствия нет танцевать с ним, хорошо, что еще туфли на каблуках не надела, а то бы как раз вровень были. Вот у Женьки рост самый любимый – 185 см, и даже когда я на высоких каблуках, он выше меня, и в плечах он шире, чем этот шупленький. Я для Василия подарок, вот он и старается. И еще не известно, для чего угощает – облапать хочет, а я в нем благородные черты выискиваю. Почему я должна себя насиловать, потому что приглянулась? Вот соберусь с духом и уйду... вот сейчас еще глотну шампанское и решусь, но куда податься? По улицам шляться или домой слезы лить в подушку? А там еще мать допрос устроит, как у тебя дела с Женькой. А здесь хорошо, надо успокоиться и не дергаться, ничего плохого не происходит. Пусть Василий – парень не завидный, зато оскорблять не станет. Если присмотреться, то он вполне ничего, особенно в профиль. Вот именно ничего, самое подходящее определение. Ладно, я тоже не красавица, чтобы заноситься, и мы хорошая пара.

– Может, цыпленка заказать? – заботливо спросил Василий.

– Спасибо, есть не хочу.

– Так, может, шоколад?

– Правда, не хочу ничего.

– Тебе надо обязательно покушать, ты такая бледненькая.

– Ночь не спала, перенервничала из-за математики, – соврала я. Мысль о еде вызывала отвращение, но перечить не стала и попросила заказать салат.

Парень внимательный, старается угодить, шампанским поит, разные блюда предлагает, а Женька бы никогда не стал заботиться, утешала я себя, жуя салат. Да и где он сейчас, с кем гуляет этот прохвост? Забыл о моем существовании, а Василий рядом, каждое слово ловит и улыбается. У него очень тонкий профиль, если присмотреться, он даже красив, в него можно влюбиться, будь он чуть крупнее и выше. Хотя если разобраться, он среднего роста, наверное, 175 см будет, и выше меня сантиметров на десять. И зачем мне эта свинья, когда со мной рядом хороший парень, студент? Женьку даже из института выгнали. Ну опять о нем, боль только отлегла, радоваться надо, а я горе растравливаю, опять цепляюсь за недостойного. Женька бы только унижал меня, не смей думать о нем. Хочу опьянеть и забыть, избавиться от боли в груди, хотя бы на один вечер. Не знаю, как ухаживают за девушками, но мне нравится, как Василий это делает. Мама говорит, надо встречаться с тем парнем, кому ты нравишься.

Весенний ветерок пахнул в лицо запахом сирени, и я остро почувствовала, какой чудный вечер, можно наслаждаться теплом, запахом весны, а не перемалывать свое горе. Наконец-то я вдыхаю полной грудью, не хочу больше страдать. Подойдя к дому, я отрезвела: как же долго ждала эту весну, но разве я ждала этого недоростка, вдруг еще и приставать начнет? «Когда у тебя следующий экзамен, может, встретимся?» – несмело поинтересовался Василий. Его неуверенный голос расположил, я облегченно выдохнула, повезло, он вовсе не наглец, даже деликатный, нельзя терять такого парня.

На втором свидании Василий был также внимателен и уважителен, чем приятно расположил к себе. Однако чересчур деликатный, недоумевала я, даже руки не коснулся, не попытался поцеловать. Но если бы не понравилась, не стал бы тратить на кафе. Наверное, дотронуться боится: вдруг рассыплюсь? Я же в ресторане сидела, словно неживая. Он меня кормит, поит, старается развлечь, а я вздыхаю о другом, кому же это понравится? Может, он уже разочаровался, а свидание из вежливости назначил? Другая бы закрутила, закружила голову,

но я же всем видом демонстрирую безразличие. Мама говорит, что я растяпа, зато не вертихвостка, не способна перекинуться от одного к другому. Только с мужчинами нельзя быть унылой, с ними надо быть веселой и очаровательной. В следующий раз буду ласковой, если еще появится, ну а не появится, так впредь буду умнее.

Мне сейчас надо думать о физике, заняться точными науками, а не любовными страстями. Тем более физика – мой любимый предмет, особенно квантовая. Но как представить простой девушке, что мир состоит из невидимых частиц? Что нас самих можно разложить на атомы, электроны, протоны, нейтроны и где же предел этому делению? Выходит, мы состоим практически из ничего, из сгустка невидимых электромагнитных колебаний. Я состою из ничего, и это ничего страдает от несчастной любви? Зачем страдать, если все в этом мире распадается? Изучать тайны мироздания гораздо интереснее, чем страдать о каком-то недостойном. Но вместо того чтобы увлечься квантами, я продолжаю думать об этом негоднике, почему? Не хочу его даже видеть, я встречаюсь с другим. В который раз ловлю себя на том, что жду свидания с Василием. Странно, всего несколько дней назад я была совершенно безутешна, а сегодня думаю о другом. Не знаю, хочу я видеть Василия или нет, но точно знаю, не хочу оставаться одна. Я молода и красива, хочу наслаждаться жизнью, а не лить слезы.

Я еще издали заметила Василия, и на душе отлегло – ждет.

– Как экзамен? – спросил он, озаряясь радостной улыбкой.

– Хорошо, жаль пятерка сорвалась из-за дополнительного вопроса.

– Я «отлично» получил, надо это отметить.

– Василий, уже третий раз ты ведешь меня в ресторан, но мы едва знакомы, и я чувствую себя неловко.

– Не переживай, у меня есть деньги и мне нравится угощать, мне очень приятно, что со мной такая интересная девушка.

Значит, я интересная, изумилась я. Вот и буду встречаться с Василием, мне нравится непринужденно болтать, мне становится спокойно и надежно, горе почти улеглось. Я улыбаюсь, я почти весела и чувствую себя привлекательной – я нравлюсь парню. Мне повезло, он помогает справиться с отчаянием, не ожидала, что так скоро отойду. Еще не совсем, но почти не вспоминаю Женьку, однако не готова принять другого, представить не могу, как можно с ним целоваться. Однако Василий может обидеться, нельзя отпускать такого парня. Так как же поступить? Ладно, до этого еще далеко, что-нибудь придумаю. Но сквозь разговоры, улыбки и музыку проскакивала тревожная мысль: что будет после кафе? Болезненный вопрос я запила шампанским – что будет, то и будет, на насильника он не похож.

Но когда мы подошли к дому, накатил страх, как же от него отвертеться? Василий предложил присесть на скамью.

Перед глазами встал Женька, и пронзила острая боль, я закричала:

– Нет!!!

– Отчего ты так испугалась? – изумился он.

– Не хочу здесь сидеть!

– Да что с тобой, ты вся дрожишь.

Я испугалась своего собственного крика, отходя, принялась убеждать саму себя, что ничего не было, что он не целовал.

– Соседи увидят, – неожиданно нашлась я, – спасибо за кафе, но я очень устала, не спала ночь, к тому же я расстроена, что из-за ерунды сорвалась пятерка.

– Поцелуй меня на прощанье, – робко попросил он.

Вот и началось, что ж делать? Хорошо, что только просит, другой бы за три ресторана переспать потребовал, нельзя его обижать. Я прикоснулась губами к щеке.

– Нет, не так, а по-настоящему.

– Я не умею.

– Как не умеешь?

– Никого не целовала.

– Не верю, просто не хочешь.

– Я ни с кем не встречалась.

– Не похоже, ты симпатичная, даже очень, я боялся к тебе подойти. Не поверю, что ты никому не нравилась!

– Я парня ждала из армии.

При этих словах я почувствовала, как из глубины поднимается жгучая боль, ждала, надеялась, а он отверг. Я уперлась глазами в землю, Василий – свидетель моего отвержения. Подняв глаза, я увидела искаженное злостью лицо. Да что это с ним, отчего бесится, замешалась я, и тут осенило, ревнует, что не его ждала! Да я и знать-то его не знала, но, оказывается, должна была ждать! Этого низкорослого доходягу! Наглец самонадеянный, еще и обидчивый! Да кто он такой, чтобы мне претензии предъявлять?! Третий раз в жизни вижу, но должна была его ждать!

– Василий, сколько я тебе должна за кафе?

– Нет, ничего, мне было очень приятно, – растерянно пробормотал он и кисло улыбнулся.

Я подумала: конечно, послать можно, только кого лучше найду? Может, еще хуже попадется, а может, вовсе никто. Я тоже хороша, вылепила правду, непроизвольно вылетело, но не могу солгать, не могу предать свои чувства и первую любовь: все это было, было, было и прошлого не исправить. А Вася развернется и ответит: ну так люби его. Глупая, нельзя признаваться, что меня бросили, мне же грош цена. Тогда как объяснить, почему не встречалась? Значит, не нравилась никому и опять мне грош цена! И что ни скажи, все будет не так, вот и пришлось правду выдать, но кому нужна моя правда?

– А он что же? – спросил Василий с язвительной ухмылкой.

Этот доходяга еще и в душу лезет, послать подальше и пусть шлюх допрашивает. Но я, проглотив обиду, отрезала:

– А ничего, встретились и разошлись!

– Как же так? – спросил он растерянно.

– Обсуждать это не намерена! – сказала я решительно, пытаюсь не выказывать негодования. Но внутри у меня все кипело: даже матери не сказала, а ему доложи! Какой любви можно ждать, если все начинается с грубого допроса?

И не жду я от него никакой любви, он помогает забыть горе. Наступила непонятная тишина, и я почувствовала невероятное облегчение: так долго держала горе в себе, но, нечаянно высказав, освободилась от тяжести. Пронзило ощущение ясности: Женька остался в прошлом, я свободна. Мне необходимо было высказаться, Василий своим любопытством невольно помог. Однако разобиделся, надо как-то загладить размолвку.

– Разве тебе неприятно, что меня никто не целовал? – нашлась я.

– Приятно и очень неожиданно, я вообще думал, что у тебя парень есть.

– У меня нет парня, – ответила я, а в груди заныло: я одна, совсем одна и никто меня не любит.

– А я тебе нравлюсь? – спросила я.

– Да, очень нравишься. А я тебе?

– Нравишься, – еле выдавила я, но вышло неубедительно.

– А ты будешь моей девушкой?

– Твоей девушкой? Буду, – растерялась я и про себя улыбнулась, как чудесно звучит, как музыка в груди, впервые у меня есть свой парень!

Он широко улыбнулся, а я подумала, что он отходчивый.

– Хочешь, я тебя научу целоваться? – предложил он.

– В следующий раз, уже поздно.

– А можно я тебя поцелую на прощание?

Целоваться не хочу, но и перечить не хочу, я его девушка. Я вся напряглась, готовясь к чему-то неприятному. Василий приблизился и нежно обхватил мои губы горячим ртом. Я поняла, вот как, оказывается, целуют по-настоящему, а Женька, выходит, не по-настоящему целовал. Однако мне не противно, даже приятно, конечно, не так, как с Женькой, и никакого счастья я не чувствую, зато не одна. Закрывшись в комнате, я пыталась понять, что произошло, я его девушка! У меня есть парень: это звучит как музыка. Я не знаю, нравится он мне или нет, но я не хочу его терять. И что теперь будет, он полюбит меня?

В следующий раз Вася повел меня в кафе под предлогом празднования, что я стала его девушкой.

Он прививает вкус к ресторанам, к вкусной еде и напиткам, приучит к красивой жизни, а потом вдруг расстанемся, или не расстанемся, настороженно гадала я, слушая приятный баритон. После бокала вина поняла, он мне нравится, и раз деньги есть – пусть водит. Когда мы танцевали, Василий так бережно обнимал меня за талию, так нежно смотрел в глаза, что я подумала, что влюбился. Я не влюблена, но мне тепло и спокойно, я чувствую растущую уверенность, что я хороша и нравлюсь! Хочу смотреть в его лицо и видеть, как он улыбается мне, только мне.

Когда мы подошли к дому, он напомнил, что сегодня будет учить целовать. Внутри у меня все похолодело, я смутилась: мне этого не хочется, и я предложила отложить до следующего раза. В ответ он улыбнулся и нежно обхватил мои губы своими губами, в следующее мгновение по телу разлилось приятное тепло. Я подумала, напрасно боялась, мне это приятно, не так, как с Женькой, зато не переживаю, нет у нас никакой любви.

– Ты необыкновенно нежная, кожа у тебя будто шелковая, уходить не хочется, – глядя в глаза, признался он.

Как же так вышло, что я ждала Женьку, а целуюсь с другим? Это несправедливо и неправильно! Ждала почти три года и за три вечера переметнулась? Выходит, я легкомысленная, и вовсе не любила, может, вовсе не способна любить? Женька вдруг встал перед глазами, тотчас хлынула невыносимая боль: еще люблю, еще жив во мне. Но безответная любовь приносит страдания, Василий послан мне во спасение. Он смотрит на меня восхищенными глазами, и я ощущаю свое собственное очарование. А с Женькой я себя чувствовала себя некрасивой и ущербной. Вот так и бывает, ждешь одного, а встречаешь другого. Любви не получилась, зато и страданий нет, я хочу чувствовать себя живой и красивой. Возможно, любовь уже на пороге. Я не знаю, когда придет настоящая любовь, может, завтра, а может, через несколько лет. Любовь должна быть взаимной и приносить радость. Может быть, Василий даст мне такую любовь, окружит вниманием и заботой?

Утром мама зашла в мою комнату.

– Смотрю, ты который вечер поздно возвращаешься, – начала она издалека.

– Я экзамены сдаю, вчера пятерку получила.

– Я не про это, говорят, Женька вернулся.

– Да, говорят, я с парнем познакомилась.

– А Женька как же?

– А никак...

– Значит, не захотел даже видеть тебя, я тебя предупреждала.

– Ты ошиблась: мы встретились.

– Да? И что же? – растерянно протянула она.

– А ничего, встретились как друзья. Mam, я не плачу, не стенаю и я не отравилась, чем ты недовольна?

– Значит, отвернулся.

– Женя сильно изменился, хмурый все время, курил и молчал, хватит о нем! Я познакомилась с парнем.

– Где познакомилась?

– В автобусе.

– Вот-вот, знакомишься, где попало и с кем попало, ну сколько раз тебя предупреждала, нельзя этого делать.

– Не с кем попало, а со студентом нашего института.

– Они набрешут, только слушай. Не знаешь еще, какие мужики бывают, боюсь я за тебя, неопытная ты.

– Вот именно – надо опыта набираться. Мама, оставь меня, мне надо готовиться к последнему экзамену.

Я лежала с учебником и зубрила формулы, представляя, как буду ловить восхищенные взгляды Василия и целоваться. Грезы прервала мама:

– К тебе парень.

– Какой еще парень? – поразилась я.

– На Женьку похож, – предположила мама.

На Женьку? Не может быть! А вдруг правда, а у меня затрапезный вид, переполошилась я.

– Скажи, дома нет!

– Я уже сказала, что дома.

– Так скажи, что вышла незаметно, ну придумай же что-нибудь!

Мама непонимающе заморгала глазами:

– Вот выйди и скажи, а меня врать не заставляй!

Нет, сейчас не могу, подумала я, но пронзил страх, а вдруг больше не придет? И я даже не узнаю, зачем явился.

Я рванулась к зеркалу и принялась лихорадочно драть волосы расческой, в голове стучало: что надеть? Красное или белое, а может, цветное? Явился, снизошел до меня, какая милость! Что ему еще от меня надо? Издеваться понравилось, но что же надеть? А ничего, так пойду в старенькой короткой юбке, она мне идет, пусть посмотрит на мои красивые ножки. И облегающая кофточка очень выгодно очерчивает талию и грудь, пусть посмотрит, пусть пожалеет, какую девочку потерял! Переживания пошли на пользу: фигура стала просто обольстительная. Не стоит для него наряжаться, еще возомнит, что из-за него переполошилась, пусть не думает, что по нему плачу, я ему нос утру! Но подойдя к двери, потерялась: что сказать? И поняла, сказать нечего, от боязни меня затрясло, а когда раскрыла дверь и увидела Женьку, успокоилась, сам пришел, так пусть говорит, а я буду слушать. Я стояла у стены ни жива ни мертва, боялась поднять глаза и терялась в догадках, зачем пришел, неужели нравлюсь? Мои нервы оголились, и всем своим существом я обратилась в слух.

– В тот день я приходил, только позже, – неуверенно проговорил он. Я не ответила.

– Время перепутал, с Ташкентом три часа разница, никак не привыкну, пришел извиниться.

Ах, вот оно что, видать, еще никого не подцепил, только я ему не нужна.

– Правда, долго не мог адаптироваться, – оправдывался он.

И опять лжет, но так хочется верить, шептало сердце. Я осмелилась поднять глаза, как же долго его ждала, и вот он передо мной стоит, переминается, ждет ответ. Я должна быть на седьмом небе, но все смешалось, и радости не чувствую, ложь и горечь сжимают горло. Да тот ли этот Женька, которого я так ждала и любила? Но надо ответить что-то...

– Женя, за это время можно и в космосе адаптироваться.

– А я вот и адаптировался уже, – изобразил он нечто вроде улыбки.

Намеком не обмолвился, что нравлюсь. Обидел хорошую девочку и винится, или еще признается, что нравлюсь, напряженно гадала я, недоуменно рассматривая его. Вдруг показалось, будто вижу Женьку впервые: ну высокий, ну симпатичный, ну и что, зачем убиваться-то? Сама придумала его, приписала благородство, а он играет со мной, как кошка с мышкой, через месяц пришел извиняться. Смотреть противно, как выкручивается, сейчас-то зачем врет? Не стоит он моей любви.

– Правда, я приходил, не помню во сколько, – протянул он виновато.

Боже, как неистово я ждала! Неужели его ждала? Если бы он пришел месяц назад, я бы от счастья захлебнулась, но сейчас все испоганено. Внутри только сожаление и обида; нечего сказать. Но ведь надо что-то говорить, я молчу, а он ждет. Он лжет, а так хочется верить, так хочется надеяться. Я бы поверила, не будь злополучного звонка, главное, таким оскорбительным тоном ответил, забыть невозможно. Зачем звонила и унижалась? Не будь того разговора, я бы простила, но он был. Или он думает, что меня можно оскорбить, а потом прийти и лапать? Нет, любовь не может начинаться со лжи, мне больно, очень больно, но не надо его оправдывать.

– Я так и подумала, что ты время перепутал, но я была и в семь, и в восемь, потом звонила, ты мне нагрубил.

– Не помню, может, не в духе был, прости, никак не привыкну к «гражданке».

Как хочется поверить. Ну зачем я звонила? Надо было тихо ждать.

– Жень, ты целый месяц ко мне шел?

– Раньше не мог, к родственникам уезжал, а вот приехал и сразу пришел.

Понял, что я редкая и настоящая, шевельнулась надежда, так, может, скажет. Почему молчит и что ему надо от меня? А может, переспать мечтает, дескать, ждала – так на все согласная, других еще обрабатывать надо, а эта уже готовая. Господи, ты видел, как мучительно я ждала, как боялась не понравиться, как дрожала, будто вся моя жизнь в его руках. А вот сейчас смотрю и ничего не боюсь. Боль и обида подступили к горлу. Противно смотреть на его кривую улыбочку, блуждающий взгляд: он боится посмотреть в глаза. Я ждала его, но он оскорбил и сейчас продолжает оскорблять ложью. Нет, так любовь не начинается, и не надо себя обманывать.

– Ты опоздал, Женя, – сказала я спокойно и тотчас удивилась: что несусь?

Женька растерянно смотрел на меня, и его губы застыли в недоверчивой улыбке.

– У меня есть парень, и он мне нравится, – сказала я уверенно.

Внутренне напряжение спало, и охватило невероятное облегчение, выбор сделан, отступить нельзя. Захотелось больно хлестнуть по мужскому самолюбию и отыграться за унижение, я вскинула глаза и проговорила: «Женя, я ждала тебя...»

Его лицо в растерянности расплылось. Произнося слово «ждала», я почувствовала, будто отрезаю большой болезненный кусок своей жизни. А когда слова закончились, показалось, что это «ждала» относится вовсе не ко мне, а к какой-то другой девушке. Я свободна, он больше не будет мучить, но где-то глубоко и отдаленно болит. Я вскинула глаза и посмотрела прямо в его лицо: насмешка сползла, лицо сделалась серьезным и трогательным, почти детским, словно мое нехитрое «ждала» сразило его. Мое сердце дрогнуло, все же в нем есть нечто близкое мне: он романтик с тонкой душой. У него была депрессия, а я не поняла, все мое нетерпение виновато. Нелепо вышло, три года ждала и не дождалась три недели. Досада и боль разлились внутри горечью, откуда взялся этот Василий? И как идет Женьке эта голубая рубашечка, хочу смотреть в его серые глаза и слушать. Зачем я вылепила про Василия, про злополучный телефонный разговор? Дурочка, однако молчит, не признается, что нравлюсь, значит, не нравлюсь, все-таки пришел, и все можно исправить, всего один шаг, еще не поздно. Сказать, что парня придумала от обиды, да и какой он мне парень, подумаешь, в ресторан несколько

раз сходил. Хочется подойти к нему, положить руки на плечи, прильнуть к груди, нет, нельзя отпускать: уйдет и больше не появится.

Я как вкопанная стояла и не могла разжать рот. Мы растерянно смотрели друг на друга, не понимая, что происходит. Неужели вот так и расстанемся, ужаснулась я, но он же мужчина, он должен сказать, а молчит, значит, не нравлюсь, пришел только извиниться, ну извинился, так почему не уходит? Ну неужели я ему ни капельку не нравлюсь, ведь он читал мои письма, он знает меня! Если не нравлюсь, то зачем пришел? Долго мы так будем стоять и молчать? И чем же все это кончится? Сам не знает, чего хочет. Я хочу, чтобы он подошел и поцеловал.

А завтра я встречусь с Василием, а потом опять с Женькой? Сегодня с одним, завтра с другим, это пошло и гнусно, а где же любовь? И как же буду целоваться с Женькой, когда меня Василий целовал, я не хочу лгать и раздваиваться. На Женьку нельзя полагаться: сегодня извинился, а завтра пропадет, он сам не знает, чего от меня хочет. Если предложит прогуляться, пойду, но он молчит, нет, не буду себя ронять, девушка не может себя предлагать.

– Жень, мне завтра последний экзамен сдавать.

– Прости, не спросил тебя о сессии.

– Все хорошо, – ответила я и в отчаянии посетовала: – Неужели тебе больше нечего сказать?

От напряженного ожидания зазвенело в ушах, неужели дашь мне уйти? Не хочу видеть его спину, я должна уйти первой.

– Извини, мне надо готовиться.

Я резко развернулась и приказала себе не оборачиваться. Но краешком глаза видела, как он потерялся и чего-то ждал. В голове промелькнуло, если остановит, если признается, прошу, подойду к нему близко, очень близко, невозможно близко, но что же он? В ушах звенела тишина – это конец. Я бессильно прильнула к двери, но спинным мозгом чувствовала: он еще за дверью. Все во мне оцепенело, при чем здесь экзамен? Я выгнала его, в это невозможно поверить. Какая муха меня укусила? Три года прождала и за три минуты все испортила! Надо было молчать, слушать его, а я полезла со своими признаниями. Я бросилась к окну: вот он медленно идет к остановке, словно чего-то ждет, надо вернуть, сейчас окликну, но я прилипла к окну и тупо смотрела вслед. Зачем же он приходил?

Я рванулась к двери, но куда-то пропали туфли, потом ключи, я бессильно опустилась на диван, не надо никуда бежать – поздно! Не надо травить душу, я едва освободилась от этой ненормальной любви, я только выздоравливаю и не хочу возвращаться в страдания! Я правильно поступила, я не позволю над собой насмехаться! Может быть, он уже понял это и впредь будет дорожить мной, неужели я не заслужила хоть капельку счастья? Почему я стою и ничего не делаю? Я что – остолбенела? Нет, любви он дать не может, а жалость мне не нужна. И вдруг пронзила мысль: я не сегодня отказалась от Женьки, а в тот день, когда пошла с Василием. Я сама изменилась, на губах горят поцелуи другого. Нет, искренних отношений с Женькой не получится, первозданные чувства утрачены.

Я смотрела в конспект и видела, как Женька, переминаясь с ноги на ногу, выговаривает, что правда приходил. И сожаление вновь и вновь разливалось внутри желчью, не состоялось, а ведь могло, сама разрушила. Ну почему не пришел раньше или позже? И вдруг остро кольнуло предчувствие, что мы еще встретимся, что это не конец. Ни один мужчина не забудет, что его ждали.

На свидание я шла с тяжелым сердцем, Женьке отказала, а что с Васей выйдет, неизвестно. Отыграться хотела, отомстить, ну и чего добилась? Да симпатичные девчонки имеют одного основного, другого запасного и еще пожарного. А я с двумя растерялась, кому нужна моя прямота? Останусь одна, только и всего.

Завидев Василия, почувствовала, что сожаление только усилилось. Как можно променять Женьку на этого доходягу? Он заявил, что сегодня будем отмечать окончание сессии.

– Ты еще студент, откуда у тебя деньги на кабаки?! – раздраженно спросила я. Соблазнить хочет, вот и рассыпается, а может, жениться думает? Только как понять, чего именно ждет?

– Подрабатываю. Завтра на сборы забирают, так что встретимся в конце августа.

Я смотрела на него, пытаюсь заглушить досаду, парень старается, а Женька никогда бы не стал угощать и угождать. Похоже, влюбился, Женька никогда бы не полюбил. Надо успокоиться и попытаться понять, чего от меня ждет Василий? А с Женькой еще встретимся. Шампанское играло в голове, и сожаление угасало. В тот вечер мы гуляли почти до утра.

– У тебя очень круглые коленки, это большая редкость, – сказал Василий.

– Да кто смотрит на коленки, смотрят на ноги? – удивилась я.

– Ты в этом ничего не понимаешь, у тебя идеально округлые коленки, – сказал он ласково и, обхватив пальцами мои колени, трепетно прикоснулся к ним губами, словно к настоящему сокровищу. Я пришла в полное изумление, удивлялась, оказывается, у меня необыкновенные коленки, если бы не Василий, я бы этого не узнала.

– Я очень рад, что познакомился с тобой, я люблю твои волосы, твои глаза, губы, твой запах. Ты удивительно нежная и женственная, прикасаться к тебе одно удовольствие, уйти от тебя тяжело, забыть тебя невозможно, – шептал Василий.

Вот, оказывается, какая я необыкновенная, умилилась я от таких слов, и душа поет, а от Женьки никогда бы ничего подобного не услышала, и нечего о нем сожалеть.

– Ты будешь меня ждать? – спросил он.

– Буду, а чему ты улыбаешься?

– Радости, меня еще никто не ждал. Кажется, я влюбился.

– Разве это ожидание – всего два месяца? – Сердце заныло, это же не два года.

– Приятно знать, что тебя ждут, не хочу расставаться с тобой.

– А ты будешь меня ждать?

– Я не на прогулку, а на военные сборы еду, но я очень счастлив, потому что ты будешь меня ждать, – заверил Василий, одаривая очаровательной улыбкой.

Когда он смотрит на меня, то светится нежностью и преображается. Оказывается, нежность можно увидеть. Одним обещанием ждать уже счастлив, а Женьке в тягость мое ожидание, он никогда не смотрел на меня так, с ним я чувствовала себя неуверенной дурнушкой. А с Василием ощущаю себя хорошенькой, я отвечу на его любовь, если, конечно, это любовь. Но очень похоже. Он вернется и увидит, что я ждала, и будет счастлив. Я увижу, как загорятся его глаза, я буду счастлива, мы оба будем счастливы, очень счастливы!

Накануне нового учебного года раздался звонок, я кинулась к двери и, увидев Василия, радостно воскликнула: «Пришел!» Захотелось броситься на шею, но я наткнулась на сухое «Здравствуй». Внутри заглодело: на меня смотрело чужое непроницаемое лицо. Я обескураженно озиралась, теряясь в догадках, ему нечего сказать, отчего переменялся, что я сделала не так? Я честно ждала, но он даже не поинтересовался, и вдруг уколола мысль: у него другая.

– Пойдем в кафе, – предложил он, изображая улыбку.

Может, просто отвык, просто не ждал, просто разонравилась. Тогда зачем явился, безжалостно в мозгу разочарование, а я ведь ждала этого недоростка, Женьке из-за него отказала. Смотреть противно, как он вымученно скалится, изображает внимание. Так и подмывает съязвить: зачем комедию ломаешь? Ладно, не буду раньше времени расстраиваться, надо понять, что произошло. Раз приглашает в ресторан, значит, не забыл, не совсем разонравилась. Только не надо лгать себе самой: он ни слова не проронил, что рад видеть, что скучал. Что врать не умеет, это хорошо, только в глазах нет отблеска радости. Но даже на первом свидании он не казался таким чужим.

– Сегодня мы закажем цыплят табака, – сказал Василий, – и шампанское с коньяком.

– Василий, я поужинала, себе закажи. – Я слукавила, поужинать не успела, но разочарование убило аппетит.

– Ради нашей встречи ты должна отведать цыпленочка, – возразил мужчина.

Прошло около часа, но ничего не менялось, мы молчали, мои попытки завязать приватный разговор наталкивались на стену. Я терялась в догадках, с виду вроде внимателен, но говорит официально, а улыбается так, будто лимон проглотил, зато угощает от души, вот и пойми, чего хочет. Возможно, я уже не его девушка, красивее нашел? Так пусть и катится к ней. У меня такое чувство, будто в чем-то провинилась, даже вино не снимает напряжения. Но в чем я виновата – что ждала, что надеялась на любовь? А теперь у разбитого корыта, нет, мои нервы не выдержат. Я встала и направилась к выходу.

– Ты куда? – взволновался Василий.

Ага, реагирует, видно, денег потраченных жаль, а мне жаль потраченного времени, но время не купишь! Ладно, посмотрю, что дальше будет. Надо переждать, успокоиться, и зачем убегать, когда здесь хорошо? Я пью хорошее шампанское, ем цыпленка табака. Ну не ждал он меня, не смог полюбить, так ведь и я не люблю его. Но отчего тогда душит обида, у нас не было любви, а было лишь ее обещание. Однако он даже не смотрит на меня, уж этого никак не ожидала. Я хочу знать, что произошло, а если не выдержу и уйду, правду не узнаю. Если бы я была безразлична, то не стал бы он тратиться. Мужчины с доступными спят, а на недотрогах женятся. Меня он бережет, а с ней просто спит, надо же куда-то похоть спускать. А может быть, причина вовсе не в женщине, может, это мои болезненные фантазии, и напрасно себя накручиваю? Я вернулась за столик, выпила бокал вина, потом рюмку коньяка. Неожиданно накатило безразличие, я осмелела и резко спросила:

– Василий, ты хотел меня видеть?

– Да, конечно, я рад, очень рад, – тараторил он, словно хотел себя самого убедить в радости, и вдруг завертелся и суетливо предложил: – Давай еще закажем шампанское, отметим новый учебный год.

Внутри разлилось разочарование, а я-то наивная о любви размечталась. Когда прощались, он был счастлив от одного обещания ждать, а пришел и не поинтересовался. Я знала, что заверения в любви не надежны, но как горько в этом убедиться воочию. Он не заметил, что я изменила прическу, что на мне модный костюм, что я похорошела. Ничего не заметил, а ведь для него старалась.

– Василий, мне кажется, за время разлуки с тобой что-то произошло, – начала я осторожно, надеясь, что его равнодушие только кажущееся и должно развеяться.

– Ничего не произошло, тебе показалось, я очень устал. Нас бросили тушить пожары, ты не представляешь, какой это ад, когда горит торф, – его голос сорвался на высокой ноте, словно он хотел добавить убедительное словцо, но не успел его придумать.

– А ты загорел, возмужал и стал интереснее, – сказала я, – но не заметил, что и я похорошела.

– Заметил, но сказать не успел.

– За два часа не успел? – усмехнулась я.

Разочарование медленно раскатывалось внутри, просачиваясь в рассудок, – охладел. Зачем явился, неужели потому, что я еще считаюсь его девушкой? А я-то наивная все лето прождала этого уroda, нет, это невыносимо сознавать. Уж если страдать, так от любимого, а от этого и вовсе обидно. Я думала, ну ладно на внешность не очень, но благороден и почти влюблен. А он, значит, днем пожар тушил, а по ночам к бабе бегал. Да я даже знакомиться с ним не хотела, а теперь он нос воротит? Усталость разыгрывает, когда после боя мужчине особенно нежность нужна, только он уже получил порцию ласки. Ну ладно, посмотрю, что дальше запоет.

Когда мы подошли к дому, он поцеловал так, будто исполнил ритуал и не заикнулся о свидании. Он не хочет меня видеть, упало внутри.

– Мы еще встретимся? – спросила я, изображая безразличнее.

– Зайду как-нибудь, – ответил он, отмахиваясь.

Сволочи, нельзя никому верить, не ценят они настоящих девушек, пусть катится к своей потаскушке. Какая же я наивная, надо было гулять, теперь не чувствовала бы себя обманутой, не стоит их ждать, чтобы не разочаровываться, чтобы не чувствовать боли! Нельзя им верить, но я же собственными глазами видела, как он светился любовью! Значит, не верь глазам своим?! Есть ли на свете эта любовь, о которой все только разглагольствуют? Может, только иллюзия любви и существует? А на самом деле это любовная игра: кто кого перехитрит, тот и устроится. Но я не хочу устраиваться, я хочу любить и быть любимой, или это невозможно?

Выходит, отступаюсь от своей веры? Нет, не может такого быть, чтобы не было настоящей любви, просто не каждый способен на нее, я ошиблась в парне. И вдруг поняла: ждала не ради Василия, а ради себя, хотела быть искренней и чистой. Не стоит делать выводы после одного свидания, бросит он эту бабу, она ведь в другом городе живет. Только дело не в ней, а во лжи, на сердце беспокойно, чует сердце: это начало конца.

Мы сидели и целовались на койке, возвращались летние ощущения и эмоции, однако меня грызло ощущение разлада и недосказанности.

– Василий, уезжая, ты говорил, если буду ждать, то будешь счастлив. Но ты даже не спросил, ждала ли я?

– Ну и как, ждала? – спросил он язвительно.

– Ждала...

– Говоришь, ждала? – И он начал расстегивать кофточку. Я отодвинула руку.

– Не похоже, что ждала.

– Дело твое, можешь не верить, ты очень переменялся за лето.

– Как это переменялся? Я все такой же...

Он опять начал расстегивать кофточку и обнажил грудь.

– Какая грудь!

Я увернулась и пересела на стул.

– У меня была женщина! – злобно бросил он.

Я правильно поняла, подумала я, но, подавляя обиду, спросила:

– Ну и как ощущения?

Слащавая улыбочка расплылась на его лице, и, словно жуя конфетку, Василий протянул:

– Такие ощущения словами не передать, тебе это не понять.

Меня передернуло не столько от слов, сколько от его пренебрежительно пошлого выражения лица. Ах, вот как, выходит, я неполноценная. Но если он от нее без ума, так почему не женится, почему ко мне таскается? Раздразнить меня хочет, тела добивается, а стоит уступать, еще неизвестно, как запоет. Нет уж, пусть е...т эту шлюху!

Любовница дает наслаждение и обладает над ним властью, а я со своей невинностью только раздражаю. Она отбила его не потому, что лучше или красивее, а потому что просто легла. Интересно, что же это за наслаждение такое, от которого люди разум теряют? В этом есть какая-то тайна. Я жду его, а он мотается к ней, дарит ей подарки, водит в кафе, клокотала во мне ревность, смешанная с завистью. А вот захочу и верну его, возьму и решусь, и не известно, кого он предпочтет! Раз ко мне вхолостую ходит, то серьезные намерения имеет! Пока пусть с ней спит, должен же он куда-то гормоны сливать, надо спокойнее к этому относиться. И нечего ей завидовать: поматросит, да и бросит! Она девственность потеряла, а замуж не вышла. Я могу стать женщиной в любое время! А вот она девочкой – никогда! У нее уже нет этого преимущества!

Однако Василий пропал, и я поняла, что отношения катятся к разрыву. Я почти примирилась и даже мысленно рассталась с ним, однако через три недели он появился и предложил сходить в ресторан. Я уклончиво ответила, что уже поздно, что в другой раз.

– Очень рад тебя видеть, боялся не застать, – признался он.

– Я тоже рада, но откровенно говоря, не думала, что придешь.

– И не ждала, значит? – язвительно поинтересовался он.

– Ждала, но не надеялась, ты же распахнулся, – сказала я спокойно.

– А я вот пришел! – и он одарил меня обворожительной улыбкой.

Смотрит влюбленными глазами, будто лето вернулось, ну и чудеса, видимо, с бабой расстался. Может быть, в любви признается? Однако он стал расстегивать кофточку. В голове пробежало опасение, остановить, но ведь опять распахнется, ладно не буду злить, да пусть посмотрит на мою грудь, не жалко. Пальцы заскользили по телу, и воскресли забытые ощущения любви. Не хочется ни о чем думать, а только вбирать очаровательные ощущения, наполняться живительными соками. Невозможно прерывать наслаждение, да и не надо, лучше расслабиться. Он прикоснулся губами к груди и поцеловал в сосок. И тут сознание пробило: да он меня раздел!

– Нет! – закричала я и соскочила с постели. Меня трясло от испуга, от того, что незаметно потеряла над собой контроль. – Что ты хочешь от меня? Что предлагаешь, что молчишь? – опомнившись, спросила я.

– Поздно, пора уходить, – отозвался он.

Скотина, за стенкой родители, да отец его просто разорвет, а меня запрут! Но я должна молчать, быть ласковой и не перечить.

– Ты придешь еще?

– Не знаю, – ответил он и его лицо застыло в пренебрежительной маске.

– Постой, не уходи так сразу, я не хочу ссориться.

– А мы и не ссоримся, – холодно отрезал он.

Самолюбие задело, не удалось обломать. А я, наивная, о любви размечталась. Ищи другую, а я не стану рисковать будущим ради твоей похоти, мысленно возмущалась я. Как мужчину его понять можно, но поймет ли он меня? Ведь от этого рождаются дети. Одного ждала, другого ждала: никому я со своей девственностью не нужна, и не дождусь никакой любви, а молодость быстро проходит. Их только постелью и можно привязать. Так, может, не стоит его терять, вдруг лучше не встретится, но ведь и тот будет настаивать. Что если все женихи будут бросать меня из-за этого? Рано или поздно придется решаться, так почему бы не рискнуть с Василием? Мне кажется, из него выйдет хороший муж. Остаться одной сейчас, когда свинцовое небо и льют дожди, когда так грустно, что хочется выть. Все-таки он чудесно ухаживал, восхищался мной при знакомстве. Наши чувства могли бы перерасти в любовь, если бы эта баба не попала. Страшно рисковать, и посоветоваться не с кем, если только к Люсе поехать? Люся все знает, она разумная и душевная.

Люся встретила меня неприветливо, раздраженно заявила:

– Мне надо уходить.

– За советом приехала: парень бросает меня, потому что не отдаю, посоветуй, что делать?

– Ни в коем случае! – выкрикнула Люся так резко, что я вздрогнула.

– Но я не хочу его терять, а рано или поздно все равно придется решаться.

– Нельзя это делать! – истерично закричала Люся. Ее лицо искривилось и застыло в гневной гримасе. От внезапного страха меня затрясло, задела ее за живое. Люся испугалась своей вспышки гнева, ослабилась и поникла, на ее лице прорезалась глубокая скорбь.

– А ты откуда знаешь, у тебя что – было?! – осторожно спросила я.

– Сколько горя приняла, полгода прошло, а я никак в себя прийти не... – Она осеклась, ее лицо задергалось, а глаза увлажнились.

– Люся, прости, я не хотела сделать больно, если бы знала, не стала бы...

– Да что ж, сама собиралась сказать, чтобы с тобой такого не случилось, – смягчаясь, выговорила она и разрыдалась. Мне сделалось жутко.

- Ты что, беременна? – осторожно спросила я
- Ну что ты... – отмахнулась она.
- А я уж подумала о ребенке.
- Я даже не думала ни о каком ребенке! – раздраженно закричала Люся.
- Так, может, ты болеешь?
- Болею, ох как болею, Татьяна. – Она схватила меня за руку так, как хватается утопающий. Ее горе передалось мне, страшное предчувствие сжало сердце.
- А я смотрю, неважно выглядишь, Люсенька, чем болеешь?
- Но Люся только плакала, я перефразировала вопрос:
- Неужели это неизлечимо?
- Вот именно, именно неизлечимо, как верно сказала, – горестно подхватила она и заголосила так, что у меня по спине побежали мурашки.
- Врачи ошибаются, все обойдется – ты молода.
- Ничего не обойдется! – закричала она
- Люсенька, неужели рак? – перепугалась я.
- Да при чем здесь рак? Душа болит! День и ночь гложет: ни есть, ни пить не могу, а только слезы лью, почернела и еле ноги таскаю, свет белый не мил...
- И тут меня пронзила жуткая догадка: неужели из-за этого, или я не поняла чего-то?
- Люсенька, неужели из-за этого можно заболеть? – спросила я, надеясь, что прояснится истинная причина горя.
- Выходит, можно, еще отошла, видела бы ты меня тогда: краше в гроб кладут.
- Вот так отошла, да на тебе лица нет! Может, еще что-то стряслось, Люся, я не верю, что из-за этого можно заболеть.
- Да, только из-за этого, – тихо произнесла она.
- Меня пронзило, так вот какая женская доля, что если со мной такое случится?
- Да в себе ли ты, Люсенька, голубушка, ведь полгода минуло? Вот смотрю на тебя, вижу твое ужасное состояние, но поверить не могу, что из-за этого можно убиваться. Забудь его, ну было и прошло, о себе подумай, так ведь рехнуться не долго.
- Я понимаю, что надо забыть, только ничего с собой поделать не могу.
- Выражение ее лица сделалось беспомощным и страдальческим, лоб прорезала безысходная морщина, а глаза застыли в безысходной печали. Так вот оно какое, бабье горе, оборвалось внутри, не приведи Господи. Однако в следующую минуту кровь бросилась в голову, в висках застучало: нельзя мириться, надо что-то делать, надо встряхнуть ее, но как? Во мне все закипело и восстало против мужского обмана.
- Ну извини, я уж было подумала, ты схоронила кого, а тут мужик ушел. Да их еще много будет, и если из-за каждого болеть, то жизни не хватит! Ты что – с тремя детьми осталась? Ну не вышло с одним – с другим выйдет, может, еще лучше найдется. Подумай о своем здоровье: тебе детей рожать! Или без ума любишь?
- Да нет уже, да и раньше не очень, ну нравился, конечно, и все хорошо было.
- Совсем не понимаю, ну чего тогда голосишь?
- Да я и сама не понимаю, одно только сказать могу, не дай Бог тебе пережить такое.
- Люся, у тебя в комнате очень темно, может, свет включить?
- Нет, – закричала она истерично. Я перепугалась, что же он с ней такого сделал?
- Люся, успокойся, не надо так реагировать, это всего лишь свет, в темноте у меня глаза болят, но я потерплю. Не обидишься, если спрошу, что же это такое, ну какое впечатление?
- Она долго молчала, а я испугалась, что опять сделала ей больно, совершенно безразличным голосом она ответила:
- Да никакого.
- Как никакого? Должно же что-то быть, все говорят – необыкновенное?

- Абсолютно ничего, ерунда какая-то.
- Тогда почему на этой ерунде все помешаны?
- Вот и я поражаюсь – почему? Ничего хорошего я не нашла, только страдания приняла понапрасну, вот что и обидно.
- Люсь, неужели все мужчины такие?
- Не знаю, может, и не все, но видишь, как я ошиблась.
- Расскажи, как у тебя с учебой?
- Да какая учеба, хожу на лекции, что-то пишу и ничего не понимаю, не знаю, как меня еще не выгнали из университета.
- Ты что несешь или действительно хочешь заболеть страшной болезнью? Надо думать о будущем, о здоровье и образовании, а мужики найдутся. Ты умная, добрая, симпатичная и душа у тебя красивая. Да будь я мужчиной – никогда бы не оставила тебя. Надо радоваться, что избавилась от недостойного. И пойми, ты еще легко отделалась, без осложнений, а могла залететь. – При этих словах, Люся вся перекосилась, будто я хлестнула ее по лицу.
- Да что ты понимаешь в этом? Он же у меня первый! Вот если бы с тобой такое, я посмотрела, как бы ты запела?! Не приведи Господи, но все-таки тебе не ведомо, как это больно, когда доверилась, а тебя бросают.
- Не надо отчаиваться, тебе всего 20 лет, еще будешь счастлива!
- Не говори мне ни о каком счастье! – нервно закричала Люся.
- Конечно, я слукавила, хотела успокоить, да только рану разбередила своей девственностью: ведь у меня еще есть шанс встретить настоящую любовь, а у нее нет! Но тяжело видеть ее горе, оно невольно передается мне.
- Люся, но ведь сексуальная революция началась после Отечественной войны, прошло больше четверти века. Да сейчас чуть ли не с первого свидания в постель ложатся, потом разбегаются и никто из-за этого не заболевает! Замуж по залету выходят. Ты сильно преувеличиваешь значение плевы. Всего-то какая-то пленка паршивая – и столько горя из-за нее? Ну ты сама подумай, разве дело в ней?
- Не знаю, как другие, не думала, что это меня убьет, даже объяснить не могу, одно только знаю, обидно и больно.
- Люся, значит, этого нельзя делать?!
- Если ты хочешь, чтобы с тобой так было – делай, – сказала она равнодушно.
- Жаль терять, парень хороший, заботливый, внимательный...
- Мне тоже казалось, хороший и любит... знаешь, я поняла, этим не удержишь, ну на какое-то время можно, а потом все равно бросит. Так что жди, может, замуж предложит, не предложит – значит, не нужна. А от того, что отдашься, ничего не изменится, горе наживешь – и все.
- Выходит, мужчины с нами могут сделать, что угодно? Захотят, вознесут до небес, а захотят – сломают и бросят, и не поинтересуются, что с нами случилось? Выходит, мы полностью в их руках? Люся, ответь что-нибудь, почему ты молчишь, так выходит?
- Выходит, что так, – тяжело вздохнув, согласилась она.
- Так как же жить, Люсенька? Совершенно невыносимо мириться с такой несправедливостью? Ведь это же не нормально, мы не в крепостном праве! И где же тут любовь?
- Не знаю, жди, может, замуж предложит, а нет – другого парня встретишь.
- Другой тоже будет требовать. Я одно поняла, как только парень чувствует, что нравится, так он власть над тобой берет! Ты хоть пропади – а дай! А замуж предлагают те, кто не нравится.
- Не знаю, Татьяна, я уже ничего не знаю.
- Люся, но неужели все так гадко и безнадежно, неужели нет любви?
- Не знаю, может, и есть, мне не повезло.

– Выходит, любовь нечто вроде гаданья на кофейной гуще: повезет – не повезет? Разве это подлинные отношения? Нет, здесь что-то другое должно быть, должна быть встреча, но как же ее распознать? Да и можно ли на нее рассчитывать всерьез? – горячась, спросила.

– Не знаю, мне вот показалось, что любовь, а оказалось... – она остановилась, задержалась, – я не могу больше об этом, и мне надо на лекцию.

Я почувствовала себя подавленной и виноватой и вдруг поняла, что едва выношу комнатную духоту и темноту. Выйдя на улицу, я облегченно вздохнула и подумала, тяжелая встреча, а подруга даже чаю не предложила, да вообще чуть не выставила. Такое невнимание, но и обижаться негоже, в ней едва теплится жизнь. Озлобилась, словно помешалась – ничего не видит, кроме своего горя. Да мне после всего услышанного и чаю-то не хочется, зайду в кафе и выпью вина, надо прийти в себя после этого кошмара. Я ехала за утешением и советом, а столкнулась с безутешным горем, самой пришлось утешать.

Бокал сухого вина с запеченной рыбой несколько развеял угнетенное настроение. Однако когда я села в автобус, страшный разговор опять завладел мной, что же он с ней сделал, что она из добродушной веселой девушки превратилась в горемычную страдальницу с оголенными нервами? Какую такую власть над ней заимел? Неужели и мне не избежать этого горя? Выходит, они сначала добиваются нас, потом развлекаются, а потом избавляются. Нет, я на такие жертвы не пойду, мне горя не надо: ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него убиваться. И уж тем более Василий, я даже не люблю его, ну нравится, ну подумаешь, это вовсе не любовь. Зачем же мне рисковать ради его же удовлетворения? Это нужно ему, это его трясет от неудовлетворенности, а я даже не знаю, что это такое, может, впрямь ерунда, как Люся сказала. Нет, я не позволю издеваться над собой из-за непонятной ерунды! Пусть замуж предлагает, а уступать не стану. Но если все будут бросать из-за недоступности, как замуж выйти, вот в чем вопрос. Но ведь должен же быть какой-то выход? Я тупо смотрела в окно автобуса, пытаюсь найти утешение в мелькающей панораме. Мозг настойчиво стучал в поисках выхода, и вдруг пробило: мне рано замуж, до диплома еще далеко, а за это время все как-нибудь образуется.

Я уговаривала себя теми же словами, которыми успокаивала подругу, однако это не приносило облегчения, внутренняя тревога вопрошала: какое будущее уготовано мне? Дело не в Василии, а в том, что от этого каверзного вопроса не уйти. А его надо забыть, найти другого, удалось же забыть Женьку, теперь надо забыть Василия. И до каких пор придется их забывать, всю молодость, всю жизнь? На какую любовь можно надеяться? Не буду думать за всю жизнь, сначала надо покончить с Василием, пойду на танцы и познакомлюсь, может быть, еще лучше найду? Я стала красивее.

В автобус вошел парень и сел рядом. Я многозначительно посмотрела на него и подумала, да вот хотя бы этот, вполне ничего, главное высокий и приятный. Интересно, могу ли я понравиться? Смотрит вроде заинтересованно, а что думает? А впрочем, нет мне до него никакого дела, все они кобели. Я уставилась в окно, однако парень заговорил:

- У вас плохое настроение, вы такая печальная.
- А вы что, можете помочь? – спросила я ехидно.
- Не знаю, но хочу помочь симпатичной девушке.
- А вы только симпатичным помогаете или всем подряд?
- Но вы же рядом, так почему бы не помочь.
- Так вы спасатель? – съязвила я.
- Нет, будущий врач. Меня зовут Валентин.

Вот-вот, подумала я, Люсин парень тоже из медицинского, все они там циники. Но с виду ничего, сойдет.

- А может, вечером сходим куда-нибудь? – предложил парень, и я согласилась.

Вопреки ожиданиям он никуда не пригласил, мы просто пошатались по улицам. Я подумала, этот не только в кафе, даже в кино не пригласил, а как красиво ухаживал Василий. Когда

мы подошли к дому, Валентин порывисто обнял меня и притянул к себе. Я вывернулась, сказав, что мы едва знакомы. На второй день мы опять бесцельно шатались по городу. А когда вошли в подъезд, он поинтересовался моим возрастом, потом спросил, был ли у меня парень, и, с силой схватив меня в охапку, впился в губы. Было такое чувство, что он хочет отгрызть от меня кусок, но настоящий страх охватил, когда я поняла, его бьет током.

– Отпусти меня, ты делаешь больно, – закричала я.

Он нехотя ослабился, а я, приходя в себя, возмутилась, вот скотина, в своем подъезде чуть не изнасиловал, а еще будущий врач!

– Не смей со мной так обращаться! – закричала я. – У меня есть парень, мы в ссоре, и встречаться с тобой не буду.

Я увидела, как его лицо налилось кровью и в гневе перекошилось.

– Тебе уже двадцать, а ты все одна! А роженицу-первородку после двадцать двух лет называют старородящей! – злобно крикнул он мне вслед.

– Это не твоя забота.

– Будешь такими, как я, бросаться – останешься, – прошипел он злобно, все еще не веря, что я даю отставку.

Меня трясло от возмущения и страха: оказывается, опасно знакомиться на улицах. А с Василием мне просто повезло, по сравнению с этим нахалом он просто ангел. А может, еще не поздно его вернуть? Неужели он отказался из-за невинности, а казался влюбленным? Сбежал, как подлый пес, даже не объяснился, придется самой выяснить причину. Я отправилась в студенческое общежитие накануне праздника Октября, в день его рождения.

– Поздравляю, – сказала я, протянув в подарок зажигалку.

– Это мне? – удивился он. – Зачем, она дорогая.

– Ты же тратился на рестораны, мне захотелось сделать подарок на память, или не нравится?

– Ну что ты, очень нравится, большое спасибо. Я польщен, мне никто не дарил подарков.

– Я рада, что угодила. Василий, я ждала тебя, что – уже не нравлюсь?

– Нравишься, нравишься, но нам лучше не встречаться.

– Объясни, почему?

– Что тебе объяснить? – спросил он нервно и отвел глаза, дескать, ну что пристала.

К горлу подступил комок, все уперлось в постель, не любит, навязываться не стану. Выходит, свидание окончилось, сунула подарок и ступай обратно? Но это унижительно, надо вернуться и уйти.

– Проводи до остановки, – предложила я.

Он недовольно скорчил рожу и, ухмыляясь, спросил:

– Что, сама не дойдешь, еще не вечер?

– А я хочу, чтоб ты проводил меня в последний раз. Давай хотя бы попрощаемся по-человечески. – Он нехотя оделся.

– Василий, объясни, что происходит? – преодолевая гордость, спросила я.

– Мне рано жениться.

– Мне тоже рано, но почему бы нам не встречаться?

– Пионерские встречи меня не устраивают! – отрезал он.

Более всего меня поразил не смысл слов, но раздраженная непреклонность его голоса. Его лицо вдруг сделалось чужим и холодным, всем своим видом оно выражало: отстань!

Значит, теряю его, вот прямо сейчас. Идем рядом, но между нами неодолимая пропасть. Неужели ничего нельзя изменить? Я напряженно вглядывалась в его профиль в надежде на перемену. Нет, не верю, он смягчится, передумает, он не может бросить: я нравлюсь!

Внезапно налетела метель, ветер пронизывал пальто, срывал шапку и валил с ног. А в голове металось отчаяние, почему я цепляюсь за него, ведь не люблю, но боюсь, будто моя

жизнь в его руках? Внутри все дрожит, словно пришел мой последний час. Я вглядывалась в него и не узнавала: близкое и улыбочное лицо вдруг сделалось жестким и неприступным. Ничем его не проймешь, но сама разобьешься! Так вот оно какое, его настоящее лицо, а раньше была маска, которую я принимала за истинное лицо. Ему даже провожать меня противно. Но что я ему сделала, отчего озлобился? Я впиалась зрачками в жесткий профиль, и вдруг обожгла страшная догадка: всегда буду разбиваться о каменные лица мужчин! Эта жуткая мысль шла из непонятной глубины моего собственного «я», а возможно, откуда-то свыше, но когда до сознания дошел беспощадный смысл этой мысли, ноги подкосились. Снег хлестал в лицо, так вот она какая, эта правда, и это не ветер сбивает с ног, а эта жестокая правда. Неужели она неотвратима, мужчины жестокосердные, циничные эгоисты? Василий еще деликатен, а что же будет с другими? Захотелось заголосить: «Нет! Я не согласна! Не верю, что не нужна! Я растоплю его сердце!» Я обессилела, и вдруг поняла: не могу больше бороться с метелью.

– Василий, давай вернемся, – сказала я, остановившись.

– Осталось немного, я прикрою, а ты иди за мной.

– Вьюга крутит со всех сторон, а пройдена только половина, я замерзла и боюсь заболеть, настоящий ужас: днем была осень и вдруг налетела зима.

Мы повернули и побежали, подгоняемые ветром, а я подумала: само небо возвращает меня к нему. Очутившись в комнате, я облегченно вздохнула, какое счастье оказаться в тепле! Я отогревалась, но когда пришла в себя, вернулось беспокойство, как после такого признания можно его вернуть? Уже согласна разделить Люсину участь? Нет, только не этот кошмар, но время терпит, ситуация подскажет, может быть, все разрешится каким-то чудесным образом? Мало ли что вгорячах сказанул.

Я взглянула на Василия и удивилась: он сиял улыбкой во весь рот. Вернулось наше лето, обрадовалась я, но другая мысль перебила радость: почувал слабость – думает, на все согласна. Нет, ни капельки не любит, только домогается. Да кто он такой, чтобы из-за него рисковать будущим?

В комнату ввалился приятель и сообщил, что стол накрыт, все в сборе. Василий не соизволил даже сесть со мной, и рядом оказался обаятельный парень. Во мне поднялись непонимание и обида, а ведь недавно целовал, раздевал, а сейчас рожу воротит, будто не знает. Друзья знают, что я его девушка, выходит, прилюдно унижает. Сосед налил мне коньяк, а Василий предупредительно сообщил, что я пью только легкие вина. Мне захотелось отомстить, и я возразила: «С тобой не пью, а с Александром выпью с удовольствием». А про себя продолжила: а Саша гораздо привлекательней и обаятельней.

Хлебнув четверть стакана, я задохнулась: горло горело огнем, дыхание перехватило, и я, как рыба, глотала воздух. Парень подал мне воду: «Пей скорей, пей». Я выпила стакан воды, и дыхание вернулось, но накатил кашель, глаза затуманились, по лицу покатались слезы, смешанные с синей тушью. Я с ужасом представила свой жалкий вид, и стыд бросился краской в лицо, Александр сунул мне платок, а я не знала, куда себя деть... Но в мозг ударил спирт, на душе отлегло и даже повеселело, я разговорилась с Александром.

– Может, еще налить? – поинтересовался он.

– Можно, только немножечко. – От коньяка меня мутило, но очень хотелось насолить Ваське.

– Прекратите спаивать ребенка! – крикнула девушка.

Мне стало обидно, выходит, я для них ребенок, они смеются надо мной. Да она всего на три-четыре года старше меня. Я принялась рассматривать девушку с интересом: симпатичная блондинка с голубыми глазами. Похоже, опытная, уж больно вольно себя ведет. Интересно, а как она расстается с мужчинами, легко или болезненно? Вот у нее бы спросить, что «это» такое? Люся явно ничего не поняла, не может быть, чтобы это была ерунда, а вот и Васька мота-

ется из-за этой ерунды за сто километров. Наверное, пора и мне стать женщиной, хватит быть трусливой девчонкой. Кому нужна моя девственность, а любви, похоже, все равно не видать.

Сосед заметил мой интерес и шепнул: «Только год работает, а уже карьеру сделала – начальник смены на заводе, мужиками командует, мастер спорта по фехтованию – молодец!» Его замечание усилило интерес, я рассматривала женщину с уважением: сильная, умная, свободная, такая не заплачет перед мужиком, не допускает пользоваться собой, а сама их выбирает и бросает. Вот какой надо становиться, чтобы не было больно. Но в ней мало женственности, а в лице угадывается усталость и даже надлом. Карьеру сделала, а замуж не вышла, к мужикам в общагу мотается, а зачем? К кому пришла, кто ее парень, возможно, со многими здесь переспала. Похоже, устала менять мужчин, а достойного все нет и нет. И почему она заступилась за меня? Может быть, на такой же студенческой вечеринке ее споили и соблазнили, и пошла по рукам? Хоть она пьет и курит наравне с мужиками, а в душе – пустота и разочарование. И все-таки у нее больше шансов удачно выйти замуж: она сама выбирает, а я жду, когда выберут меня. Но если такая сильная устала, что же будет со мной?

Хотелось бы спросить ее мнение о мужчинах, о любви, но она не расположена откровенничать, тем паче со мной, я моложе на пять лет, она думает, что у меня все впереди. Только одному Богу известно, что меня ждет, может, останусь со своими любовными грезами? Наверное, пришла пора стать женщиной. Все присутствующие здесь давно занимаются этим, одна я в неведении. Наверное, Люся чего-то не поняла в сексе. Так почему бы самой не узнать это с Василием? Сама судьба подталкивает, сердцем чую, покуражится и женится. И все-таки страшно, а вдруг получится, как у Люси? Или полюбит после этого? Василий ответственный, заботливый и при деньгах, зачем же другой отдавать? Значит, надо решаться. Не думала, что придется именно сегодня, но вмешалась метель, и что теперь? Этот неразрешимый вопрос не дает покоя, накручивает напряжение, кажется, вот-вот разорвусь – что делать?

Похоже, забыла, зачем пришла, но только не для того, чтобы себя предлагать. Да я даже в мыслях этого не держала, хотела выяснить отношения и вот выяснила – не любит. Так зачем ломать себе жизнь? Не надо ничего решать, а надо вызвать такси. Я спустилась на вахту и набрала номер таксопарка, после многократных дозвонov послышались длинные гудки, и мне ответили: «Машин нет», – а какой-то парень сообщил, что движение в городе парализовано.

Когда я перешагнула порог комнаты, внутри забились тревога, и захватило новое ощущение – наедине с судьбой. Никто не может подсказать, как выбрать свою жизнь. Непогода толкает к нему в объятия, и все же она за меня не решает. Наверное, именно так и бывает: обстоятельства толкают людей друг к другу, и они становятся близкими. Очень неожиданно, но, может, судьба всегда решается внезапно? И вот сейчас решается моя. Нет, возмутилось внутри, не готова.

– Василий, я осталась из-за метели, и между нами ничего не может быть! – категорично заявила я.

– Ложись на мою койку, а я на койку товарища, он уехал.

Я облегченно вздохнула: ни на чем не настаивает и ничего решать не надо. Однако внутренние тиски не отпускали, не давая заснуть. А что если это хитрый ход? Надо быть начеку: он может завалиться. Лучше заранее продумать, а начнет приставать – буду сопротивляться. А если в любви признается и замуж предложит, может быть... кажется, все что ни сделай, все будет неверно. Прошло около часа, Василий не подавал признаков жизни. Я решила напомнить о себе:

– Василий, ты не спишь?

Вместо ответа он включил радиоприемник.

– Что молчишь, оглох, что ли? – возмутилась я.

– Радио слушаю, не мешай.

Ах так ты отмахиваешься, хочешь показать, что я пустое место? Врешь, твой голос скрипит и дрожит. Но я выведу тебя на чистую воду!

– Наверное, второй час ночи? Что молчишь, я спрашиваю, сколько времени? – раздраженно спросила я, однако он упорно молчал. Сволочь, даже говорить не желает, а я о любви размышляла.

– Выключи приемник, он мешает заснуть! – закричала я.

– Третий час, – ответил он и выключил радио.

Все, вздохнула я, теперь и спросить нечего, хватит унижаться, значит, не судьба. Другой бы на его место радовался, что честную девушку встретил, а он нос воротит. И нечего с ним возиться, крест на нем ставить и все.

Но закипела обида: что хотела выяснить, когда и так все было ясно?! Ворочается, сгорают от вожделения, но боятся серьезных отношений, ему перепахнуться надо, а я о любви размышляла. Надеется, что сама предложу, а потом все на меня свалит. Вчера обвинил в пионерстве, а завтра – в распущенности. И состроит каменное лицо: жениться рано! Нет, это не шуточки, от этого и дети рождаются! Какой же он после этого мужик, если шарахается от ответственности, как его любить, разве может он стать опорой? Ничего, нарвется на стерву, она его быстро окрутит, опомниться не успеет.

Прошло немного времени, я успокоилась, другой бы на его месте воспользовался обстоятельствами, напел бы про любовь, про свадьбу, а он врать не умеет, благородный. А я лежу, мучаюсь, думаю и теряю честного парня. Нутром чувствую: не сможет он меня бросить после этого. И что толку их менять: мужики все на этом помешаны. Придется опять ждать неизвестно кого, снова решаться, а тут уже почти решилась. А главное, будет ли другой лучше, что если никого не найду? Сомневаюсь, что правильно поступаю, но не предлагать же себя самой, тем паче с порога заявила: ничего не может быть! Злорадствовать станет, подумает, задом завилала. Я не сплю, голову ломаю, рискую, а он распрощался со мной. Надо проверить, так ли это.

– Василий, ты там не замерз?

Спящим притворяется, рассудила я, не услышав ответ, значит, окончательно отказался, не судьба, спать надо. Только обидно, вроде бы решилась, а он отказывается, или намек не понял, или ответственности боится. Надо подойти и молча лечь рядом. Можно, но так проститутки делают, а не честные девушки. Зря с порога обрубил, надо было его выслушать. Только боялась, что начнет наглеть, а он даже не поцеловал. Разбиделся, с гонором, конечно, ему-то не рожать. Не стоит о нем сожалеть, словом о любви не обмолвился, не стоит он девственности, раз любви боится, пусть катится к своей шлюхе.

Не хватало еще соблазнять его, однако, замерзла, от холода зубы стучат, а Василий бы обогрел.

– Василий, меня от холода трясет, – пожаловалась я и подумала: только дурачок не поймет намека. Значит, выбираю его, и уже никаких ожиданий и беспокойств.

Он загремел башмаками, я лежала ни жива ни мертва, сейчас ляжет! Разве я так представляла свою первую ночь? Зачем калечу жизнь? У меня еще будет любовь.

Он подошел, я сжалась, и в голове стукнуло: нет! Я не готова, пусть убирается!

Василий наклонился, и меня отпустило, будь что будет, судьба значит.

Он накрыл меня овчиной и шепнул: «Только шубу нашел». Я перевела дух, слава Богу, пронесло, не сейчас, значит не судьба. Шуба оказалась очень тяжелой и теплой, я быстро согрелась. Сквозь дремоту пробивалась тревога: еще не хватало себя ронять, потом в загс тащить, встречу другого, настоящего мужчину, а Васька просто тряпка. Сквозь сон где-то далеко послышалось: «Ну как, согрелась?»

Первая пробудившаяся мысль была: наконец-то кончилась эта ужасная ночь. Два месяца дрожала от страха разрыва, и наконец с этим покончено. Я свободна от него, мне вовсе не страшно, а даже легко и ясно: не судьба. Интересно, с каким настроением он проснулся?

– Василий, ты как выспался?

Он пробубнил что-то невнятное. Голос был раздраженный и даже злой. Бежать отсюда надо, только в последний раз взгляну на своего первого парня. Такое близкое и милое лицо, и уже чужое. Думает, если не отдалась, значит, не люблю. Хотя и сама не понимаю – люблю ли его? Но точно знаю – не хочу терять... По-своему он прав, и я права по-своему, но наши правды несовместимы. Но кольнула надежда: может, еще не конец, может, испытание на стойкость устроил? Кто его знает, что у него в голове?

– Василий, ты что, обиделся? – ласково поинтересовалась я.

– Ты о чем? Все нормально, – однако его голос дрожал раздражением и досадой.

Я почувствовала себя виноватой, захотелось оправдаться и даже исправиться, на кой черт мне эта девственность? Все равно достанусь какому-нибудь проходимцу, а Вася интеллигентный и чуткий, шубу отдал, а сам у окна мерз. Зря теряю хорошего парня. Он не трус, а ответственный, ночка-то на всю жизнь потянет, все они кобели, а другой и церемониться не станет. Только сама предлагать не стану, неужели он не остановит меня? Опустилась звенящая тишина, и поймала себя на мысли: любви как подачки жду, почему и зачем унижаюсь? Он холоден, а я напрасно себя нервирую – это конец.

– Василий, открой дверь, я уйду.

– Куда ты сейчас? Посмотри, сколько снега навалило, холодно.

– Ветра нет, да и родители беспокоятся.

– погоди, сейчас чайку попьем, согреемся. – При этом его лицо, просияло и стало по-прежнему близким. Всколыхнулась надежда, не хочет меня терять.

– Василий, я хочу, чтобы в моей жизни был один мужчина, но я не уверена, ты сказал жениться рано, я должна быть ответственна за будущую семью...

– Ты о чем? Все нормально, – перебил он срывающимся голосом. – Давай-ка лучше сходим в кафе и позавтракаем, – неожиданно предложил он.

– Скорее пообедаем, уже час дня.

Я удивилась, думала, что выставит, а он – в кафе. Жаль терять хорошего парня, или еще не все потеряно? Он вновь мне улыбается, причем ласково и многозначительно, его голос и жесты выказывают особенное внимание, понял, что я глубокая и серьезная. И защемило сердце – в последний раз видимся.

Наверное, я очень неопытна, теряюсь перед мужчинами. Интересно, а если бы отдалась, как бы он смотрел на меня сейчас? Наверное, с обожанием и любовью? При этой мысли сердце сладостно заскулило. Но сомнение перехлестнуло, что если бы разочаровался? Цена познания слишком высока. Нет, ничего хорошего из этого бы не вышло, теперь все равно не узнать, и не надо сожалеть: это прощальный обед.

– Василий, налей-ка мне немного водочки.

– С удовольствием, я не стал предлагать, ты ведь водку не пьешь.

– В мороз выпью.

Спирт ударил в мозги, и все показалось несущественным. Пусть он решает: расстанемся или нет, а я изворачиваться не стану, не хочу терять достоинство, хочу, чтобы все было естественно. Сейчас вообще ничего не хочу, только бы добраться до своей девичьей постельки и заснуть, нервы измотаны. Я поступила правильно, нечего себя терять. Вдруг сделалось легко и весело, язык развязался, я стала шутить и рассказывать байки. А он смотрел на меня и грустно улыбался. Мы не говорили о расставании, но оно витало в воздухе, угадывалось в каждом слове, жесте и взгляде.

Когда мы подъехали к его остановке, я попрощалась, однако Василий не вышел, и я предупредила:

– Василий, не прозевай следующую остановку.

– Ты хочешь, чтобы я вышел? – спросил он раздраженно.

– Нет, не хочу, но... – я споткнулась, теряясь в догадках, похоже, не хочет расставаться?

– Я провожу тебя до дома.

– Сейчас белый день и погода успокоилась, так что доберусь одна, – закинула я пробный шар, надеясь на возражение.

– Хочу проводить, а ты что, против?

– Нет, можешь хоть каждый день провожать, я разрешаю. – Однако шутка вышла унылой, и в мозгу отозвалось: последний раз.

Когда мы зашли в подъезд, он склонился надо мной и поцеловал в губы. В его глазах отражалась трогательная нежность, меня пронзило – прощальный поцелуй, но я почему-то сказала: «Василий, в субботу будет вечер, приходи, буду ждать». Поднимаясь по лестнице, я резко повернулась, мы встретились глазами, и кто-то внутри шепнул: не придет. Выспавшись и отдохнув, я взглянула на происшедшее веселее, мы очень красиво расстались, и никто никого не бросил, никто никого не обидел, просто интересы не совпали. Но где-то на дне сознания горечью разливалось сомнение, что если поступила неверно?

Евгений

Мы стояли с подругой у стенки и скучали. Вопреки ясному предчувствию я озиравлась по сторонам, надеясь увидеть Василия. Вдруг поймала на себе пристальный взгляд и поразились – Женька?! Но откуда он здесь? Или обозналась, от меня далеко, но ростом как Евгений. Парень стремительно направился ко мне, и в животе оборвалось – Женька! Чувствовала, знала, что встретимся, но как неожиданно.

– Я сомневался, ты или не ты, сразу не признал: удивительно похорошела.

– Прямо как Евгений Онегин, тот тоже Татьяну на балу не узнал, жаль, не надела малиновый берет, не ожидала увидеться. А не написать ли поэму «Евгений Онегин два века спустя»?

– Правда, неузнаваемо преобразилась – что это с тобой?

– От любви, Женя, все от любви! Парень у меня – вот я и расцвела. Но, кажется, мы расстаемся. Смотрю, ты тоже время зря не терял, к тебе вернулись уверенность и неотразимость, а весной и слова не мог вымолвить.

Евгений властно взял меня за талию, повел и толкнул в темный кабинет.

– Хочу танцевать! – возмутилась я, хотя мне хотелось остаться наедине с ним, но взыграла старая обида: – Не смей меня обнимать! У тебя нет никакого права! – закричала я, но тотчас испугалась собственно гнева и пожалела, ласковой надобно, но намекнуть, что все изменилось и меня надо завоевывать.

– Женя, ты забыл, я не твоя девушка! – предупредительно сказала я, уклоняясь от поцелуя. Однако я надеялась услышать: так будь моей. А он сжал объятиях и поцеловал в губы. Я попыталась высвободиться, но сопротивление только усилило напор.

– Пусти меня, не трогай, я пришла на танцы, а не торчать здесь!

– Ты никуда не уйдешь! – заявил он командным голосом, вдруг поднял меня и посадил на подоконник. По телу разлилось тепло, головокружительно приятно подчиниться мужскому натиску, хочется стать нежной и податливой, раствориться в мужских руках. По телу побежали мурашки, сбывается заветное желание – он улыбается мне и только мне... Предчувствие не обмануло, только радость какая-то не полная, как будто не хватает чего-то. Я рада его видеть, и хочется признаться, но я неожиданно выпалила:

– Смотрю, ты вспомнил, как девушек на руках носить?

– Каждый день по две штуки таскаю.

– Так зачем тебе еще третья штука? – усмехнулась я, делая акцент на слове «штука».

В ответ он многозначительно улыбнулся. А я подумала, знает силу своей неотразимой улыбки, он опять играет мной. А может, он думает, что меня можно оскорбить, а потом случайно встретить и зажать, как распутную девку? Перед глазами вспыхнул книжный магазин, парк и скамейка, к которой меня пригвоздило горе.

Я вывернулась, затем подбежав к двери, повернула замок, но он накрыл пальцы своей ладонью и скомандовал:

– Ты не выйдешь из этой комнаты!

– Почему, объясни, я не твоя девушка и никогда ею не была, на каком основании ты командуешь? – Мне хотелось услышать: так будь моей девушкой. Но он зажал рот поцелуем.

Я ослабилась и удивилась, не подозревала, что он может так настойчиво действовать. Неужели нравлюсь, неужели и впрямь рад встрече? Я стала достаточно красивой, а весной была еще недостаточно, или опять насмехается? И все же я рада, только не понимаю: неужели, чтобы встретиться, надо было сначала оскорбить и бросить в объятия другого? Очень красноречиво улыбается, будто хочет сказать: «Это судьба», но он молчит. Или всем так улыбается, потому что все равно, с кем целоваться? Я теряюсь, не знаю, как себя вести: все неожиданно, запутанно и странно. Хочется ощутить его тепло, поверить, почувствовать, но страшно обмануться. Удо-

стовериться бы, что не лукавит, вот если бы сказал что-нибудь задушевное, признался бы, что искал встречи, поверила бы, однако он молчит.

– Пусти меня, я хочу танцевать, ты даже не ответил, как здесь оказался.

– Учусь на вечернем.

– Конечно, целоваться приятнее, чем сидеть на лекциях, – заметила я шутливо.

– Можешь уйти, я не стану держать, но я хочу, чтобы выслушала меня, – произнес он серьезно и проникновенно. Мое сердце замерло: понял, какая я верная и чистая? Сейчас признается...

– Мне очень плохо, я потерял друга.

Я оторопела, что он несет? Плохо ему, а мне было хорошо, когда он со мной по-хамски обошелся и, преодолевая боль, спросила:

– Что же с ним случилось?

– Он женился.

– Но ведь не умер же, – сдерживая обиду, выговорила я.

– Для меня умер. Так резко изменился: все время с женой, а со мной ему даже поговорить некогда. А вот я его ни на кого не променял бы, никто меня не понимает...

Желчь разлилась внутри: а я не в счет. Так неистово ждала, так мечтала стать другом, а он плачется, что его никто не понимает, это я должна плакаться. Нет, он ничего во мне не увидел и не хочет видеть. Конечно, можно напомнить, что ждала, и можно поиграть этим. Только не нужна ему моя любовь, и никакие слова не помогут. А сейчас это прозвучит фальшиво, потому что уже не ждала, нечего душу травить. Мне просто хорошо в его объятиях, однако они не трогают; моя любовь утонула в слезах.

– Лакина, кажется мне, в тебе что-то есть...

Я поразились: что говорит? Ушам не верю, ну наконец-то скажет, какая я необыкновенная. Я вся обратилась в слух, но на этом признание повисло. Недосказанная фраза застряла в мозгу: дождалась... не надо, не надо беречь душу и ворошить былое. А если начинать, то с чистого листа, будто ничего и не было, но захочет ли он встречаться?

– Женя, а когда мы встретимся?

– Встретимся, встретимся, – загадочно улыбнулся Женька и поцеловал на прощанье.

Я вернулась домой обескураженная, бросилась к Василию, чтобы забыть Женьку, теперь – к Женьке, чтобы забыть Василия, и долго придется кидаться от одного к другому? Да и какая на него надежда, даже свидания не назначил, покуражился и только, нет у него никаких чувств ко мне. Главное, сама изменилась, утратила что-то сокровенное, едва уловимое, но очень важное. Нет ощущения чистоты и цельности, нет щемящей первозданности поцелуев. Так вот что означают Люсины слова: если любишь – надо ждать. Но сколько можно ждать, а главное – чего? Я не согласна ждать безнадежно, тем более унижительно, у меня есть девичья гордость.

В следующий раз мы опять встретились случайно и опять целовались, словно расстались вчера. И опять Женька не назначил свидания, и опять я терялась в догадках: что все это значит, какие у нас отношения, я его девушка или нет? Он мой парень или нет, а может, мой и еще чей-то? Я долго терялась в догадках и утешилась тем, что у нас свободные отношения и что в этом есть своя прелесть; мы встречаемся, но одновременно свободны. Явно у него есть еще кто-то, зато он не домогается: пионерский вопрос нас не разлучит.

Наступил последний весенний месяц, и встречи участились, а поцелуи приобрели оттенок чувственной страсти. Сближение радовало, но и пугало, скоро поставит вопрос ребром: или постель, или прощай. Однажды Евгений явился на экзамен и обнял меня при однокурсниках. Девчонки восхищенно воскликнули: «Счастливая ты, какого парня отхватила!» Мне захотелось крикнуть на весь мир: «Посмотрите, какой у меня замечательный парень, как мы

подходим друг другу!» До дома мы шли в обнимку и беспрестанно целовались, в груди трепетало предчувствие, любовь начинается.

– Скоро ты выйдешь замуж и родишь детей, – сказал он однажды, целуя в грудь.

– Каких еще детей? – недоуменно спросила я, отстраняясь.

– Мальчика и девочку.

Я призадумалась: к чему клонит, неужели хочет жениться? Или предлагает делать незаконнорожденных детей? И вдруг в груди заныло – хочу от него родить. Представляю, как красива я буду в свадебном платье, и захотелось выведать его намерения, но я пошла в обход:

– Что-то желающих не вижу, – заметила я.

Внутри все замерло и похолодело, мне казалось, он скажет – желающий рядом. Но Евгений, глядя в небо, пространно протянул:

– Не переживай, желающие найдутся.

В груди разлилось разочарование, и я обидчиво спросила:

– Почему ты так думаешь?

– Лакина, такие, как ты, не остаются.

Он играет моими чувствами, моим будущим, а я глупая клюнула на детей, о свадьбе размечталась, а он только прощупывает: дам или не дам. Я мягко отстранилась и спросила:

– А ты что будешь делать?

– А я уеду в Магадан.

Загадками говорит, отшучивается, но дети – это не шутка, Василий о детях даже не заикался. Возможно, жениться думает, надо подождать, скоро все должно проясниться. А сейчас нужно просто ловить его взгляд, чувствовать себя соблазнительной и наслаждаться близостью. Его руки скользят по спине, я таю под его пальцами, тело становится мягким и невесомым, в животе сладостно ноет, в висках пульсирует. Меня пронизывает его дыханием, его запахом, его нежностью: я теряю голову, превращаюсь в сгусток ощущений. Хочу вибрировать и трепетать в его руках, еще острее, еще пронзительней. Вот она – настоящая жизнь, и все остальное не важно, не хочу ни о чем не думать, а только вбирать эти чудные ощущения.

Вдруг где-то внутри глубоко, в неведомой глубине задрожало и жалобно заныло, настойчиво требуя удовлетворения. Непонятное желание разрасталось, раздирало живот, требуя непонятного насыщения. Сознание помутилось: казалось, внутри сидит жадный зверь и агрессивно требует чего-то острого и пронзительного. Хочу все до самого конца, просто хочу и пропади все пропадом; сорвать с себя тряпки – и будь что будет! Но в следующий миг поймала свое сознание и ужаснулась, я что – теряю голову? «Нет!» – испуганно заорала я и оттолкнула его.

Страх и неудовлетворенность сотрясали нутро, ноги сводила судорога. Я медленно приходила в себя, словно после глубокого обморока, теряясь от новизны, – что это со мной? Я отключилась: так вот она какая, эта страсть – совершенно дикая! Даже не страсть, а наглый, безмозглый инстинкт! Какие темные силы скрыты во мне, оказывается! А ведь думала, что владею собой, но, выходит, не совсем, и даже вовсе не владею. Будь мы одни в доме, все могло бы произойти само собой, без всяких раздумий «за» и «против», даже опомниться бы не успела. Ну ладно, сегодня справилась, а что дальше? Нет, расслабляться никак нельзя, надо быть все время начеку.

Только против природы не попрешь. Почему я должна себя сдерживать, ведь это противоестественно? Весь мир крутится вокруг этого и все упирается в это. Верно, в этом есть нечто необыкновенное, Люся чего-то не поняла. Если от одних только ласк едва не отключилась, то в полной близости наверняка можно испытать нечто необыкновенное. А была бы это ерунда, то не совершались бы из-за нее безрассудства. Страсть только коснулась меня, но уже не дает покоя и распаляет любопытство. С одной стороны, это наглый инстинкт, а он с другой – обещает неземное наслаждение. В этом явно есть некое таинство.

И все получают от этого удовольствие, а для меня это запрет. Но никто толком не может рассказать, что же это такое. Пока сама не испытаешь – ничего не поймешь. Чую, еще пара встреч, и он предъявит ультиматум: или – или. Однако больше всего пугает собственная страсть, чувствую: однажды она накроет с головой. Если разобраться, моя любовь никому не нужна. Мужчин не трогает ни чистота, ни верность, им не нужна моя душа – они хотят только тела! И не дождусь я никакой любви, а молодость быстро проходит.

Нерешительная я, другая бы на моем месте переспала бы пару раз и потребовала жениться. И для кого мне беречь девственность, как не для него? Или что, опять неизвестно кого ждать? Да они все будут требовать тела! А если не решусь – потеряю Женьку. Столько ждала его, и вот теперь, когда у него просыпается интерес ко мне, должна потерять? Я прикипаю к нему сердцем, пропитываюсь его запахом, проникаюсь его словами, его руками, его губами – должна отдать его другой?

Когда долго не вижу его, теряю интерес ко всему, и все во мне увядает. Хочу днем и ночью чувствовать его дыхание и тепло, хочу расцветать в его объятьях. Я не хочу оставаться одна, я сделаю все возможное и невозможное, я добьюсь его любви, он будет моим!

У кого бы спросить совета? Мать твердит одно: «Нельзя, иначе бросит». А сердце стучит: если не решусь – бросит. Мне кажется, что слово «дети» – это хороший знак. У нас будут красивые дети, и он будет хорошим отцом. Поеду к Люсе, может быть, она изменила взгляд на это?

Люся встретила меня без радости и предупредительно заявила: «Сессия». Мне стало неловко, но я подавила обиду.

– Сдала экзамен и приехала к тебе, поговорить надо.

– Сессия, – повторила она укоризненно.

– Ну что заладила «сессия, сессия», что, сильно переживаешь из-за нее? Нашла, о чем волноваться: сдадим, опять придет твоя сессия!

– Что ты несешь, подумай! – возмутилась она.

– А что ты несла осенью, уже забыла? Так я напомним: пропади пропадом университет, и жить не хочу! Не ты ли голосила? А сейчас личная жизнь наладилась, коль в учебу ударилась?

– А у тебя что, случилось что-нибудь? – смягчилась Люся.

– Пока нет, но вот-вот случится... Василий меня бросил, а сейчас Женька бросит, если не отдамся.

– Ну и что из этого? – спросила она грубо и холодно. Мне сделалось гадко, выходит, что ее бросать нельзя, а меня можно. Захотелось развернуться и уйти, но я пересилила себя.

– Ты же знаешь, как я ждала его, посоветуй, подруга, что делать? – Я напряженно смотрела на Люсю, но ее лицо было непроницаемо.

– Да черт с ним, с этим Василием, не любила его, но Женька совсем другое. Чую сердцем, если не решусь – потеряю.

– Ну и что ты от меня хочешь? – резко спросила она.

– Страшно мне, что если потом бросит, как тебя твоей... Люсь, посоветуй, осенью ты категорически заявляла «ни в коем случае». Но ты была горем убита, а сейчас что думаешь? Неужели они все бросают? Люся, ну скажи же что-нибудь! Почему ты молчишь?

– А сейчас ничего сказать не могу...

– Люсь, у меня нервное состояние, я как потерянная и не знаю, как поступить, ведь жизнь решается. А мне даже совета спросить не у кого, только на тебя и надеялась...

– А я ничего не знаю, поверь, это сушая правда.

– Как, не знаешь? Ты всегда такая уверенная была, все знала, ты мне как старшая сестра. Помнишь, ты мне говорила: если любишь, надо ждать и верить, и я ждала, но сколько можно ждать, когда они только одного требуют?

– Теперь я ничего не знаю, может, она и бывает, эта любовь... у кого-то, жди, может, замуж предложит.

– Не очень-то сейчас предлагают, все больше в постель тянут, по залету выходят. Люся, посоветуй, что делать?

– Делай, как сердце подскажет.

– Так значит, ты считаешь, что на это можно пойти?

– Я тебе этого не говорила, поступай, как знаешь. – Люся произнесла эту фразу так холодно и жестко, что сжалось сердце: разговор бесполезен. Никто ничего посоветовать не может.

– А как у тебя дела?

Она мгновенно оживилась и защебетала:

– Встречаюсь с парнем, у нас учится, живет в нашем общежитии, пойдем, познакомлю.

Миша лежал на койке и даже не шелохнулся, когда мы вошли. Люся кружила вокруг него и ворковала: «Мишенька, познакомься с подружкой. Кушал ли, или все дуешься, может, чайку поставить? Дружочек, ну, посмотри, какой солнечный денек выдался, или тебе кофейку сварить?» Однако Мишенька даже не привстал, а только чуть повернул голову в мою сторону. Люся подобострастно заглядывала в его глазки, гладила по головке, игриво виляла задом. Но Мишенька только отворачивался, как от назойливой мухи. Люся уговаривала его, как ребенка, а он, как маленький мальчик, надувал губки, и казалось, вот-вот забьется в истерику. Мне сделалась гадко, и я подумала, а мне с дороги даже чаю не предложила, я здесь лишняя. Да он просто хам, а она устывает перед ним, словно все ее будущее зависит от него. К горлу подступила дурнота: ну то, что она с ним живет, это ясно. Только непонятно, почему так унижается? Маленький бирюк, с ляжками и пивным животиком и это в 20-то лет! Вместо того чтобы встать перед женщинами, он всем видом демонстрирует пренебрежение к нам. И перед этим уродом Люся выворачивается наизнанку. Противно смотреть на это безобразие, вон отсюда!

– Люсь, пожалуй, я поеду.

Она не стала меня останавливать, напротив, даже обрадовалась.

– Я провожу тебя, мне за молоком надо. Миша очень любит молоко, а его быстро разбирают, утром я уже бегала, но его еще не привезли.

– Люся, как ты можешь пресмыкаться, ведь он измывался над тобой, да еще при мне? А ты, как побитая собачонка, бежишь за молочком, что с тобой, Люся, отчего ты переменялась? – прорвало меня.

– Нет, это вовсе не так, ты ничего не знаешь, он неплохой, мы вчера поссорились, а он обидчивый, но отходчивый, – скороговоркой оправдывалась она.

– По чьей вине поссорились? – перебила я. Люся виновато потупилась. – Объясни, отчего ты, веселая и независимая, превратилась в жалкую прислугу?

– Нет-нет, ты ничего не поняла, все совсем не так, – заверила она, однако слова бессильно повисали в воздухе. Мне подумалось, что она пытается убедить не столько меня, сколько саму себя. В груди больно защемило, так вот она какая женская доля, неужели и мне придется так унижаться? Нет, никогда, я до этого не опущусь, уж лучше одной остаться, чем попасть в рабство.

– Люся, разве это любовь? – спросила я резко.

Повисла тяжелая тишина. Было такое ощущение, что я угодила прямо в больную точку. Люся отвела глаза и понуро призналась:

– Татьяна, мне замуж пора.

– Да любишь ли ты его? – Она не ответила, но на ее лице обозначилось выражение виноватости. – Не любишь, но рассыпаешься перед ним, отчего?

– Я же сказала: мне замуж пора! – настаивала она.

– Но не таким же способом.

– Я виновата перед ним, – опустив голову, пробормотала она.

– И что, всю жизнь будешь ползать на коленях или только до загса?

Она стояла передо мной совершенно обескураженная.

– Да и чем же ты провинилась? Ну ошиблась, и что теперь – всю жизнь будешь виновата?

И никакая это не провинность, а несчастье. Да кто сейчас девочками выходит? Другие с детьми выходят и не чувствуют никакой вины. – Мне захотелось возмутиться так, чтобы она поняла, что нельзя унижаться, но вдруг ужалила ядовитая мысль: что если и на меня нападет такой страх? И я взмолилась:

– Люсенька, но ведь ты даже не любишь его, а пресмыкаешься, будто он твой последний шанс? Ты молода, симпатична, ты еще встретишь любовь.

– Мне двадцать один, мне замуж пора! – сухо отрезала она.

– Но не тридцать один, да я бы и в тридцать не стала бы выходить таким способом, да еще без любви, – истошно доказывала я.

– Я не хочу оставаться одна, – гневно ответила Люся.

– Подумай, что ты несешь, – в такие годы боишься остаться? Это же просто смешно, я даже не помышляю ни о каком замужестве. А как же любовь, ты от нее отказываешься, ведь мы столько говорили о ней?

– Какая уж теперь любовь мне, устраиваться надо...

– Устроиться можно и в тридцать! Да что ты уперлась в это замужество, еще образование не получила, а заладила: замуж, замуж, замуж, будто речь идет о жизни и смерти! Ей-богу смешно, да что с тобой происходит?

– Сама ничего не понимаю, страшно мне, вот и все, устраиваться надо.

– Люсь, неужели ты хочешь одиночество вдвоем?

– Это все равно лучше, чем совсем одной.

Ее откровенный страх потряс меня. Нездоровая зависимость и невротическое желание заполучить мужа невольно передались мне. Я долго не могла опомниться от разговора, в голове вертелись мучительные вопросы: неужели на любовь нет даже надежды, неужели и мне придется пристраиваться? Неужели и у меня осталось мало времени? Мне казалось, я еще девочка, и рано озадачиваться замужеством, но, оказывается, уже пора, и мне угрожает одиночество. Но как и почему всего за один год из свободной жизнерадостной девушки Люся превратилась в жалкую курицу? Неужели и я через год стану такой же жалкой и буду рада за любого мужика пойти?

Разговор с подругой расстроил нервы, я даже забыла, зачем приехала. Люся была единственной душой, с кем я могла свободно говорить о любви, все остальные о ней даже не заикались, а говорили, надо замуж. И вот эта замечательная и необыкновенная Люся отступилась от любви, променяла любовь на устройство. Выходит, у меня больше нет подруги. Как связалась с мужиками, словно бес в нее вселился, и что они с ней сделали? То она завывает от горя, то перед мужиком унижается, которого и мужиком-то назвать трудно. А со мной даже знаться не желает, однако она очень искренна. Никто ничего не может посоветовать, только самой решать свою жизнь, вот что я поняла. А сердце подсказывает: не хочу его терять, и значит, надо отдаваться, но вдруг бросит? Ну, хоть бы кто-нибудь подсказал, как быть, может, с мамой поговорить?

– Мама, скажи, все мужчины бросают после этого?

– Да нет, не все, некоторые, напротив, привязываются.

– Даже так? – удивилась я и подумала, можно рискнуть.

– Бывает и так: захочешь бросить, да никак не отвяжешься.

– Мама, так как же узнать, бросит или привяжется?

– Заранее трудно: одному надо дать, а другому ни в коем случае! Тут чувствовать надо.

– Но как же без опыта чувствовать?

- А почему ты заговорила об этом, – встревожилась она, – глупость задумала?
- Этими глупостями мои подруги давно занимаются...
- Что, в подоле принести хочешь? – злобно закричала мать. – Да отец разорвет тебя!

Стыд-то какой от соседей! Или что – аборт делать?

Я перепугалась, а когда она успокоилась, я осторожно продолжила:

- Сейчас через постель выходят замуж.
- Но твоего Женьку этим не возьмешь! – возразила она.
- Мама, но ты же сама сказала – не угадаешь.
- Выйди сначала, а потом и делай, что хочешь!
- Мама, но как же я выйду, если меня из-за девственности бросают?
- Кто полюбит, тот предложит.
- Но я люблю Женьку и не хочу его терять, как мне быть?
- Другой найдется, а твой Женька все равно в мужья не годится: болтается от одной

к другой.

- Откуда ты знаешь?
- Поживешь с мое, тоже будешь знать.
- Ты хочешь сказать, что он на мне не женится?
- Таких, как он, женить надо, а ты растяпа, тебе его не поймать!
- Я не хочу никого ловить, я по любви хочу.
- Ну, дай Бог, дай Бог, я вот жизнь прожила, а любви так и не видала.

Разговор с мамой окончательно выбил меня, единственное, что я поняла: пока на своей шкуре не испытаешь – ничего не узнаешь. Чем больше пытаюсь разобраться в этой половой жизни, тем больше запутываюсь, а времечко-то летит, уже 21 год пошел, через пару лет замуж пора... а за кого? Главное, во мне самой что-то назревает, вот-вот жизнь переменится. Чувствую, как организм стремительно развивается: белая грудь наливается, губы внизу набухают, живот подает сладостные импульсы, сердце замирает – все во мне живет в предчувствии потрясающих перемен. С каждым днем я наполняюсь соками, мое естество готовится к главным событиям: стать женщиной и матерью. Мое тело созревает, как сочный плод, еще немного и мне откроется чудесная тайна. И с каждым днем во мне нарастает тревога: что ответить, если поставит вопрос ребром? Нельзя, чтобы застал врасплох, надо все взвесить и определиться, хотя бы для самоуспокоения. Чем больше думаю, тем больше запутываюсь, в голове неразбериха, я хватаю тройки, а в прошлом году, когда не было любви, сдавала на «отлично». Конечно, можно поинтересоваться, собирается ли он жениться. Но так можно и отпугнуть, девушка не может брать на себя мужские обязанности. Но если даже решусь спросить, а он ответит: нет? Ведь и тогда не смогу оторваться от него, а как после этого встречаться? С каждым днем все больше привязываюсь к нему, впитываю его в себя, проникаюсь его словами, его интересами, это скоро произойдет. А для кого мне себя беречь, ведь я ждала его, но вдруг бросит? Мысли мешались, путались и разбегались, и вдруг в голове прояснилось: это неизбежно. Ничего решать не стану, пусть все идет своим чередом, в нужный момент сердце подскажет, может, замуж предложит?

Школьная подружка влетела, как бешенная, и прямо с порога застрочила:

- С Женькой встречаешься, как у тебя с ним, давно виделась?
- Вчера, все хорошо было, а что случилось, толком скажи?
- Видела его с Лидкой Нахабиной.
- Не может быть, – возразила я, – может, ты обозналась.
- Своими глазами видела сегодня!

Все во мне упало, сейчас, когда мы стремительно сближаемся, когда он почти влюблен, и все кончено? Оказывается, у него еще Лидка, но как же это понимать? Нет, это не вмещается в голове, не верю, тут что-то другое...

– У них дружный класс и они часто встречаются, может, вместе с вечеринки возвращались? – робко предположила я.

– Может быть, – предположила подруга, – но надо проверить.

Какое-то недоразумение, утешала я себя, все прояснится, не надо расстраиваться, да какая она ему пара? Ни рожи ни кожи, и ростом ему по пояс, ну и соперница, к ней даже ревновать стыдно.

– Завтра я узнаю у ее сестры, спрошу издали, – предложила подруга.

– Хорошо, только про меня не говори.

Но как прожить с этой новостью до завтра, как заснуть, когда Лидка занозой засела в голове? И какая подлость, он почти меня раздел и кажется влюбленным. Нет, это нельзя так оставлять – немедленно все выяснить!

– Почему завтра? – сорвалась я. – Сегодня, сейчас пойдем!

Взвинченные и запыхавшиеся мы взбежали на пятый этаж и позвонили, в голове стучала одна-единственная мысль – только бы застать! Дверь открыла сестра, и удивленно спросила:

– Что это с вами?

– Лида дома? – выпалила я.

– На экзаменах. У вас такие лица, будто стряслось что-то.

– Да мы, да я, нет, ничего, только узнать хочу, правда, что она с Женькой встречается?

– А вам-то что за дело? – совсем недоумеваю, поинтересовалась сестра.

– А то, что я с ним тоже...

– Она завтра придет, у нее и выспросишь, но они встречаются.

Внутри ухнуло – правда. А я-то думала на любовь похоже, довериться хотела, так что же, все рушится? Так долго ждала, боролась за него, но почему именно сейчас? Мозг стучал и настойчиво искал выход, вдруг пронзило: а что если он с ней спит? Эта мысль разрасталась в дрожащий ужас: она отобьет его, как та баба – Василия! И что я расстроилась, возможно, мое положение гораздо лучше? Мужики спят с доступными, а женятся на недотрогах, поматросит и бросит. Возможно, уже надоела, замену ей готовит, а потом мне будет замену искать? А я за чистую монету принимаю, его томные взгляды, поцелуйчики – одна фальшь. Хорошо, что еще не отдалась, мама права: ему опасно доверяться.

Я шла к сопернице, а в душе шевелились осколки надежды: а вдруг они уже расстались? Однако Лидка радостно подтвердила:

– Да, мы встречаемся.

Жгучая боль разлилась внутри – это конец. Я потерялась и не знала, что еще можно сказать и тем паче сделать. Я хотела ретироваться и обдумать все дома, но Лидка предложила присесть. О чем с ней говорить, подумала я, и что тут можно исправить? Однако соперница повела себя уверенно.

– Наглец, он воображает, что буду терпеть разврат? Неужели надеется, что на глупость пойду? Нельзя выходить за распутного парня! Не знаю, может, тебя такой муж устраивает, но мне такой не нужен! – гневно заключила она. Да он еще и не предлагает замуж, мысленно усмехнулась я.

– Неужели тебе такой гуляка нужен? – спросила Лидка, буравя меня черными глазками. – Как с ним детей воспитывать?

Ее лихая наглость и курьезность ситуации сбили меня с толку: отдаваться опасно, замуж нельзя, так что же с ним делать?

– Что молчишь, или тебя устраивает, – напирала Лидка, вглядываясь в мои глаза, – как с гулякой детей воспитывать?

Но чем больше она распалялась, тем сильнее нарастало сомнение в искренности ее слов.

– Или тебя устраивает такой муж? – повторила она, повышая голос.

– Нет, не устраивает, – растерянно ответила я, недоумевающая, какое ей до меня дело? И тут осенило: она с ним спит! Хочет от меня избавиться. Женька – бабник, только я хочу во всем разобраться сама.

– Он сделал нам больно, унизил нас, он считает нас тряпками. Да что он возомнил о себе? Нельзя это так оставлять, надо ему отомстить! – кипятилась Лидка.

– Как отомстить? – растерянно спросила я.

– Надо бросить его одновременно, пусть поймет, что над нами нельзя издеваться! Вот он придет, а ты выскажи и брось его, а потом я!

Однако, какая же ты умная: я брошу, а ты останешься, мысленно усмехнулась я.

– Лида, у меня экзамены, я пойду.

– Так ты его бросишь?

– Ну что же с ним еще делать?

– Так ты ему все выскажешь, да? – переспросила она капризно. Я невольно подумала: ну и хитра татарка, за дурочку держит, но я неуверенно кивнула.

С ходу решать нельзя, если разобраться – все они бабники. Я так долго добивалась его внимания, и сейчас должна рвать, потому что обнаружилась любовница? Да она и раньше была, и я догадывалась, так почему сейчас возмущена? Надо же ему с кем-то спать... вот и спит с ней, а меня бережет в жены, иначе зачем ему со мной возиться? Конечно, это пошло и гадко, но что делать – мужчины так устроены, только я хочу услышать от него самого. Надо разобраться, а бросить всегда успею. Возможно, к обоим присматривается, решает, с кем лучше? Однако имеет право. Не буду ничего не решать, посмотрю, что дальше будет. Мама говорит, женщина должна терпеть, подстраиваться и быть артисткой. Только ситуация слишком унижительная, хватит ли у меня сил выдержать эту грязь? Так я рассудила и вроде успокоилась в печальной безысходности, как накатила злоба, кого же он любит, на ком собирается жениться? Или никого, и вовсе не собирается жениться? Вот именно – болтается от одной к другой, ищет, кто бы дал, а я должна безропотно ждать. А может, надумает жениться лет через десять, когда я состарюсь?! Да и стоит ли унижаться, чтобы выйти замуж, а потом от страха трястись: вдруг бросит?

Да он уже душу вымотал! Вот сижу и жду, когда до меня очередь дойдет, а он развлекается. А я сейчас хочу чувствовать себя девушкой, но только и делаю, что дни и часы считаю, поцелуев, как милостыню, жду! Я переживаю, а он с другой валяется. Сейчас сама могу его послать, а с детьми – уже не смогу. Или дожидаться, пока Лидка родит и женит его? А вдруг обе залетим, так что, он на обеих жениться должен, разве о такой любви я мечтала? Самой бросать легче, чем ждать, когда тебя пошлют. Скоро экзамен, а у Женьке другая, и ничего не понятно, кого любит, нервы уже на пределе. Я не могу ждать, я хочу ясности! Интересно, дома он или с Лидкой милуется? Вместо сопромата, я должна гадать на кофейной гуще – с кем он и где? Нет, терпеть нельзя, надо что-то делать! В домашнем халате я побежала к телефонной будке, но, набрав номер, я растерялась, с чего начать: с Лидки, с себя, или с бабника? А он ответит, я тебе ничего не обещал, и как же глупо буду выглядеть.

– Слушаю вас, – раздался знакомый до боли баритон, в груди защемило, больше никогда не услышу его голос, такой чудный, такой волнующий и родной... никогда, нет, я не готова.

– Слушаю, – повторил голос, нет, не могу сейчас, моя рука упала.

Гнев приостыл: да, он беспутный, да, издевается, но я люблю его, так что же делать? И вдруг стукнуло: готовиться к последнему экзамену. Я вернулась домой успокоенная, открыла конспект, но формулы перед глазами прыгали, превращаясь в вопросы: терпеть или бросить, высказать или промолчать? С кем он сейчас, кого целует, а вдруг больше не придет ко мне? Как завлечь, чтобы других бросил, чем приворожить: постелью или девственностью? Какой тут экзамен, когда мозги раздваиваются? Да пропади пропадом этот сопромат, пересдам, тут жизнь решается – ее не пересдашь!

Неопределенность невыносима, как можно жить в подвешенном состоянии да еще сессию сдавать? Если не решу, что делать, сойду с ума, и никакой сопромат не поможет. Надо срочно его увидеть, придумать что-нибудь такое, чтоб не отвертелся, но что? Может, он меня уже бросил, а я ничего не знаю?! Выходит, напрасно страдаю и мучаюсь? Вот именно, он уже меня бросил, а я голову ломаю – что делать? Надо вырвать его из сердца! Я, как угорелая, опять бросилась к таксофону.

– Же-же-же-ня, это ты? – заикаясь, спросила я, переводя дух.

– Я, а ты что, гналась за кем-то? – засмеялся он.

– Думала, тебя дома нет, а ты дома, оказывается.

– А что, пожар? – усмехнулся он.

– Да, нет, ничего, я хотела, поговорить, очень надо...

И вдруг до меня дошло, голос обычный, похоже, еще не бросил.

– Так что у тебя стряслось, давай поскорей, на консультацию ухожу, завтра экзамен.

Ага, к Лидке на консультацию на всю ночь, пробежало в голове.

– Не телефонный разговор, когда встретимся? – спросила я дрожащим голосом.

– Да что с тобой?

– Нет, ничего, но я хочу тебя видеть, очень хочу.

– Встретимся, встретимся, зайду как-нибудь, – засмеялся он.

– Завтра после экзамена сможешь?

– Завтра нет, – ответил он резко. В голове пронеслось: завтра будет Лидку экзаменовать или другую. А до меня очередь дойдет к следующему месяцу. А вдруг и вовсе не дойдет: встретится с Лидкой, а та ему ультиматум – или я, или она! И он, конечно, выберет ее, потому что спит!

– Ну а послезавтра сможешь?

– Вряд ли, не обещаю, – уклончиво ответил он.

Внутри нарастало возмущение: явно глумится. Верно, к Лидке так прилип, что не оторвешь. Но что тогда от меня хочет? Я едва сдерживалась, чтобы не выпалить правду-матку и мысленно твердила: спокойнее, не надо себя выдавать, иначе никогда его не увижу и ничего не узнаю! Эта мысль пронзила болью, нет, я не хочу его терять, я этого не допущу! Я вырву его из Лидкиных когтей, вырву любой ценой! Только бы пришел! Надо что-то придумать, чтобы его заманить, чтобы не смог отказаться, но что? И неожиданно для себя я выпалила:

– Родители уезжают.

– И что из того?

– А то, что ты можешь ко мне на всю ночь.

– Да? Ну, ты меня и удивила, Лакина, не ожидал...

– Так завтра сможешь?

– Вряд ли, но...

Я ему себя предлагаю, а он еще раздумывает, но, похоже, смягчился:

– А вот послезавтра смогу.

– В восемь, буду ждать.

Ага, сразу клюнул, а то был очень занят, ну ничего, я выведу тебя на чистую воду.

На послезавтра с самого утра меня начала бить дрожь, что придумать, родители-то дома? Женька разгневается, обвинит в обмане, и я никогда ничего не узнаю. Я сидела на скамье возле подъезда в горестном раздумье: вот-вот появится, а как спросить, как выяснить, кого любит, меня или Лидку, а может, другую какую, и сколько нас таких? Это будет выглядеть глупо и унижительно, и ничего я не добьюсь, а только окончательно испорчу все. Лучше бы он вовсе не пришел, хотя это оскорбительно, ладно, пусть придет, а что сказать, придумаю. Только бы пришел еще, а так что-нибудь придумаю.

Идет, улыбается во весь рот, облизывается, глазки блестят, ну прям котяра мартовский. Не радуйся, не на ту попал, зря лыбишься.

– Привет! – радостно поздоровался Женя.

Я взглянула на него, и в груди заныло; как ему идет эта голубая рубашка в полоску. Сегодня он особенно мил и обаятелен, и что-то изменилось в его лице, появилась какая-то трогательная сопричастность, таким нежным взглядом обволакивает меня, внутри все переворачивается. Еще никогда он не смотрел на меня так проникновенно. Интересно, а как посмотрит на меня после этого, неужели, влюбленными глазами? Даже подумать страшно, какое счастье может случиться. Только я уже не узнаю... откуда только вывернулась эта стерва, ведь я уже почти решилась, а что теперь? Хочу, чтобы всегда смотрел на меня вот так трепетно и нежно. Но что сказать, что придумать, лихорадочно искал мозг, еще секунда, две и все пропало.

– А почему ты здесь? – спросил он настороженно.

– Вышла подышать, чудный вечер, всю ночь зубрила сопромат, аж замутило, не выспалась еще.

– Вот и встретила, – констатировал он, – а будто не рада.

– Устала, до утра зубрила, на трояк сдала, днем отсыпалась. Дело в том, что родители не уехали, должны были на дачу переехать, но отложили...

Его лицо вдруг посерело, ошетинилось и застыло в злобной ухмылке. В голове пронеслось: ну вот и все, развернется и уйдет.

– Мы можем поехать на дачу, – нашлась я. Но тут же спохватилась: что я несу, как там буду выкручиваться? На его лице выступила подозрительность.

– Так что, едем? – спросила я

– И далеко дача? – недовольно протянул он.

Так он еще может и не согласиться, с ужасом подумала я, чувствуя, как внутри поднимается возмущение, я готова отдать ему самое сокровенное, а он пытается, далеко ли ехать?! Куражится, пренебрегает, но это уж слишком! Мне захотелось встать и уйти, все ясно: не любит. Я поперхнулась обидой, но сдержалась:

– Минут сорок на автобусе.

– Далек, – отозвался он недовольно.

Я чувствовала, как внутри все накаляется: только что глядел с любовью, а сейчас рожу воротит, цену набивает. Послать бы подальше и нечего с ним возиться, эгоист и бабник. Его не трогает моя чистота, ему будуар с шампанским подавай! Видно, вчера похоть спустил, и на что ему моя девственность? Успокойся, имей выдержку, твердила я себе, уж бросать, так красиво, а за унижение надо отомстить. Господи, сколько же терпения нужно с этими мужиками, железные нервы надо иметь, чтобы выдержать их выкрутасы. Конечно, догадывалась, что не любит, но не предполагала, что до такой степени, лишь бы согласился, уж я отыграюсь, запомнит он эту ночь, только бы не отказался ехать.

– Ну, ладно, – протянул Женька, словно делая одолжение.

Мы сели в автобус, и Женьку словно подменили: он вдруг повеселел и принялся болтать.

– Мой друг, когда не приходит домой ночевать, говорит, на рыбалку ходил, а рыбка у него килограммов на 50 тянет. А я вот думаю, моя рыбка крупнее, – поведал он, многозначительно улыбаясь и обхватывая меня за талию. – Лакина, нам давно пора на рыбалки ходить.

Я усмехнулась про себя, не радуйся, рыбка твоя сорвется. Говорят, подружка его друга аборт сделала, от горя посинела, бегает за ним и слезы льет. Сейчас измывается надо мной, а поймает – так и вовсе власть обретет! Только я не собираюсь собачонкой бегать, пусть замуж предлагает, а нет – так до свидания.

Однако вскоре мой пыл начал остывать, а что буду делать с ним, зачем ночью на дачу его тащу, что хочу выяснить? Не слепая, вижу, не любит, а до конца не верю. Сидит во мне какая-то упрямая вера, что может и полюбить. Хочу до конца выяснить, пусть честно признается,

как относится! Какой бы горькой правда ни была, я хочу знать, потому что вздохнуть свободно не могу! Я не хочу лжи и грязных интриг, нарыв назрел и требует выхода! Лучше один раз горе пережить, чем месяцами томиться в неведении, да душу из меня вытянет. Хватит ждать, когда до меня очередь дойдет. Выходит, тащу его на дачу, чтобы услышать, как он меня не любит? Надо как-то тонко выведать, и не в лоб, да чтобы впросак не попасть, а дача – самое подходящее место и времени будет предостаточно. Только бы не сбежал, а то план рухнет, и так заподозрил подвох, рожу отвернул, да пусть себе хорохорится, мне нравится смотреть в убегающую даль. Неожиданно Евгений развернул меня и порывисто обнял. Наши глаза встретились, и дернуло током: сегодня решается. Он наклонился и поцеловал, голова пошла кругом, слава Богу, отошел, не буду думать плохо, надо надеяться на лучшее.

«Какая красивая пара!» – раздался женский голос, и все в автобусе обернулись на нас. Внутри радостно запрыгало: даже посторонние заметили, как мы подходим друг другу. Я не хочу его терять, я не хочу искать другого, я люблю Женьку! Я ждала его, и он обязательно меня полюбит! Я красивее Лидки, да она и в подметки мне не годится, хитродыряя татарка, избавиться от меня хочет, причем моими же руками. Но я выше этого, я возьму его чистотой и искренностью. Нет, я еду на дачу не для того, чтобы отомстить, не для того, чтобы бросить, а для того, чтобы он меня выбрал.

Отрезвев от долгого поцелуя, я вновь ощутила страх – как бы самой на удочку не попасться. Мы подошли к калитке, но ключей в сумочке не оказалось.

– Ну вот, тащились такую даль, а теперь обратно? – возмутился Евгений, словно я намеренно не взяла ключ.

– Главное, от домика есть ключ, давай перелезем через забор, – предложила я.

Женька перелез первым, затем поймав меня, нежно опустил на землю. Мы оказались друг против друга и встали глаза в глаза. Меня пронзило – наедине с любимым в темной ночи.

– И что теперь? – спросила я глазами.

Женька замешался и через минуту ответил глубоким взглядом: это неизбежно. Моя голова оказалась на его груди, и вдруг ударило – жизнь решается. В коленках задрожало, не готова я. Даже не знаю, что это такое, как это бывает? А может, именно так и бывает – неожиданно! Он тоже смущен и обескуражен, словно обоих накрыло воздушной волной, сошедшей откуда-то свыше. Это еще неведомо мне, но как будто уже понятно – это именно то самое, то сокровенное, что соединяет мужчину и женщину. Потрясенная новым чувством, я бессильно опустилась на скамью, и удивилась – как мы оказались здесь ночью? И что, сейчас все решится? Похоже, сердце останавливается...

– Что с тобой? – спросил Женька.

– Перезанималась, тошнит от сопромуги, до сих пор не верится, что сдала. Давай подышим воздухом, очень свежо, сиренью пахнет...

Я глубоко дышала, медленно приходя в себя: выходит, сама попалась? Нет-нет, я еще ничего не решила, просто помутилось в голове, перенервничала, сейчас возьму себя в руки, но как я здесь оказалась, зачем? Кажется, хотела выяснить... но как начать тяжелый разговор, за что зацепиться?

– Давай перекусим, – нашлась я, – есть редиска, лук, салат и хлеб.

Он не ответил, но я сочла молчание знаком согласия и облегченно вздохнула: есть время обдумать. Я кинулась на грядку, и принялась яростно дергать лук вместе с комьями земли, в ушах барабанной дробью стучало: с чего начать? Нельзя опростоволоситься, но надо как-то действовать, надо тонко выяснить, какие виды на меня имеет. Ревность выдавать глупо, я ему не жена, он даже в любви не признавался, ничего не обещал, так что имеет право встречаться с кем угодно. Эта мысль сдерживала рвущееся возмущение.

Нож, нервно отбивал чечетку, кроша салат, с чего начать, чтобы не ударить в грязь лицом, не выдать боли? В голову панически лезли всякие фразы, но ни одна из них не подходила.

Возбуждение нарастало, надо что-то решать, а повода нет, и вдруг осенило: может, сам повод даст? Наверняка чует неладное, надо момента дожждаться.

– Лакина, не строй из себя хозяйку, – сказал он, доставая из портфеля бутылку и, повертев ее в руках, стыдливо добавил: – Шампанское не достал. – Я взглянула на вино, и сердце мое упало – вот она, моя цена, рубль двадцать.

Как легко все выяснилось и без мучительных вопросов. Я ему девственность, а он мне – бормотуху! Я его из армии ждала, а он меня за дешевку принимает! Догадывается, что я девственна, если сейчас такое позволяет, что можно ждать после этого? Лютика паршивого не подарил, а я любви какой-то жду...

Кровь бросилась в лицо: задумал напоить и обработать! Да он и на день рождения притащился с другом – ни подарка, ни открытки, ни поздравления, а весь коньяк вылакали. Он себя дарит! И за это я должна быть благодарна, всю жизнь буду ему должна. Бросать его и все, но только красиво. Все равно этой ночью он не простит, так уж лучше самой, не так обидно. Ну зачем я добиваюсь любви бабника, чтобы сломать жизнь?! Какая любовь с ним может быть?! Не было любви и это не любовь...

– Лидка привезла вино, у нас такого нет.

Я вздрогнула: вот так удача, сам начал и мудрить не пришлось. Лидка из кожи лезет, чтобы опутать, а может, он думает, что и я буду ему вино покупать за то, что он со мной спит?

– Раз сама Нахабина позаботилась о нас – наливай! – сказала я, нервно хохоча.

Я опрокинула полстакана вяжущего напитка, хмель ударил в голову, и напряжение спало. Невероятное ощущение свободы подхватило меня и понесло:

– Какая заботливая у меня соперница, за 100 километров вино тащила, я бы не стала. – Я плюхнулась на диван, наслаждаясь опьянением и свалившейся свободой, вдруг обрадовалась, наконец-то могу высказаться!

Он сидел за столом и молча пил вино из граненого стакана.

– Жень, и не стыдно с двумя встречаться? – осторожно поинтересовалась я. Мне казалось, что я поставила его в тупик, что он смутится, но он спокойно спросил:

– Почему с двумя?

Я опешила и сразу не поняла смысла ответа.

– Что ты хочешь этим сказать? – задыхаясь от страшной догадки, спросила я.

– Это ты решила, что с двумя, – пояснил он спокойно.

– А что, с тремя, или сколько нас у тебя?

Каков наглец, возмущалась я про себя, конечно, подозревала, но не думала, что до такой степени. Значит, он у меня единственный ненаглядный, а таких, как я, у него три, а может, четыре?

– Так ты бы нас перезнакомил, – перевозмогая боль, предложила я.

– А зачем?

– Мы хотя бы определились, кто первая, кто последняя, в гареме каждая должна знать свое место. Я, например, второстепенной быть не желаю.

– А это твое дело, – отрезал он холодно.

Нет, он не просто наглец, а наглец циничный. И какой важный, прям султан, да он действительно снисходит до меня. А я еще хотела отдаться, да упаси Господь, хорошо вовремя выяснилось.

И этого наглеца я ждала три года, на любовь надеялась? А ведь он целовал меня до самозабвения, ласкал, шептал на ухо сладкие словечки, а сейчас будто нож в сердце вонзил, как больно видеть всю эту мерзость. А я наивная думала, что могу стать единственной и неповторимой, думала чистотой и верностью тронуть, отомстить хотела, да ему все равно, с кем целоваться, у него таких, как я, полно. Но как унижительно это слышать, зато больше никаких заблуждений, раз и навсегда избавлюсь от страданий. Надо смириться, вырвать его из груди,

хорошо, что не отдалась. Пусть знает – у меня есть достоинство. А я наивная хотела распрощаться красиво, да это он меня бросает. Внутри от боли все рвется, но надо держать спину. Хотела правды, вот и давай этой правдой, такой правдой и отравиться можно.

Я сидела на диване, застывшая в своей боли, а он продолжал пить из граненого стакана.

– Налей-ка мне еще, а Лидке передай, вино плохое, в следующий раз пусть лучше везет.

Через несколько минут внутри обмякло, обида улеглась, и вдруг прояснилось: ничего страшного и не произошло, ведь была к этому готова, зря переживала. Если со стороны посмотреть, вышло очень забавно и даже весело.

Хотя можно взглянуть иначе: у него много девушек, значит, любимой нет. Так что не надо торопить события, это не конец, сердце подсказывает – он выберет меня. Только как себя повести – вот в чем вопрос. Видать, разобиделся, сидит, как хмырь, курит, а на меня ноль внимания. Конечно, можно признаться, что наговорила от отчаяния, что растерялась, что обиделась. А вдруг решит, что о меня можно ноги вытирать? Нет, так не пойдет, но надо как-то расшевелить, перейти на дружеский тон, а лучше на юмор.

– Жень, а почему ты такой угрюмый? Тебя столько девушек любят, а ты печальный? – Он не ответил.

– Лужина Надька замуж выходит в субботу, меня в свидетели позвала, – сообщила я.

– Вот и хорошо, шампанское попьем, если пригласишь. Все женятся, – сказал он, тяжело вздохнув, и добавил: – Первая любовь, как первый снег, ее втаптывают в грязь.

Это было сказано так резко, что в груди сжалось: выходит, и мне надо затоптать первую любовь, если его любовь затоптали. Он тоже страдает от безответной любви, может быть, больше, чем я, его предали, а меня даже не любили. Эта мысль погасила злобу, в один миг сердце прониклось состраданием, он разочарован и никого не любит. Нет, он не циник, не наглец, его ранила первая любовь, он до сих пор страдает, мы оба страдаем. Выходит, никто не виноват, печально, но есть надежда, что полюбит меня...

– У некоторых первая любовь сбывается, – робко произнесла я.

Он не ответил, вышел из-за стола и развалился на кровати.

Я обрадовалась: был бы наглым, завалился бы ко мне и начал домогаться, зря волнуюсь.

– Лена замуж вышла, – резко сказал Евгений.

Не может ее забыть, но разве можно его в этом винить? Красивая девочка Лена жила в соседнем доме. Помню, как он еще школьником ходил к ней. Поговаривали, что она издевалась над ним и однажды в доказательство любви заставила пройти по карнизу. Он мыл ей пол, ходил в магазин, представить не могу, что Женька на это способен, врал, наверное.

Сейчас ему тяжело так же, как мне, и он не знает, что делать. Все-таки на подлеца не похож, ну не может полюбить меня, выходит, не судьба. Однако совсем не обращает внимания, неужели я совершенно не интересна? Мы долго лежали молча. Я начала теряться в догадках: если бы он просто хотел соблазнить, то давно бы начал действовать. Значит, не хочет, а чего ждет? А вдруг ляжет ко мне, как себя вести, оттолкнуть? Если нагло и напористо – оттолкну, а если ласково и нежно? Не знаю... вот если бы признался, что хотя бы нравлюсь, не знаю, возможно, и поверила...

Интересная ситуация, кому расскажи – не поверят: мы наедине, а он даже не пытается обнять, выходит, не ветренный и вовсе не бабник. Уж лучше любимому отдаться, чем кому попало, другой, может, еще хуже будет, все они козлы, а Женька еще не самый последний. Был бы безответственный, о детях бы не заикался, а начал бы раздевать. А главное, я уже решила, что он будет первый, но тут эта Лидка вывернулась. Откуда только взялась эта Нахабина? А может, наплевать на нее и рискнуть? Но как наладить после всего высказанного, он даже не смотрит в мою сторону, самой раздеться, что ли?

А что он подумает: сперва допрос учинила, а потом предлагает себя, в гарем согласная. Вот чего дожидается, только не дождется. Так и будем всю ночь в молчанку играть? Видимо,

сказать ему нечего. Не стоит голову ломать: не мой он суженый – вот и все. Хорошо бы заснуть, да только все во мне бурлит, не могу смириться с таким безразличием, обидно.

Вдруг Евгений порывисто встал и лег на диван, но поодаль от меня. Он лежал на спине и смотрел в потолок, а его мысли блуждали где-то в небесах. Я почувствовала себя еще более одинокой, чем когда мы лежали на разных постелях. В голове пронеслось: если скажет, что любит, поверю. Так хочется верить, что хотя бы капельку любит. Если солжет, приукрасит, все равно поверю. Но он не хочет лгать, не хочет использовать ситуацию, найду ли я еще такого честного парня? Значит, надо отдаться...

Вдруг он повернулся лицом ко мне, порывисто обнял, потом отстранился и, вновь приблизившись, заключил в свои большие ладони. Он держал меня в руках так осторожно и трогательно, словно боясь, что я внезапно рассыплюсь.

– Лакина, давай поженимся, – грянуло громом среди ясной ночи.

Все, что угодно ждала, только не этого! Своим ушам не верю – что это? От радости у меня отнялся язык – меня выбрал?! Предчувствие не обмануло! А что ответить, а вдруг на одну ночь предлагает пожениться? Шутит, а я на полном серьезе отвечу? А если серьезно предлагает, а я отвечу шуткой? Так что же ответить, чтобы не попасть впросак?

Конечно, я бы поверила, если бы все происходило не ночью на даче, если не знала бы о других девушках. Если отвечу «давай», то надо будет сейчас отдаться, иначе выкажу недоверие. А вдруг он решил отомстить, что на дачу затащила для разборки? Все это слишком неожиданно и непонятно. Я была в полной растерянности и дрожала от страха – обмана боюсь, не выдержу, если бросит, такой пошлости не переживу. Так что ответить? Вот если бы знать, что всерьез предлагает...

– А когда заявление подадим? – выпалила я, но, услышав собственный голос, ужаснулась и сконфузилась: ничего другого не нашла, как эту глупость сморозить, будто себя за штамп продаю.

– Подадим-подадим, Лакина, успеем, – усмехаясь, ответил он.

Высмеивает меня, задрезжали нервы, дурочка, сама все испортила, какой вопрос – такой и ответ. От обиды и слабости вдруг захотелось закричать: «Да плевать мне на этот штамп, не в нем дело, а в том, что не любишь! И никакой загс не поможет, в тебе не уверена, не могу решать жизнь!»

Но я промолчала, и охватило ощущение виновности: ведь я тоже обманула, устроила разборку, а обещала отдаться. А может, спросить: а ты любишь ли меня? А он ответит: нет. И как после этого можно говорить о женитьбе? Нет, он только соблазняет, но каким-то странным образом: не целует, не рассыпает комплименты. Похоже, серьезно хочет жениться, или все-таки играет? Если не решусь, точно бросит, а решусь – шанс все-таки есть. Какие красивые дети у нас могут родиться: мальчик и девочка. Чует сердце – не сможет оставить с дитем... и все-таки страшно. Слышу, как сердце бьется, тик-так, тик-так. И с каждой секундой я теряю его, уходит ночь и уносит мое времечко.

Но здесь и сейчас, на этой грязной постели я должна потерять невинность? Я представляла первую ночь с мужчиной как главный жизненный праздник и непременно с фатой и белым платьем. Но вместо свадебного букета и шампанского получаю стресс и кислую бормотуху. Неужели я не достойна белоснежного наряда и чистой постели? За то, что ждала, в трудные дни поддерживала письмами, даже на шампанское не разорился, а потом предложит по кустам и рыбалкам таскаться? А что будем делать зимой, прятаться от родителей?

Ночь на исходе, а я ничего и не решила. Мы пока рядом, но невидимая черта уже разделяет, с каждой минутой мы отдаляемся. Нет, я не хочу его терять, я не допущу этого – девственностью возьму: не сможет после этого бросить. Значит, надо сказать «давай поженимся» и раздеться, иначе потеряю, но меж нами пустота, но кому же еще отдаваться, если не ему? Многие девушки проходят через это, и я не исключение. Но я думала, что это будет возвы-

шенно и необыкновенно, а тут как-то обыденно и запутанно. Ночь на исходе, тик-так, тик-так – стучит сердце. Но что же он? Спокоен и холоден. Я мучаюсь, извожусь, а ему все равно, лежит себе и думает, дам или нет. Удочку закинул и ждет, тонко действует, а потом заявит: сама захотела. Но на самом деле я этого не хочу, я решаю, уступить или нет. Как я могу хотеть того, чего еще не знаю?

Страх сковал члены, я не чувствую ни малейшей страсти, к тому же это и впрямь может оказаться ерундой, не хватало еще страдать из-за этой ерунды. Только доверься, как он станет веревки вить. Я не хочу жертвовать будущим ради его самолюбия, вообще не хочу жертвовать, хочу любить и быть любимой. Только будет ли у меня в жизни настоящая любовь, а Женьку могу потерять... Вот он еще рядом, близко, очень близко, и можно дотронуться до его щеки, носа, губ, а завтра может стать недосягаемым. В голове не помещается: сегодня можно, а завтра – нет. Где же та грань, перед которой еще можно, а за ней уже нельзя? Я держу судьбу в руках, еще держу, но она ускользает, меж пальчиков утекает.

Ну пусть не любит, но хоть бы сказал, что ему со мной хорошо, весело, интересно. Намекнул бы, что я нежная, чистая и настоящая, хоть чуточку душу отогрел бы, развеял сомнения. Так женится или уже нет, почему молчит? Выходит, самой начинать придется, все самой, а где же его мужское слово? Остается только безрассудство, но я не уверена, его ли я девушка? Зато он уверен в своей неотразимости, не находит нужным даже обольщать, ждет, когда сама разденусь. Только я себя предлагать не стану, не хочу зависеть, не хочу ждать и дрожать: придет – не придет, женится – не женится, и кто у него еще есть. Я человек, а не кукла! Это его вождение разъедает, а не меня, так пусть предлагает по-человечески. Вот именно, если дорожит мной, а не дорожит – пусть другую дурочку ищет.

Как же безоглядно любила его, как неистово ждала, но за год все перевернулось. Даже не знаю, люблю ли его сейчас? Наверное, люблю, но как-то иначе, страх и недоверие перехлестывают. Да почему я должна напрягаться и округивать? Я для него недостаточно красива, недостаточно стройна, недостаточно нежна, недостаточно умна и совершенна! И хоть в лепешку расшибись, ничего не изменится: он только позволяет себя любить, снисходит до меня. Не желает даже заглянуть в душу, я ему не интересна! Но ладно, душа вообще мало кого интересует, так его и красивые ноги не привлекают, и моя грудь его не волнует – ничего ему во мне не нравится! Тогда зачем предлагает жениться? Похоже, смеется, а я всерьез приняла, а он с головоломок начал. Надоело бояться, теряться в неуверенности, лучше покончить. Тик-так, тик-так, скоро светает, судьба решается: последний поцелуй.

Вот он еще рядом, но в мыслях уже где-то далеко: похоже, уже простился, а я все бьюсь, все решаюсь. Неужели совсем безразлична? Хочу, чтобы вспылал страстью, значит, надо снять платье. Но как долго смогу удержать постелью – месяц, два или год? Я ответственна за будущих детей. А какие красивые дети могут у нас родиться: мальчик, похожий на него, и девочка, похожая на меня. Но не чувствую его мужское плечо, даже в себе не уверена, будто по тонкому льду иду. А внутренний голос говорит: не сможет бросить, но придется унижаться, бегать и слезки лить. А когда вдоволь наглумится, может, и женится из жалости или долга на пятом месяце беременности. А потом попрекать станет – охомутала. Женитьба их пугает: свободу мы у них отнимаем. Конечно, его можно понять, женитьба – шаг серьезный, но поймет ли он меня? Я как подвешенная, ни на что не могу решиться, а решать что-то надо.

А как должно быть восхитительно в настоящей любви, когда все просто и естественно, и все понятно без слов. Хотя бы раз в жизни испытать подлинное чувство, представить страшно, какое это необыкновенное счастье. А вдруг встречу такую любовь, так зачем мне сейчас вымучивать поддельную?

Лишь бы не сожалеть потом. Один неверный шаг – и жизнь испорчена: девственность надо использовать наверняка. Первый еще какую-то ответственность будет чувствовать, а второй скажет: всем даешь и уже ничего не докажешь. Доказать что ты чиста, можно только

однажды. Я хочу быть настоящей невестой, а не фальшивой. И не хочу ничего доказывать: хочу любить и быть любимой. При этой мысли меня охватило ощущение свободы: любовь должна быть как полет. Не буду идти на поводу, не буду исполнять его прихоти. Да, мне больно, обидно и горько, но я выбираю независимость! Скоро светает, тик-так, тик-так – стучит сердце, судьба вершится, а что он, что же? Лицо холодное, непроницаемое. Я мучаюсь, извожусь, а он лежит себе спокойно, делает вид, будто спит.

Комнату прорезал солнечный луч и высветил: ничего решать не надо. Женька встал и вышел, сердце сдавило мутное предчувствие: этого он не простит, но на дне сознания еще дергалась надежда. Женька вернулся, и на его раздраженном лице было ясно написано: все кончено.

Только не надо сожалеть, сама решала, успокаивала я себя, ну и чего добилась, кого теперь ждать? Никого я лучше не найду, а найду – все опять упрется в постель. Если разобраться, Женька вовсе не плохой. Глупая, такого парня опутывать надо, в сети завлекать и любой ценой удерживать. Я попыталась заговорить, но он холодно обрубил: «Дай поспать». Интонация голоса была – отстань, ты уже сделала все, что могла.

Какая же я дурочка, побежало по нервам сожаление, надо было хотя бы признаться, как неистово ждала его писем, как влюбилась еще в девятом классе, как переживала и расстроилась, узнав о сопернице. Может быть, моя искренность тронула его? Все гордость моя, да кому она нужна, эта гордость, что ей докажешь? Перед глазами встал вчерашний Женька: вот он подходит ко мне в голубой рубашке, пленительно улыбается, вот кто-то восклицает, какая красивая пара, потом перелезаем через забор, глядим друг другу в глаза, но все это уже в прошлом, и ничего подобного не будет никогда. Дура, ну какая же дура, сама все испортила, все потеряла за одну ночь, подарила жениха сопернице. Охватило неистовое желание прокрутить вечер обратно и все переиначить. А когда я увидела его бледное отчужденное лицо, почувствовала себя почему-то виноватой, и захотелось оправдаться.

– Жень, ты обиделся? Пойми, мне трудно реши...

– Мне надо домой! – холодно перебил.

Мне стало стыдно за то, что я пыталась оправдаться, за то, что почувствовала себя виноватой. В автобусе мы сели рядом, но Женька демонстративно давал понять, что я чужая. Я пыталась заговорить, однако он оборвал:

– Оставь меня в покое, спать хочу.

Внутри запричитала обида, и захотелось заголосить: неужели ты не понимаешь, как мне трудно решиться! Я не вижу твоей любви, твоей ответственности! И я тебе не жена и не должна ложиться! Женька дремал, и его лицо выражало полную отрешенность, и меня вновь охватила досада, обманула мужика, вот он и отвернулся. Ведь знала, не любят они отказа, не прощают. Я все испортила, захотела выяснить, как он любит, хотя догадывалась, что никак, но зачем-то потащила на дачу. Ждать надо было, терпеть, грызло сожаление, а голос разума перебивал: не надо сожалеть, а вдруг бы залетела? Сейчас он думает: ну не дала, и черт с ней – другая даст, какая же это любовь?

Жгучие обида и отчаяние сменялись страхами и ревностью, заглушались чувством достоинства и голосом девичьей чести. Вдруг внутри что-то щелкнуло и надломилось: устала бороться с собой, с ним и за него, устала бояться, хочу спать. Видно, не судьба и надо смириться и успокоиться. Не было никакой любви, была игра, кто кого обведет, но ведь любовь – не футбол. Навалилась усталость, ночные картины развеялись, сознание протрезвело: нет любви и все бесполезно! И не придет он на свадьбу, обиделся, и нечего его звать, только лишний раз уничтожиться.

Однако когда я выходила, зачем-то ляпнула:

– На Надькину свадьбу-то придешь?

– Позвони, – отозвался он с вялым безразличием.

Я вышла из автобуса и обрушилась на себя, ну зачем унижаюсь, зачем цепляюсь за него, он морду воротит, а я цепляюсь? Люсю осуждала, что пресмыкалась, теперь сама уподобляюсь ей. Я поступила правильно: хочу сохранить себя, свою чистоту для настоящего чувства, для настоящего мужчины. А если у Женьки намерения серьезные, он оценит мою ответственность. Вот и проверю, как он хочет жениться! А не хочет, пусть катится к Лидке и ей нервы мотает, еще неизвестно, кому повезло. Однако на дне сознания скрежетала досада: все-таки оплошала. Опустошение, усталость и недосып повалили меня на диван с примирением, пусть катится. К вечеру я поднялась с тяжелой головой, болезненно смутно ворошилось сознание, что случилось что-то ужасное и непоправимое. Жаль не столько его, сколько крушения мечты, веры и надежды. А главное, если все будут бросать из-за этого, как же найти мужа? Но неужели ничего уже не исправить? Не надо отчаиваться, у меня есть шанс – в субботу свадьба подруги: все может измениться. Только не надо раскисать, а заняться собой и сразить его блестящим видом. Я зацепилась за эту мысль, однако сердце упорно шептало: уже не поправить.

Свадебная церемония была в самом разгаре, и я нервно гадала, придет или нет. Судя по недовольному голосу, вряд ли, но в один момент вдруг почувствовала, он здесь, и, обернувшись, увидела за спиной Женьку, и ударила радость – пришел! Женька обворожительно улыбнулся и шепнул на ухо:

– Свидетельница красивее невесты. Лакина, а когда мы с тобой поженимся?

Я обомлела: вот как обернулось! Несколько слов – и все вокруг светится, искрится и поет. Значит, не шутит, значит, вправду решил! И очень скоро я буду стоять здесь в белоснежном платье, а он высокий и обаятельный рядом! Он будет принадлежать мне и только мне, без всяких сомнений и соперниц! А гости будут восхищаться: «Какая красивая пара!» Невозможно поверить, это похоже на сказку. А может, он смеется, за ночьку отыгрывается, и колыхнулась тревога – не будет фаты и белого платья?

– Лакина, ты сегодня просто очаровательна, – произнес он, обворожительно улыбаясь. – Так когда поженимся?

В голове замелькали беспокойные мысли – не обольщайся, он играет, как кошка с мышкой, наслаждается, как я заглываю лживые восхищения и таю от счастья. Однако он впервые отпустил мне комплимент, что же ответить на эту загадку?

– Я рада, что ты наконец-то заметил мое очарование. Жень, я хоть сейчас готова, сбегай за паспортом, две свадьбы разом сыграем, и тратиться не надо! А на сэкономленные деньги поедem в свадебное путешествие.

Он промолчал. Но когда мы вышли из загса, Женька отвернулся и зашагал в другую сторону.

– Жень, ты куда? – закричала невеста. – Поехали с нами.

Он соорил кислую рожу и отмахнулся. Горькое разочарование разлилось во мне до кончиков ногтей: все кончено! Если бы хоть немного любил и серьезно предлагал, то поехал бы со мной. К Лидке намылился или к другой, которая даст, ну и катись, я себя предлагать не стану.

На шумной деревенской свадьбе мое одиночество обострилось: Женьки нет, и уже никогда не будет. Гости веселились, а мое сердце сжимала тяжелая грусть, в шутку предлагал жениться. Кавалеров на свадьбе для меня не нашлось, да я и не хотела никого видеть рядом с собой. Поздно вечером, когда гости стали расходиться, оказалось, что все машины уехали в город. Подруга предложила переночевать у них на сеновале. Я устала от разгульного пьянства, очень хотелось домой, но пришлось остаться. Пахло свежим сеном, деревянным домом, деревенский воздух пьянил свежестью. Я начала засыпать, как вдруг явился свидетель и заявил, что ему негде спать.

– Что, во всей деревне для тебя места не нашлось? – возмутилась я.

– Тебя опасно оставлять здесь одну, в округе полно пьяных мужиков.

– Только не вздумай ко мне приставать! – сказала я непреклонным голосом и огорченно подумала: вряд ли удастся заснуть, когда чужой мужик рядом. К тому же, похоже, он лживый и подлый. Я напряглась в ожидании выпада. Ждать пришлось недолго, он нагло подвалил ко мне под бок.

– Ты что, не слышал? И даже не надейся, я девочка! – запротестовала я.

– А разве я тебе не понравился?

– У меня парень есть, мы собираемся пожениться!

– Так я тебе и поверил, у тебя жених, а ты еще девочка?! – пошло захохотал он.

– А что – так не бывает разве?

– В детсаду бывает. – И он навалился на грудь и больно впился в губы.

– Скотина! Я закричу!

– А здесь никто не услышит.

– В суд подам за изнасилование! Отпусти, скотина, отец измолотит тебя так, что до суда не доживешь!

– Не буду насиловать, не беспокойся! – отступился свидетель и удалился.

Меня трясло от страха, потери сил и возмущения, вот сволочь, какое у него право на меня! Не думала, что так бывает! А если бы я была женщина, то что, обязана ложиться под каждого мужика, которому захотелось?! Что, должна удовлетворять всех желающих?! Мерзкая тварь, на что он рассчитывает? За кого он меня принимает, но даже шлюх нельзя насиловать.

Пронзило острая обида: если бы Женька был рядом, этого бы не случилось. А как чудно было бы, если бы он оказался рядом: разрешилось бы недоразумение, нам надо просто поговорить начистоту. Прошло немного времени, и свидетель предстал передо мной совершенно голый. Ну и скотина, подумала я, что он хочет добиться? Впечатление на меня произвести? Одетый был куда лучше, а тут скелет ходячий с торчащей палкой. Однако какие большие у них эти члены? И эта жуть должна войти в меня? Даже смотреть страшно. Наверное, решил покорить меня своим х..м? Может, рассчитывает, впечатление произвести, ну и дурак! Да меня тошнит от него! Я поняла, что начнется вторая атака, и спрыгнула с матраса, пригрозила сбегать.

– Четыре часа утра, куда побежишь?

– На лавку возле дома! Уйди, меня тошнит! – Внутри поднялось мутное омерзение, хотелось его извергнуть из себя, убраться, скрыться куда-нибудь.

– Дура, бабы за мной бегают! Знаешь, какое удовольствие получишь?

– Вали к своим бабам!

Свидетель удалился. Но через час он опять завалился ко мне уже одетый и больно впился губами в шею. Я закричала: «Убирайся, сволочь! Ты делаешь мне больно!» Я вырвалась и, выбежав, устроилась на скамье. И тут меня осенило: а Женька даже пальцем меня не тронул, хотя у него на это было куда больше прав, он благородный. Этот наглец даже поухаживать на свадьбе не удосужился, а сразу давай валить, маньяк какой-то! Острое сожаление перехватило горло, надо было настоять, чтобы Женька поехал. Немного подремав, я встала совершенно измученная и разбитая. Выйдя во двор, заметила, что гости, едва продрвав с похмелья глаза, насмешливо глазают на меня. Подошла какая-то девушка и шепнула: «У тебя на шее засосы!»

Кровь бросилась в лицо, эта мразь отомстила за отказ! Да еще и смеются надо мной, я и виновна оказалась!

Надя, увидев меня, пошловато заиграла глазками, уж не влюбилась ли?

– Твой свидетель всю ночь меня осаждал, едва отбилась, – грубо отрезала я.

– И что, не понравился? – спросила она, играя скабрезной улыбочкой.

Меня передернуло: сама с мужиками валяется давно, так думает, что и я? Ей моя чистота глазки колит, поэтому хочет грязью вымазать! Так, может, это она шепнула свидетелю, чтобы подвалил? Ольга предупреждала: с ней опасно дружить – она парней отбивает.

– Зря отказалась, он не женат! – сказала Надя насмешливо.

– Чего ты ухмыляешься? Я в шоке, а тебе смешно?! Да в своем ли ты уме? С какой стати я должна ложиться под чужого мужика? Он не интересуется меня ни в каком виде, – закричала я, – и прекрати смеяться, ты же знаешь, что у меня Женька! Я вообще девочка!

– А что же ты девочка до сих пор? – сказала она насмешливо. – И где твой Женька?

Я смотрела на Надю какими-то новыми глазами, передо мной открылась ее вся пошлая сущность: зачем она пригласила меня в свидетели? Гости перепились, как свиньи, голоса непристойные частушки, дерутся, а я должна взирать на это безобразие и делать вид, что мне весело, когда свидетель жениха выставил меня на посмешище? Мне плохо, а она смеется, какая же она подруга после этого?

– А может, заявление в милицию подать за попытку изнасилования? – Надя смотрела на меня обескураженно, не понимая, отчего я переменила тон. – Или тебя моя девственность раздражает? Не переживай, старой девой не останусь! Счастливо догулять!

– Но ты моя главная подруга, и как же ты уедешь?

– Я не могу здесь оставаться, я чувствую себя плохо. Принеси какой-нибудь платок или кофточку прикрыться.

Сев в автобус, я разревелась: какая-то скотина вываляла меня в грязи, так что все тело вспухло и зудит. Похотливая гадина лапала меня, потому что я одна, а Женька меня на произвол судьбы оставил, ни капельки не любит. А был бы рядом, этого бы не случилось. Я приехала домой и сразу залезла в ванную. Я терла кожу, пытаюсь смыть налипшую грязь. Потом сделала компресс из бодяги и заснула.

Вечером пришла мама и спросила:

– В последнее время ты исхудала, под глазами круги и пропадаешь где-то, что с тобой?

– Женька замуж предложил.

– Да? – радостно переспросила мама. – И что ты ответила?

– Пока ничего, слишком неожиданно, думаю...

– Бабник твой Женька и выпить любитель, какой из него муж?!

– Многие гуляют, а женятся и остепеняются, – вставила я осторожно.

– Горбатого могила исправит. Рано тебе замуж, институт кончи, хотя бы до пятого курса дотяни, а то и декрет, и диплом, успеешь еще нахлебаться этого счастья!

– Я ждала его и все-таки люблю, – осторожно напомнила я.

– Дочка, пойми, всю жизнь мотаться будет, а ты на руках с дитем будешь реветь. Сама еще ребенок, при мамочке живешь. Что ты про замужество-то знаешь? Думаешь, только спать с мужем-то? Продукты таскать, жрать варить, рубашки стирать и наглаживать! А бессонные ночи с ребеночком? Да ты зачухаешься, а он мужик видный, на таких бабы сами вешаются!

– Ну что ты меня все пугаешь, что, мне замуж не выходить?

– Выходить, но только не сейчас, может, еще другой найдется, не такой оболтус.

– Мам, он учится и работает. Мне двадцать лет, самый возраст для замужества, вот и Надя вышла, а Ольга с парнем давно живет.

– Дело твое, но я тебя предупреждаю, чтоб локти потом не кусала. А по мне хоть завтра выходи! Тебя жалко, хотя пословица: баба кается, а девка собирается. Только до свадьбы не смей, или хотя бы заявление подадите, тогда. Не знаешь еще мужчин, своего добьется и бросит! Что тогда – аборт?

Через несколько дней на автобусной остановке я увидела Женьку с Лидой. Он заискивающе смотрел ей в глазки, виляя хвостом, как кабель, почувший сучку. Лидка, задрвав голову, бросала на него кокетливые взгляды, раскрывая ярко накрашенный ротик. Мы встретились глазами, и торжествующая улыбка заиграла на ее лице: он мой. Я стушевалась и растерялась: выходит, сама отдала. Женька опустил глаза: дескать, извини, но сама от меня отказалась – не дала.

Видать, давно с ней спит, сказала я себе, пытаюсь заглушить досаду, так еще и меня хотел охмурить. Смотреть противно: оба пошлые и подлые. И тут меня перевернуло, растерянность внезапно сменилась злостью, я усмехнулась прямо в Лидкино лицо: поехала бросаться в любовную постель! Но обожгла жгучая ревность, Лидку обнимает, а я одна-одинешенька осталась. Я смотрела на них со всем презрением, на которое только была способна. Женька уловил значение моего послания и смутился, но Лидка продолжала победоносно улыбаться. Не могу смотреть на подлое лицемерие! Душило возмущение, но особенно мысль, что уже ничего не изменить. Я заскочила в троллейбус: ревность, обида и отчаяние, смешиваясь с солеными каплями, застилали глаза. Не стоит он моих слез, забыть его, ошиблась, надо начать новую жизнь. Не столько самого жаль, сколько обидно за свое унижение, ничего, пусть теперь Лидке мозги крутит. Нельзя на них обижаться: оба малодушные, но я выше интриг и лжи. Умом понимаю, но как примириться с подлостью? Как возвыситься, чтобы не трогало лицемерие и предательство? А ведь целовал, обнимал, а теперь делает вид, будто ничего не было. Не любит меня... но не любит и ее! Все ее преимущество только в доступности! Она завлекает, опутывает, борется и за ценой не постоит, только неизвестно, кому больше повезло. А вот захочу и вырву его из Лидкиных лап, у меня больше прав на него! Вот возьму и позвоню, еще посмотрим, с кем он останется!

Господи, какие мысли лезут в голову, стыд-то какой, да еще унижаться? Не хватало только себя предлагать. Не нужна ему моя чистота: ему надо просто бабу, все равно какую. Но узнала об этом только сейчас. Умом понимаю, что лгун и бабник, что не стоит моих слез, а только сердце скребет обида.

В сущности, он только затянувшаяся первая любовь, и уже пора повзрослеть и понять: другая любовь будет, другая судьба. Мама права, ничего хорошего с ним быть не может. Но не могу я принять этого, вот сейчас все выскажу ей, только бы дома была! И я с порога закричала:

– Мам, ты дома?

– Дома, дома, да что случилось, что орешь?

– Радуйся – твоё желание исполнилось! – сообщила я со злорадным смехом.

– Какое еще желание?!

– С Женькой покончено!

– Да что стряслось, что кричишь, как перепуганная?

– Одна осталась, так что больше можешь не опасаться: замуж не выйду! – истерично закричала я.

– Ты что, плакала, что ли?

– От радости за тебя ревела!

– Еще не хватало плакать из-за этого бабника: радоваться надо!

– Чему же мне радоваться – что одна осталась?! Вот Лидкина мать не давала таких советов, и вот посмотришь, они так и женят его!

– Я сказала правильно, не твоим носом его женить!

– Так что, я, выходит, хуже Лидки? Да она по сравнению со мной просто дурнушка! А вот дала и он с ней остался! А ты учила – ни в коем случае!

– Может, ты и красивее, но ворона! А Лидка – на колу дыру вертит! Она сможет его окрутить, а ты не сумеешь, только нервы измотаешь – и все, поняла?

– Ее-то мать научила, а ты меня чему учила? Если он твоя судьба, то никуда не денется! А вот и делся!

– Как я могу тебя научить, когда сама не умею?

– Тогда не попрекай вороной, я вообще окручивать не хочу!

– Твоего Женьку только окручивать, по-другому не выйдет, так что не реви, раз не хочешь опутывать.

Я разразилась рыданиями, не любит меня, и хоть расшибись. Но я хочу, чтобы меня любили. Проплакавшись, я успокоилась и поняла, что нервы измотаны, а любви во мне будто и не осталось. А я хочу, чтобы меня любили. Мама будто прочла мои мысли и спокойно произнесла:

– Пойми, девочка, когда мужик изменяет да издевается, любовь пропадает. А уж когда до белого каления доведет, как твой папаша, так отвратит, что убила бы – вот какая ненависть возгорается.

– Мама, и что, они всегда издеваются?

– Нет, не всегда, встречаются и хорошие, но редко. А потом еще так бывает, найдется мужик хороший, и ты ему нравишься, и деловой, и денежный, а не лежит к нему душа – хоть режь.

– Раньше думала, достаточно встретиться, посмотреть друг другу в глаза – и все станет ясно, вот она любовь! Но чем дольше живу, чем больше встречаюсь, тем больше запутываюсь. Я уже не понимаю, что происходит. Вчера в глаза смотрел с любовью, а сегодня – плюет. Раньше я не верила, что такое со мной может быть...

– Это еще цветочки, ягодки впереди, – произнесла мама горестно.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Бабой станешь, тогда поймешь, какие еще сложности встречаются. Бывает, понравится человек, и ты ему понравишься, а в постели – никак.

– Как это – никак?

– Нет удовлетворения.

– А почему?

– Разные причины бывают, и от размеров тоже зависит, и потом импотенты бывают, которые совсем не могут.

– Как это не могут?

– Ну не работает у них, больные или порченые.

– Так как же определить, если до свадьбы нельзя, а потом выяснится, что импотент. Как же заранее-то узнать?

– По внешности можно определить, по длине пальцев, по носу. Если пальцы длинные – то и член большой, а если маленькие – крохотный. Но бывают такие большие, такие, что больно женщине.

– Мало того, что трудно любовь встретить, так еще и размеры должны подойти, – ужаснулась я, – как же замуж-то выходить? Мама, у меня совсем голова кругом идет, как жить-то, когда одни проблемы?

– Ничего, все как-то устраиваются, выходят и живут.

– Ну как же выйти, если до свадьбы нельзя, а после свадьбы выяснится, что импотент?

– Когда решите пожениться, подадите заявление, то можно попробовать.

– Мам, да они замуж не предлагают, а в постель тянут, и Василий, и Женька из-за этого бросили. Зачем им добиваться и тратить время на меня, если доступных баб полно?

– Не знаю, – протянула мама растерянно, – в наше время такого не было, нам замуж предлагали, мы девочками выходили.

Сдав сессию, я заболела ангиной. Лежать с температурой было особенно досадно: на улице светило солнышко и цвели пионы. Ангина сменилась приступом меланхолии, мне двадцать лет, самый расцвет, и только бы радоваться жизни, но что-то надломилось внутри. Не знаю, как вести себя с мужчинами. Я хочу чего-то невозможного: пора спуститься на землю, не стоит всерьез рассчитывать на любовь. Но все вокруг только о ней и твердят?! Любовь, любовь – а где она в действительности? Покажите мне ее в жизни? Еще и не видела любви, а на сердце уже вторая зарубка. Видимо, любовь – непозволительная роскошь, и я хочу слишком много. Сама виновата, не стоит грезить любовью, не стоит серьезно относиться к половым

отношениям. Все просто делают это, а не драматизируют, это только физиология, вот и Люся говорит, ерунда какая-то, так стоит ли из-за этой ерунды голову ломать? А Надька вообще смеется над моей невинностью. Хватит летать в облаках, надоели шарады и недомолвки! Хочу хотя бы раз пережить искреннее чувство, хотя бы один глоток любви – но настоящей! Вот встречу хорошего парня и отдамся, может, так быстрее найду свою судьбу? Не хочу зависеть от их прихотей, хочу быть свободной – любовь должна быть свободной. Есть выход – надо обрести свободу.

Неожиданно воспалился коренной зуб, и дантист его удалил. Я была очень расстроена из-за потери зуба, перенесенной болезни, прощания с первой любовью.

Я вошла в кабинет клиники, Лазарь Сергеевич окинул меня строгим взглядом без малейшего намека на интимность. Передернуло сомнение – он играет со мной, сколько раз я уже обманывалась в ожиданиях, и все никак не привыкну. Но неужели и врач может делать игривые авансы ради развлечения, наслаждаясь тем, как жертва заглатывает наживку? Видимо, это удовлетворяет мужское самолюбие. При этом в процессе лживой игры он требует от пациенток откровения? Ладно, пусть вылечит, такая любовь мне не нужна. Но я тебя выведу на чистую воду.

– Это было ваше первое сильное сексуально-эмоциональное переживание?

– Да. Но в памяти запечатлелся один яркий эпизод из детства. Мне было лет 12—13, мы гостили в деревне и пили чай из самовара на веранде, как вдруг из леса пришел сын маминной подруги, парень лет 18—19. Стройный, высокий блондин с веселыми глазами, он светился обаянием. На нем была шляпа с загнутыми полями, как у ковбоя, всем своим обликом он смахивал на героя из известного американского фильма. Я потеряла дар речи: он поразил воображение. Я смотрела на него во все глаза, хотя было стыдно разглядывать. «Это мой сын Володя, окончил первый курс университета, приехал на каникулы», – сказала хозяйка. Моя мама заметила: «Красивый». А я подумала – необыкновенный.

«Какая милая девочка, как тебя зовут?» – ласково спросил Володя, разглядывая меня. Я чувствовала, как заливаюсь краской, и пролепетала свое имя. «Танечка, а это тебе», – сказал он, преподнося букетик земляники и очаровательно улыбаясь. Какой великолепный, какой обворожительный – отозвалось в груди. Я понравилась ему, но маленькая, как жаль, что совсем еще девочка. Мне казалось, что за букетиком земляники непременно должно последовать еще что-то, однако Володя упорхнул так же внезапно, как и появился. Хозяйка шепнула маме: «Девушка у него есть, на внешность так себе, не пара она ему». Я почувствовала ревность к неизвестной девушке и подумала, что буду красивее, а когда вырасту, он непременно меня полюбит. Несколько недель меня не отпускало впечатление необычного знакомства и ощущения чуда. Очень хотелось увидеть Володю, но он не появился. Каким-то необъяснимым чувством я поняла, что во мне проснулась женщина. Это новое чувство очень удивило и обворожило меня.

– Вы долго переживали крах первой любви?

– Недели две. Мама, видя мои страдания, отправила меня на Рижское взморье. Мне очень хотелось забыть непутевого Женьку, и я надеялась познакомиться с другим.

– Какие болезни вас беспокоили в последнее время?

– Была простуда с осложнением на бронхи, шейный хондроз.

– А что вас волнует?

– Обман, отчего люди все время обманывают друг друга, особенно мужчины? – спросила я, глядя на него в упор, напоминая об обещанном свидании.

– Я помню о приглашении, но сегодня меня вызвали на ночное дежурство в реанимацию, заболел один доктор. В следующий раз я провожу вас. Но поверьте моей врачебной практике, женщины обманывают больше.

- Возможно, но мы слабее, нам требуется больше приспособливаться, чтобы выжить.*
- Выпейте горошины и позвоните мне через неделю, обязательно позвоните.*

Разочарованная, я вышла из кабинета, выходит, будто я навязываюсь, но ведь это он обещал встречу, и ведь это у него горели глаза, я только отвечала. Я была озабочена здоровьем, а он обещал любовь, я поверила и опять обманулась. Выходит, просто лгал, как обыкновенный мальчишка.

Нет, я не должна думать плохо, он лечит людей, делает благородное дело. Только непонятно, отчего со мной ведет себя неблагородно? Конечно, не должна была напоминать, но он сам должен был сообщить о дежурстве. Больно разочаровываться в таком серьезном человеке, ладно, поверю ему, но это будет в последний раз. Только не надо обольщаться, надо помнить слова Жанета. Но если он и впредь будет голову морочить, я выведу его на чистую воду!

Жанет

Я ожидала открытия кафе, как вдруг заметила: высокий парень во все глаза смотрит на меня, словно мы знакомы, но как это могло быть в чужом городе, удивилась я и отвернулась. Однако затылком продолжала ощущать пристальный взгляд. И вдруг кольнуло, происходит нечто удивительное. Не знаю, что именно, но меня будоражит. Даже не разглядела его, только заметила – высокий. Может, волосы мои понравились или грудь, хотя формы прикрыты брючным костюмом, но что же его могло поразить? Ладно, это ничего не значит, посмотрит да перестанет. Да мало ли кто на меня смотрел, отчего так разволновалась?

Я глянула исподволь и поняла: никто никогда не смотрел на меня так неистово, но какое мне дело до этого парня? Интересно, чем могут закончиться пламенные взоры? А может быть, именно так и влюбляются? Или он глядит вовсе не на меня? Неудобно разглядывать, и не в силах бороться с любопытством. Я обернулась, встретилась с черными горящими глазами и поразились: неужели так очаровала? Конечно, я симпатичная, но не писаная красавица, чтобы сразить наповал, будто впервые увидел девушку, или любовь с первого взгляда? Спинным мозгом чувствую его глаза, неужели все это происходит со мной, или в лучах заката пригрезилось? А закат на редкость красивый. Не надо о нем думать, тем более беспокоиться, ничего не происходит, подумаешь, посмотрел посторонний парень, мне нет до него никакого дела, но отчего растрожилась?

В том-то и дело, что не просто глядит, а как-то особенно, не оценивает ноги и грудь, а искренно восхищается, будто я поразила его в самое сердце. Но чем же я могу поразить? Интересно, а если б у меня были кривые ноги, он бы разочаровался? Слава Богу, ножки у меня красивые, жаль, что надела брючный костюм и грудь в нем не выделяется. А он, хорошо сложен, выражение лица мужественное. Правильно, что надела брюки, когда в платье увидит – и вовсе обалдеет. Но как можно не ответить, когда душу переворачивает своими глазами? Интересно, чем кончаются такие взгляды?

А что, если уже не смотрит, и сгинуло очарование, так же стремительно, как началось? И я никогда не узнаю, чем кончаются такие взгляды. Хотя еще ничего и не началось, а предчувствие уже захватило. Еще ничего не ясно, ничего не обрела, но уже боюсь потерять, нетерпение бьется во мне. Так чем все это кончится, а если это любовь начинается? Вот как, оказывается, люди встречаются. Хотя со мной такого не случилось, но всегда представлялось, что именно так – глаза в глаза и становится ясно: это судьба! Так долго ждала, переживала, будет ли у меня так, как гром среди ясного неба? Но неужели все это происходит наяву и со мной?

Не знаю, как вести себя, наэлектризована его магнетизмом, словно сама не своя, и что это на меня нашло, может, привиделось? Надо еще раз взглянуть... но страшно, вдруг он уже не смотрит? Преодолев смущение, я резко повернулась, мы встретились глазами, и молния ослепила меня – лицо расплывается, одни горящие глаза. Похоже, не мерещится – смотрит восхищенно. Мы оба смутились. По телу пробежал ток – он уже не посторонний, я чувствую связующую ниточку. Или это мое воспаленное воображение? Но что-то стремительно меняется в пространстве, во мне самой, все крутится и несется непонятно куда. Быть может, именно так встречаются с судьбой? Выходит, не романтические бредни, значит, бывает, а не верила, да и сейчас не верю до конца, а только чувствую – происходит нечто необъяснимое.

Меня еще никто не любил, я только мечтала об этом, порой казалось невозможным. Кажется, только глянул и понял: именно меня искал! Он увидел мою душу, понял – я нежная, верная, любящая, а главное – настоящая! Представляла именно так, но не предполагала всю необыкновенность ощущения: слишком неожиданно и невероятно, чтобы поверить. Охлади пыл, спустишь на землю, сказала я себе, может, он на всех так смотрит? Ну, уж это совсем ненормально, чтобы на всех так тарачился. Взгляд испепеляющий, помешанный, только нельзя обо-

рачиваться, но ведь насквозь прожигает, но что он нашел в моей спине? Выкинуть из головы, какой-то ненормальный, может, из армии пришел, девушек два года не видел? А Женька, когда вернулся из своей пустыни, вовсе не смотрел на меня так, да вообще не смотрел. А может, парни так влюбляются: увидят девушку и будто умом тронутся? Со мной впервые такое, оттого и поражает.

Однако другие во мне ничего не замечали; не думала, что мной можно восхищаться. Наверное, любовь такой и бывает: для всех ты обычная, а для него – необыкновенная! Такое ощущение, что он во мне увидел совершенство, а другие просто как кобылу оценивают; ноги, грудь, бедра, да еще и в рот заглянуть норовят. До чего же это мерзко! Я догадывалась, что я необыкновенная, а он, выходит, с первого взгляда увидел? Сердце останавливается, что же теперь будет? А ведь еще и слова не проронил, и даже лица его не разглядела, только чую: происходит нечто необыкновенное. Но как бы удостовериться, что не ошибаюсь? Почему не заговорит, язык, что ли, отнялся?

Швейцар пригласил нас войти.

– Вот нас как раз четверо, – сказал, мужчина, стоявший рядом с черноглазым. – Я тренер сборной Казахстана по велоспорту Владимир Шаповалов, а это мои подопечные – Станислав и Жанет, – представился мужчина.

Жанет! – поразило меня, какое необыкновенное имя, в нем есть какая-то магия. Я растерялась и забыла назваться. Как вдруг заметила протянутую руку Жанета. Протянула свою, напряженно думая, что же надо ответить, и, запинаясь, неуверенно произнесла: Татьяна. Едва соприкоснувшись кончиками пальцев, почувствовали электрический разряд. Жанет смутился и осел, а во мне все задрожало – вот как это начинается...

Жаль, что не одни, так много хочется сказать и спросить, но его друзья заметили, что с нами творится. Очень неловко, мы выставлены на обозрение, но что бы я спросила, если бы оказались наедине: что чувствуешь, ты что – влюбился? Нет, это глупо и нескромно, но это правда, а смогла бы я признаться в чувствах? Нет, не знаю: кажется, все не то и не так. Со мной впервые это, не знаю, что сказать, чтобы не испортить и все выяснить. Наверное, хорошо, что мы не одни, наедине мы бы вовсе растерялись.

Не знаю, любовь это или что-то другое, но в голове звучит чудесная мелодия: «Жанет, Жанет, Жанет...» Он заслонил собою все, хотя я не вижу его, но кожей чувствую льющуюся нежность и понимаю – он улавливает меня, мои волны. Наверное, так встречаются родственные души, и если это не чудо – что тогда? Значит, мне, точнее нам, явилось чудо... Так вот оно какое – обыкновенное чудо? Выходит, не выдумки кино, выходит, оно бывает? Совершенно новое состояние; еще несколько часов назад я была совершенно одинока и несчастна, и вдруг явился парень с необыкновенным именем, и все изменилось, похоже, сама стремительно меняюсь. Интересно, а сколько времени прошло? Полчаса или час, кажется, оно оставилось, а может, напротив, летит?! Мы будто вне времени, вне земли, парим в облаках: если это не чудо – то что? На страсть не похоже, ведь мы даже не касаемся друг друга. Хочу чувствовать, ощущать и наслаждаться необыкновенным состоянием. Ничего не понимаю, не знаю, как это объяснить, так хочется верить, что это прекрасное начало чего-то особенного, возвышенного...

– Мы живем в Алма-Ате, а вы бывали в нашем городе? – обратился ко мне тренер.

– Нет, не была, мне больше по нраву Запад.

– Если бы вы увидели наш прекрасный город, вы бы влюбились: какие горы, одно только Медео чего стоит!

– Может быть, побываю когда-нибудь...

– Я вас приглашаю. Для начала давайте выпьем за знакомство.

Я сидела и с горечью думала: на первый взгляд, ему лет 26—27, вроде приличный, но слишком настырный и самоуверенный. Беспрестанно хвалится статусом, что объездил весь

Союз и бывал за границей, ну просто из кожи вон лезет, чтобы понравиться, словно не замечает, что происходит между мной и Жанетом. Он все прекрасно видит, но пытается перебить и навязать себя. Но он мне неприятен, давит, и чем больше распаляется, тем больше отталкивает. Мне нет никакого дела, что он здесь главный, и я не позволю командовать собой, и какое право он имеет вмешиваться в мои чувства? Жанета корёжит от злости, он глотает досаду, давится, но молчит. Почему не проявляет воли, неужели настолько зависит от Шаповалова?

Заиграла музыка, я ждала приглашения на танец и поняла, что надо действовать самой.

– Потанцуем? – обратилась к нему. Он весь вспыхнул, заметался глазами и вопросительно посмотрел на Шаповалова.

– Раз девушка приглашает... – недовольно пробормотал тот, но его глаза вспыхнули гневом.

Ужас, подумала я, он не может пригласить без разрешения? Или я ему вовсе не нравлюсь, и очарование только мерещится?

Жанет взял меня за руку так нежно и осторожно, будто опасался, что я нечаянно рассыплюсь. По телу разлилась волна: наши чувства обоюдны, но что означает его молчание? Похоже, волнуется, растерян, ведет себя неестественно, и ни слова не могу вымолвить, да еще этот тренер мешает... Что теперь будет? Пространство наэлектризовано и вот-вот заискрит, но, может быть, это только мираж? Через некоторое время мы опять пошли танцевать и он опять молчал. Хоть бы слово сказал, подтвердил догадки, хоть как-то намекнул, не понимаю, отчего бездействует, ведь он мужчина, напряженно крутились мысли в моей голове. Ладно, раз не может говорить, пусть молчит, я буду наслаждаться близостью, тем, как он восхищается мной, словно небесной дивой. Никто и никогда не смотрел на меня такими глазами и, возможно, не будет! Надо ловить прекрасное мгновенье, вдохнуть его – оно не повторится. Вот оно передо мной, кареглазое чудо, и это чудо от меня без ума. Но можно ли поверить в реальность всего происходящего? Не знаю, но не хочу спускаться в обыденность. И как можно это потерять, когда только прикоснулись к волшебным ощущениям?

Жаль, танец оборвался, а ведь только начался. Не надо себя нервировать, ничего особенного не происходит, он молчит, буду надеяться напрасно и разочаруюсь. Это чудо мне только мерещится, уж как-то слишком просто, столько времени ждала, мучилась, сомневалась, и вдруг раз – и все перевернулось в один миг! Прямо счастье привалило, так только в сказках бывает, не стоит нервировать себя напрасно, не стоит обращать внимания, сидит и пусть сидит, я его не вижу, не знаю и знать не хочу. Это он пожирал меня глазами у входа, а я только ответила, похоже, интерес сиюминутный.

– А где вы остановились? – поинтересовался Шаповалов.

– В гостинице, – ответила я.

– Как вам это удалось, в гостиницах вообще мест нет, а тем паче летом?

– Повезло, но грозятся выселить, какие-то артисты приезжают. Вообще-то я ехала к знакомым, но оказалось, что они отбыли на Черное море, и теперь мое пребывание здесь под вопросом.

– Я могу помочь вам, есть небольшая гостиница, правда, на окраине, зато место великолепное.

– Оставьте адрес, завтра заеду.

– Вы сами не найдете, он в стороне.

– Давайте встретимся завтра.

– Зачем же завтра, можно сегодня.

– Сегодня я ночую в гостинице.

– Но утром вас могут попросить освободить номер.

Меня охватило неприятное предчувствие – скользкий тип. Прекрасно видит, что мне нравится другой, но настойчиво предлагает себя. А Жанет не возражает, только весь напрягся

и зубы стиснул. Ничего не понимаю, кажется, одно неловкое движение, и чудо рухнет, и я так и не узнаю, что все это значит. Сердце говорит: любовь, а в голове страх и сомнения.

Я медленно развернулась к Жанету и вдруг заметила – он разворачивается мне навстречу. Мы оба обомлели, потом смутились и опустили глаза, а потом одновременно вскинули их. Я уже не из плоти и крови, а из какой-то чувственной субстанции и устремляюсь ввысь. Сердце сладостно зашептало: наверное, так начинается любовь. Как же убедиться, чтобы всякие сомнения отпали? Хочу прикоснуться и удостовериться, или это обман зрения?

– Я хочу танцевать, – сказала я капризно и встала. Коснулась его шеи, и меня дернуло током, в испуге я отдернула руки и положила их на плечи. Вот как он реагирует, и смех, и грех, и хочется плакать от счастья и досады: почему молчит? Зато в миндальных глазах вижу свое отражение, я ловлю его, вбираю в себя и посылаю ему удвоенное восхищение, и снова и снова вбираю и отражаю, многократное счастье: удивительно, поразительно, не сравнимо ни с чем. Уже ничего не существует, кроме этого отраженного света, хочу видеть свое отражение в его глазах, в его лучах. Ничего подобного со мной не бывало, с ним, похоже, тоже впервые, весь как на иголках: руки дрожат, голос перехватывает, взгляд потерянный. Неужели материализуется моя мечта?

Что же будет в настоящей любви, если уже пребываю в необыкновенном состоянии? Но нельзя выдавать волнение, надо радоваться – мы встретились. Вот чего мне не хватало в жизни, от одной мысли, что сбывается, душа приходит в равновесие и успокаивается; хочется расправить спину, вздохнуть полной грудью и взлететь. Меня любят, любят так, как представлялось, но наяву это несравненно восхитительнее! Какая же она, эта любовь между мужчиной и женщиной? Скоро, очень скоро это мне откроется... Если одни только взгляды приводят в чудесное состояние, то какое же счастье может быть в полном слиянии? Раньше не могла представить, как умирают от счастья, но сейчас уже могу.

Похоже, раскисла, надо справиться с этим, ни к чему таять перед ним, а может, ничем это не кончится вовсе. Ни сердцем, ни умом не могу постигнуть, будто ураганом накрыло и несет куда-то, а куда? Ураган может стихнуть, и не узнаю, любовь, а я хочу узнать. Я со страхом подняла глаза, ища в его лице ответ, его глаза загорелись и расплавили мое нутро, в мозгу застыл вопрос: если это не любовь – тогда что? Однако он молчит и надо как-то действовать, но как? Ведь все может рухнуть? Но это несправедливо и жестоко, не могу допустить этого! Между нами недосказанность, почему он не борется за наши чувства? Он мужчина, он сильный и мужественный, конечно, он скажет, признается, назначит свидание. Надо только немного подождать, скоро, очень скоро все прояснится. Надо набраться терпения, развязка близка. Скоро музыка смолкнет, а ничего не меняется. Неужели наши страстные взгляды погаснут так же внезапно, как возгорелись? Выходит, самой придется начать, но не могу разжать рот, никогда не назначала свидания сама. Он тоже волнуется и смущается, онемел, что ли? Так все и оборвется, если сама не заикнусь, вот сейчас соберусь и спрошу, не хочет ли он встретиться? Только как же начать, может, спросить: я тебе понравилась? Глупо, очень глупо, нет, так нельзя, потому что это не просто «понравилась», а что-то совсем другое. Но я все-таки девушка, он может подумать, что я легкомысленна. Танец кончается, а он не может воспользоваться или не хочет? Музыка смолкла, и я разочарованно вернулась за столик.

Шаповалов начал атаку:

– Ехать надо сегодня, потому что завтра свободного номера может не быть.

– Я приеду утром на такси, – ответила я вкрадчиво и подумала: ехать сейчас рискованно.

– Может быть, вы сомневаетесь? Так я могу удостоверение показать, можете мне доверять, я тренер сборной, у нас железная дисциплина, – и он ткнул мне в глаза какое-то удостоверение. Я рассудила, что опасения преувеличенны, что на вид он солидный, зато буду жить в одной гостинице с Жанетом. Нет, нельзя оставлять встречу недосказанной, а если меня выставят из отеля, мы вовсе потеряемся. Хочу говорить с ним до самого утра, смотреть в его глаза

и прикасаться к нему. Да разве можно сейчас расставаться, когда только встретились? Может быть, я ждала именно эту встречу?! Нет уверенности, но очень похоже. Но Жанет молчит, вид озабоченный и злобный. От Шаповалова тошнит, но не станет же он применять силу, а потом, это же советская гостиница!

– Если вы гарантируете неприкосновенность, я поеду... – неуверенно ответила я.

– О чем вы говорите, Танечка, я серьезный человек – я тренирую сборную.

В машине нехорошо зануло сердце: надо попросить остановить возле моей гостиницы. Я, как замороженная, смотрела на мужественный профиль Жанета, надеясь на его веское слово, однако он только тяжело вздыхал. Значит, сейчас мы расстанемся и, возможно, навсегда, и ничего подобного в моей жизни больше не будет. Видимо, только сама могу спасти положение, надо намекнуть, только бы не выгнали из номера. Машина свернула на другую улицу, и я не сообразила, где выйти, потом поняла, что проехали. От нервного напряжения меня залихорадило, я не могла выдать ни слова. Рассудив, что они спортсмены, а не преступники, пустила все на самотек, но чем дальше мы ехали, тем сильнее нарастала тревога.

Машина остановилась у двухэтажного особняка. Я попросила водителя подождать несколько минут, на случай если не окажется места. Залаяла собака, вышла пожилая пара и радушно пригласила войти. Вроде ничего страшного, подумала я, но необычный вид гостиницы вызвал тревожное сомнение.

– Это ведомственная гостиница, здесь хорошо – засуетился Шаповалов.

– У вас есть свободный номер? – обратилась я к женщине.

– Поднимайся на второй этаж, там твоя комната! – не дав ответить, скомандовал тренер.

– Я хочу оформить обещанный номер, – настаивала я.

– Завтра оформим, а твоя комната на втором этаже, поднимайся, – раздраженно повторил Шаповалов.

По какому праву он командует, возмутилась я про себя, бежать отсюда, пока не поздно, я рванулась на улицу, но услышала визг отъезжающего авто. Внутри ухнуло: обманул. Да как же я поддалась на уловки, ведь чувствовала подвох. Ко мне подошел Жанет, я напряженно ждала его слова, но он только растерянно смотрел на меня с высоты 185 см. Я непонимающе глядела на него, он что – онемел? Прекрасно понимает, что поехала из-за него? Вдруг по его лицу пробежало сожаление, сменившееся глубокой нежностью, и на меня полилось тепло. В глазах накренилось, завертелось и понеслось, наши губы были совсем близко, казалось, вот-вот сольются, как вдруг раздался насмешливый голос тренера:

– Ну что, голубки, попрощались?

Меня передернуло от возмущения, в колени ударил страх.

– Спокойной ночи! – покорно протянул Жанет и криво улыбнулся.

Меня передернуло – и это все свидание? В колени ударил страх, попала впросак, он просто насмехается, что это значит? Неужели принял за шлюху? Эта пошленькая улыбочка не что иное, как оскорбление, а сам боится Шаповалова, выходит, рисковала из-за слабака? Я бросила гневный взгляд на Жанета и закричала глазами: «Ты же знаешь, что я поехала из-за тебя, почему бездействуешь?! Я не хотела с тобой расставаться, не побоялась, а ты меня отдаешь другому?» На его лице отразилось огорчение, и он виновато отвел глаза.

Неужели спокойно уступает этому наглецу, в ужасе подумала я, отказываясь верить в происходящее.

Остатки шампанского мгновенно выветрились, и в голове раздалось: бежать!

– Остановка далеко? – выпалила я.

– Минут десять, но уже темно, а через парк одной опасно, да и в автобусе одной... – протянул неуверенно Жанет.

– Парень, отбой, завтра подъем в шесть, Татьяна, поднимайся, – грубо напомнил Шаповалов.

Неизвестно, что опаснее – бежать или остаться, но не будет же он меня насилловать, попыталась я успокоить себя. Только эта сволочь просто так не отстанет, но ничего ему не обломится! Вот влипла-то, глупо все, ничего, я за себя смогу постоять. Шампанское голову вскружило, любовь показала, но как я могла поддаться на уловки, неужели такая легкомысленная? Нет, я оказалась под гипнозом, но сейчас отрезвела. Как необычно начиналось и как гадко кончилось. Сперва сдал меня, а теперь презирает: невиданная подлость! Сполна удостоверилась: нельзя мужчинам верить.

Шаповалов распахнул дверь и сказал: сегодня здесь переночуешь, переоденься в новый спортивный костюм, а я поищу себе другое место. И, конечно, ты его не найдешь, усмехнулась я про себя. Жаль, нет замка на двери. Но можно удрать, найти Жанета и постучать в окно, будем гулять до утра... только обрадуется ли он? Если бы влюбился, не подставил бы меня так подло. Как же можно после на него надеяться? Сейчас я не уверена ни в нем, ни в себе.

Появился Шаповалов и заявил, что мест нет, и что он будет спать на раскладушке, а я на койке.

– Ты заверял, что есть отдельный номер!

– Говорил, но сегодня приехал сотрудник и занял комнату.

– Ты обманул, но твои козни напрасны, не на ту налетел!

– Ты это о чем? – разыгрывая недоумение, поинтересовался он.

– Ты все прекрасно понял! – выкрикнула я, и тревожное предчувствие подступило к горлу, придется отбиваться от этого коротышки, но неужели Жанет покинул меня или все-таки появится, он же чувствует, что эта сволочь будет домогаться? Не верю, что он оставил, он обязательно придет, а что если нет?

Шаповалов тихо лежал на раскладушке, но я понимала, что это мнимое спокойствие, и приготовилась отбиваться.

– Сними костюм, здесь жарко. Ты что, не слышишь, он шерстяной, – повышая голос, настаивал Шаповалов.

Я молчала, но в душе росло возмущение: да он мне приказывает, но по какому праву?

– Здесь душно, а не жарко, открой окно, – попросила я.

– Нет! – жестко возразил он.

Меня поразил не сам отказ, а грубость тона. Внутри похолодело: я погибла, он настоящий деспот. Но страх сменился злостью, и, повышая голос, спросила:

– Почему нельзя открыть окно? Я задыхаюсь, мне плохо, слышишь! Или я заключенная? Обманщик! Ты меня заманил! – истерично закричала я, и он нехотя открыл окно. Затем резко приблизился, я сжалась от страха и приготовилась отбиваться. Но он сел на край койки и ласково пролепетал:

– Давай снимем это, здесь жарко.

– Мне не жарко, – отрезала я, застегнув замок до самого горла.

Шаповалов ловко дернул, открыл молнию и воскликнул:

– Какая грудь!

Его невольное восхищение обескуражило, я даже забыла, что ненавижу его. Интересно, а что бы он сказал, если б увидел обнаженную грудь? На мгновение захотелось сбросить лифчик. Он принялся медленно опускать бретельки, я испугалась и закричала:

– Не смей прикасаться ко мне, скотина!

– Не ори, нас услышат!

– Пусть слышат, как ты домогаешься! Воспользовался ситуацией!

– Ты мне нравишься!

– Но ты мне нет.

– И напрасно, – сказал, – вот и скотиной обозвала, ты мне очень понравилась.

– И поэтому ты запер меня, на что надеешься?

– На то, что понравлюсь.

– Ты мне никогда не понравишься! – выкрикнула я.

– Ты меня не знаешь, поэтому так говоришь.

– Пожалуйста, вызови такси, я поеду в гостиницу, – захныкала я.

– Вряд ли кто поедет сюда ночью в одну сторону.

– Я заплачу по двойному тарифу.

– Хорошо, я попробую, – примирительно сказал он и ушел. Через пять минут вернулся и объявил, что телефон не работает.

Было бы удивительно, если бы он работал, усмехнулась я про себя, но передохнула немного, и то хорошо.

– А что тебя здесь не устраивает? – спросил Шаповалов.

– Твое присутствие!

– А знаешь, сколько мне денег дали?

– Плевать мне на твои деньги.

– Десять тысяч, – похвастался он, надеясь произвести сильное впечатление.

– Не тебе дали, а на команду, а не на рестораны и баб, – парировала я, – но если бы даже деньги были твои, я бы все равно не клюнула!

– Ах, вот ты какая! – воскликнул он.

– Да, такая! Неужели я похожа на трехрублевую простушку? – насмешливо спросила я.

– А ты мне такая еще больше нравишься! – восхищенно парировал он и, резко дернув молнию моего костюма, навалился всей своей железной массой на мою грудь и больно впился в губы. Ужас и отвращение охватили меня, я забилась в его клешнях, как пойманная рыбешка, и думала, мне конец. Как вдруг сработал инстинкт самосохранения, и я со всей силы впила ногтями в его спину, однако, поняв, что это для него комариный укус, закричала:

– Скотина, только тронь меня, в милицию заявлю!

– А кто докажет? – осклабился он.

– Экспертиза, я девственна.

Он недоверчиво ухмыльнулся, но отступил: «Я не насильник, хочу, чтобы ты сама».

– Я же сказала, что этого не будет!

– Это почему? – спросил он растерянно.

– Все время врешь, изворачиваешься и хочешь, чтобы я полюбила? Ты мне сразу не понравился, а сейчас просто опротивел, меня тошнит от тебя!

– А вот ты это напрасно, я вроде не урод. Ничего, я тебе еще понравлюсь, – произнес он и расслабился.

Воспользовавшись заминкой, я легла на раскладушку. Я боялась, что он перекинется ко мне, однако он пустился в мечтательные рассуждения:

– А вот ты мне сразу понравилась, ты вся такая женственная, милая, в тебе есть что-то влекущее, неужели я тебе ни капельки не нравлюсь?

Я промолчала, а про себя думала: у меня еще и ножки классные, только тебе их не видать, как своих ушей. Хорошо заливаешь, но меня этим не возьмешь, однако слышать это приятно, как ни странно. Обидно, что Женька никогда ничего подобного во мне не замечал. Я чувствовала, что обессилена, что нервы оголены, и жадно наслаждалась свободой, собиралась с силами, понимая, что передышка скоро закончится. И вдруг уколола ядовитая мысль: я оказалась заложницей любви, и даже не любви, а ее обещания. Во мне начала подниматься обида: если бы между нами встали неодолимые препятствия, еще можно было бы понять, но осознавать, что тебя предали, невыносимо. Такую подлость прощать нельзя, обидно, что ради труса рисковала. Неужели Жанет спокойно спит и не чувствует, что попала в беду из-за него? Или боится Шаповалова, чем же он его застрашал?

Жанет, выдохнула я, и боль сдавила грудь, почему ты оставил меня, или мне все это привиделось? Чутье подсказывает: он не спит, он думает обо мне и тоже мучается, он еще может прийти. Вот шаги в коридоре... он идет, я жду, спаси меня... но почему же ты не идешь, ведь я из-за тебя страдаю! Неужели ты не чувствуешь, не слышишь, что здесь происходит? Или он думает, что я могу лечь под этого мерзавца? Сердце разрывается от несправедливости: ничего он во мне не понял и не увидел, не стоит он моих страданий, даже мыслей не стоит. Мало того, что приходится бороться за себя, так еще и чувствую себя шлюхой.

Получается, меня обвели: поманили конфеткой, и, как глупая кошка, помчалась, стыдно какой. Почему не прислушалась к рассудку, ведь он подсказывал: выйди из машины! Затуманило разум, будто опоили чем-то, любовь померещилась. Вот так любовь! Или она всегда начинается с безумства? О любви лучше забыть, главное, выйти отсюда целой и невредимой, значит, надо договариваться. Теперь воочию вижу мужское коварство, это послужит хорошим уроком.

– Я хочу жениться на тебе! – заявил Шаповалов.

– А ты разве не женат? – поинтересовалась я насмешливо.

– Нет, не женат, – ответил он, но как-то неуверенно.

– В командировке все холостые, – сказала я и подумала: наглостью не взял, так решил обманом, но лучше не перечить, я измотана.

– Как же собрался жениться, если меня не знаешь?

– Все, что мне надо, я вижу! – ответил он убедительно.

– Но я тебя совсем не знаю, нельзя одним махом решать жизнь.

– А вот и будем знакомиться, – сказал он и лег рядом. Неужели опять будет помогаться, надо как-то потянуть, скоро светает.

– Тебя можно просто поцеловать?

Я решила не перечить, но он впился в губы так, что я едва не задохнулась, из глубины поднималась тошнота, казалось, он хочет сожрать меня. Я вся напряглась, сжалась и уткнулась лицом в подушку, готовясь к отражению грубой силы, ничего ты от меня не получишь, нахал! Однако он изменил тактику и заскользил губами по затылку, плечам, спине. Навязчивый гад, думала я, видит, что противен, но продолжает настаивать, а держать напряжение невозможно, скоро лопну, я отпустила мышцы и расслабилась. Как вдруг в один момент поймала себя на мысли: получаю удовольствие и хочу продолжения ласк. Но в мозгу что-то щелкнуло и закричало: опасность, я вывернулась и вскочила с койки.

– Не глупи, мы же все решили, – сказал он миролюбиво.

– Это ты решил, но не я.

– Я серьезно хочу жениться.

Я промолчала, а он, повышая голос, раздраженно повторил:

– Хочу на тебе жениться!

– Как только увидел, сразу захотел? – усмехнулась я, и вдруг до сознания дошло: ему надо одержать победу. В кафе мог бы снять бабу, только ему надо сломить именно меня!

– Да! Как только тебя увидел! – воскликнул он.

– Но ты прекрасно видел, что мне не понравился.

– Неужели я тебе совсем не нравлюсь? – он произнес так жалобно, что во мне всколыхнулась надежда, по-человечески заговорил, может, оставит в покое?

– Я совсем не знаю тебя, – ответила я спокойно, – давай встретимся завтра, я очень устала.

– Зачем же терять время?

Я не знала, что ответить, все аргументы были исчерпаны, а он принял молчание за согласие и вновь принялся целовать, но уже мягко и проникновенно. Отвращение спало, но осталась неприязнь и ощущение мягкого насилия. Я позволяю целовать и теряю уважение к себе,

мне приходится прогибаться, но я обессилена. Он противен, но он намного сильнее, он может скрутить меня и изнасиловать. Вдруг в глаза бросилось кольцо на пальце.

- Так ты женат! – сказала я радостно, наивно полагая, что он отступится.
- Нет, кольцо на левой руке, – возразил он горячо.
- Долго ли переодеть?
- Это кольцо родовое, я дворянин, мне надели его в восемнадцать лет, и оно не снимается.
- Так ты по своему дворянскому происхождению наглец? – усмехнулась я.
- Я не наглец, просто ты мне очень понравилась.
- И ты намерен завоевать любовь, сломив меня?
- Ты не знаешь меня, я очень нежный и сильный.

И он вновь принялся брать меня нежным приступом. Как выдержать этот натиск, просто пытка какая-то, думала я, осталось немного продержаться, уже светло, пусть обнимает, черт с ним, бороться нет сил. И тут на ум пришла мысль, которая залетела мне после разрыва с Женькой, отдаться первому встречному. Сегодня вновь убедилась: любовь – это мираж. Не к чему изводиться ожиданиями, разочаровываться, надо просто начинать жить с женщиной, как все, как большинство. Конечно, это не мой идеал, и даже не нравится, к тому же наглый. Но, похоже, я очень понравилась, может, не стоит его отталкивать, а стоит лучше приглядеться? Видать, настойчивый, упорный, карьеру сделал, и сам не урод, даже симпатичный. Может, взять и согласиться назло Жанету и выйти за него, если не врет, конечно? Раз Жанет отказался, может, согласиться? Но только не к душе он, нет ему доверия, подленький, гаденький какой-то.

Ласкает ничего, даже приятно, если закрыть глаза и представить другого, например, Жанета, какое счастье можно испытать должно быть... Вдруг в один момент нутро настойчиво зануло, из глубины поднялось неведомое желание и стало разъедать мозг: хочу! Не знаю чего, но хочу! Так, может, стать женщиной? Последовать совету: если тебя насилюют, расслабься и получи удовольствие.

Нет, если уж отдаваться, то достойному и по влечению, чтобы остались хорошие воспоминания, возмутился разум. Он просто возбудил, и даже не меня, а мое тело – душа отторгает его! Тело у него красивое, но оно вызывает неприязнь: прет, как танк, но ему меня не подмять. Это спортивный азарт – взять меня любой ценой, и если я уступлю, то позволю себя подмять. Мое желание сиюминутно, оно даже не мое, а навязанное грубым мужиком, но как он мог распалить желание? Вовсе не его хочу, а какого-то непонятого насыщения. Страх, гадливость и животный зов смешались и затрясли тело. Непостижимо, как я могу желать эту скотину, какой же дьявол внутри?! И я заорала:

- Скотина! Отпусти!
- Тише, – приказал он, – нас слышат.

Так вот чего он боится, вот его слабое место, обрадовалась и вдруг поняла, он сильнее физически, но не духовно, правда за мной. Эта мысль придала сил.

- И пусть слышат! Пусть узнают, кто ты есть на самом деле, и буду орать, отпусти меня!

Он зажал рот губами, навалился сбитым телом и сжал в тиски. Пронзил ужас, но сработал инстинкт самосохранения, и я со всей силы впилась зубами в его железное плечо, он застонал, отпустил и простонал:

- Ты что?

Он повернул голову, рассматривая рану, а я вскочила.

– Как я теперь покажусь, полюбуйся, что ты сделала! – он показал красный отпечаток от зубов. – Ну, измотала же ты меня! – бросил он гневно и бухнулся на раскладушку.

Я облегченно вздохнула, кажется, отстал. Целую минуту я дышала полной грудью, наслаждаясь и переваривая происшедшее: ну и подлец, оказывается, я его насиловала, я довела до иступления. И вновь забила тревога: а вдруг начнет мстить? Я больше не выдержу борьбы,

меня трясет от слабости, от оскорбления, я подумала, что хорошо бы пустить слезу, может, сжалится. Однако слез не было, внутри все пересохло, и я взмолилась:

– Оставь меня, Христа ради, не порти жизнь, если я тебе хоть немного нравлюсь – оставь!

– Оставить говоришь? – переспросил он раздраженно. – А может, пригласить Жанета?

Жанет, радостно отозвалось во мне, неужели мы расстались всего несколько часов? Я так измучена, что забыла, как и почему здесь оказалась, а Жанет остался где-то в другом пространстве и времени. Хочу его увидеть, рвалось из груди, одним взглядом бы успокоил. На языке вертелось «хочу-хочу», но интуиция предупреждала: провоцирует.

– А он парень завидный – джигит! Так, может, позвать, что молчишь?

Хочу, но меж нами пропасть, все погибло, на теле липкие отпечатки гадины, я чувствую себя испоганенной и виноватой, да придется оправдываться, доказывать, что не шалава, я не хочу ничего доказывать, это оскорбительно.

– Я заметил, он тебе понравился...

Мне так хотелось бросить ему в рожу: да что ты мог заметить, грязная скотина? Но разум остановил, не надо злить. Я хочу его видеть, но это опасно, подлостью пахнет.

– А хочешь, приведу двоих, и тебя изнасилуют?

Ну и тренер сборной, на преступление намекает, еще и запугивает. А я хотела слезами его разжалобить!

– Зови, если хочешь за решетку, мой папа – прокурор! Закачу такой скандал, что тебя с работы попрут раньше суда! – Я выпалила это таким уверенным тоном, что сама поверила во всемогущего папу. Выражение бесстыдной уверенности мгновенно сменилось растерянностью. Вот как надо действовать с хамами, обрадовалась я, почему раньше не сообразила?! Вскоре я услышала сонный храп и перекрестилась: «Слава Богу, кошмар позади, можно отдохнуть». Однако нервное перевозбуждение не давало заснуть. Я выбралась на террасу через окно и увидела идущую с нее на улицу лестницу, во мне разлилось сожаление, как же я не догадалась выглянуть в окно, ведь можно было сбежать. И почему я пошла в эту комнату, почему подчинилась чужой воле, почему не проявила смелость, ведь сразу чувствовала подвод? Да, чувствовала, только до конца не верила, что тренер может быть распутником.

Может, попробовать отыскать Жанета, подумала я, но внутри заскрипела обида: он сдал меня, бежать немедленно! Я вернулась в комнату и объявила, что уезжаю. Шаповалов не ответил, его лицо выражало безразличие. Я молча усмехнулась, обломал зубки, и весело подзадо-рила:

– Так что – женимся или нет?

– Ну да... – ответил он как-то неуверенно.

– Или уже передумал? – съязвила я и заметила, что он избегает смотреть в глаза.

– Завтра приеду и перевезу тебя, сейчас надо ехать на тренировку, – ответил он уклончиво.

Интересно, как бы он вел себя, если бы я уступила? И что-то внутри подсказало: да точно так же косил бы глазами и не знал, как от меня отделаться. Вот бы вывести его на чистую воду, только как? Я взяла сумочку со стола, и вдруг в глаза бросился листочек бумаги – телеграмма с подписью «Наташа».

Да, он женат, но неужели такой лжец? Возможно, телеграмма не ему, ухватилась я за эту мысль как за спасательный круг, иначе просто невыносимо сознавать, в каких грязных руках побывала. Он перехватал мой взгляд, смутился и поспешно объяснил: «Это сестра, она беременна, просила купить для малыша...» – его голос оборвался, а я меня сразил ужас: «Дрянь, последняя дрянь; жена беременная, а он другую заманивает, да еще жениться обещает». И эта дрянь, из-за своей похоти грубо вторглась в мою жизнь, повергла в стресс и разбила зарождающиеся чувства, и все для того, чтобы сломать меня. Значит, вот каковы мужчины, готовы на преступление, чтобы спустить свою дурь, а утром тебя выбрасывают, как использованный

презерватив. Вот значит, какая она, эта мужская правда! Жутко вспомнить, в момент слабости я едва не сдалась. Я вымазана грязными лапами, и эта грязь проникает внутрь и разъедает. К горлу подступил ком, в глазах потемнело, в ноги ударила слабость, я схватилась за дверной косяк и едва устояла.

– Что с тобой, ты побледнела? Приляг, – предложил он испуганным голосом.

На языке вертелось: от твоего насилия и лжи сознание теряю, но я почему-то выдавила:

– Очень устала, не спала.

И вдруг в голову ударило, а ведь схватка была опасной, мог изнасиловать. От этой мысли накатил жуткий страх. Я пыталась успокоиться, уговаривала себя, что все обошлось, что я выстояла, но нервы продолжали вибрировать. Переведя дух, я подумала, что должна вести себя как победительница, что смущен и чувствует вину. Но я не ощущала победу, на душе было гадко, на собственной шкуре убедилась: кобели они, а я еще не верила. Скорее к себе, отмыться от грязных лап, от зловонья и лжи! Но надо отыграться.

– Если ты передумал, я без претензий, – иронично бросила я.

– Я же сказал, завтра... – но мужской неуверенный голос сорвался.

– Да-да, перевези в отдельную комнату, буду очень ждать, – со смехом подтвердила я.

– Извини, не могу проводить, но тебя доведут до остановки.

Я возмутилась про себя, он бы еще изнасиловал, а потом бы извинялся. Залепить бы пощечину, но опасно, как же отомстить за поруганные чувства? Однако моя фантазия не могла ничего придумать, и с язвительной улыбкой сказала:

– Буду ждать, непременно приезжай!

Бежать отсюда и забыть эту гадкую историю, успокаивала я себя. Утро было солнечное, пахло сосновой свежестью, ночной кошмар постепенно рассеивался. Меня сопровождал приятный парень, я попыталась заговорить, но парень держался подчеркнуто холодно. Это задело за живое: считает меня гулящей. А он, похоже, умный и воспитанный, но всем своим видом выражает презрение. Захотелось крикнуть: ничего не было! Я не такая, я вообще девочка и даже очень наивная, пострадала от простодушия, моя вина в неопытности. Интересно, а могла я понравиться этому парню? Жаль, что его не было вчера, он, кажется, интеллигентный и ответственный, на подлость не способен. Наверное, я уже не могу понравиться хорошему парню, я поступила легкомысленно. Даже не в нем дело, перед собой стыдно: едва приласкали, и я помчалась неизвестно куда. Но как же я могла спороть такую глупость, отчего не послушала голос разума, ведь он шептал: не ездить?! Не иначе, как меня опоили, может, любовь так и начинается – с опьянения? Так ведь и не было никакой любви – вот что обидно, только показалось. Как я могла опростоволоситься, когда всегда была тверда, когда с теоретической механикой и даже сопроматом справилась? Есть только одно оправдание этому поступку: я обретаю опыт. И теперь четко уяснила: если мужик приглашает куда-нибудь, пусть под самым благородным предлогом, это значит одно – тебя хотят вы... ть! Я не победила, а обманулась, в первый же миг, когда поверила в любовь, и наказана за轻信. Бежать в отель, отмыться, если меня еще не выгнали, а вдруг выгнали, куда идти, когда от усталости с ног валюсь?

Администратор гостиницы предложил мне продлить пребывание, и моя досада поднялась с новой силой: если бы знать это вчера! После отдыха и сна тяжелые впечатления улеглись. Я пыталась переварить происшедшее и зашла в тупик, как же встречаться с мужчинами, если они тащат в постель? Даже Жанет, который восхищался и взирал на меня, как на богиню, и тот записал в гулящие? Шаповалов меня оболгал, это ясно, но неужели Жанет поверил? В конце концов, дело не в Жанете, а в том, как найти мужа, если любовь только мерещится, а вокруг ложь и похоть? Но неужели с мужчинами всегда так путанно и гадко? Я хочу до конца разобраться, до самой сути – где ложь, а где правда! Мне кажется, что Жанет придет, он не может

поверить оговору. Несколько дней во мне бродило чувство несправедливости, а на третий оно выиграло.

Нельзя оставлять ложь без ответа, решила я, хочу глянуть в бесстыжую рожу и посмеяться – что, раздумал жениться? Представляю, как этот змей завертится. Пусть извинится за обман и насилие, пусть расскажет Жанету, как все было. Наверное, у нас ничего и не получится, но истина должна восторжествовать! А если будет отпираться, пригрожу заявлением за попытку изнасилования. Если мужчина не сумел за меня постоять, постою сама за себя. Я им покажу, как меня записывать в шлюхи! Но главное, хочу Жанета спросить, что же было в тот вечер, чтобы впредь не обольщаться. Если такие страстные взгляды на самом деле лживая игра, то надо найти противоядие, чтобы в другой раз знать – это не любовь, а кобелиная похоть! Конечно, стыдно что-то выяснять, даже идти стыдно, сама оплошала, уши развесила. Ради правды надо перешагнуть через стыд, прощать хамство нельзя. Я выведу их на чистую воду, и пока не разберусь – не успокоюсь. Хоть не поступила в юридический институт, но сидит следователь во мне, не умер, вот и проведу расследование. Стыдно должно быть ему, а не мне. А если вдуматься, то стыдиться надо не мне, а им, потому как они вели себя подло и лживо. Я была полна решимости, но, оказавшись у коттеджа, оробела и потерялась: кого спросить? При мысли, что увижу Шаповалова, меня затрясло от отвращения, конечно, я пришла к Жанету, только боюсь произнести его имя. Да и о чем нам говорить: он не пришел, значит, поверил в оговор, а я должна еще и оправдываться?

Олег

Я хотела повернуть обратно, но на встречу вышел парень и вежливо спросил: «Вам кого?» Он приветливо улыбался и располагал к откровению, я осмелела: «Шаповалова».

– Он у себя, проходите.

Мы вошли в комнату, но она оказалась пуста.

– Подождите Володю, я сейчас найду его.

Я опустилась на стул, кошмар той давней ночи живо встал перед глазами, в животе начало нервно пульсировать, как буду «припираться» к стенке, когда у самой поджилки трясутся, когда противно от одной мысли его видеть? А я еще хотела следователем стать, хорошо, что родители отговорили, чтобы преступников допрашивать, крепкие нервы иметь надо. В комнату стремительно вошел высокий широкоплечий парень и объявил:

– А Володя уехал по делам. – Широко улыбаясь, он протянул руку и представился: – Олег.

Олег! – отозвалось внутри звонким эхом. Я глянула в его лицо, и меня обдало удивительной волной, в нем было нечто поразительное. Смысл сказанного не сразу дошел до сознания, но когда волна схлынула, я облегченно вздохнула, вот и хорошо, что уехал, не о чем говорить с насильником, лишний раз испачкаешься и только. Не хочу видеть ни того, ни другого – оба подлые. Однако надо что-то ответить этому Олегу, сразу разворачиваться неловко, и я поинтересовалась:

– А Жанета можно увидеть?

Этот Олег ни на кого не похож, думала я, с интересом рассматривая парня: открытый и загадочный.

– Все уехали на тренировку, – ответил он. – Вы подождите, – предложил Олег и бухнулся на кровать.

Что же меня поразило в этом Олеге, думала я, рассматривая его искоса. Первое, что приходит в голову, глядя на него: совершенно русское лицо. Красивым не назовешь, лицо грубоватое и широкоскулое, распахнутое миру. А могла бы я ему понравиться? Господи, что за глупости лезут в голову, не хватало новых приключений, с Жанетом не разобралась, но перекидываюсь на другого, неужели я из серьезной девушки за месяц превратилась в ветреницу? Хотя, что с ним разбираться, и так ясно – предатель, меня забыл. А Олег просто заворачивает, но почему он волнует меня, не просто волнует, а будоражит? С ним ничего не может быть, но хочется понять, так ли он прост, как кажется. Наверное, недостаточно хороша для него, говорить не хочет, но и молчать неловко.

– Здесь, как на курорте, красиво, – осторожно заметила я.

– Да, – подхватил Олег, – очень красиво, здесь недавно кино снимали про индейцев, а еще здесь ягоды растут, не знаю, как называется, от нее руки черными становятся.

– Это черника, я слышала о ней и хочу посмотреть, как растет, покажете?

– Можно, – отозвался парень и неохотно встал.

Мы шли по лесной тропинке, я с наслаждением вдыхала воздух и удивлялась, какой чудесный день, солнечные лучики переливаются в еловых веточках, а рядом необыкновенный парень. Не пойму, откуда он взялся, с неба свалился, что ли, я ведь ехала к Жанете? От этой мысли стало стыдно: я плохо поступаю, зачем-то ташу в лес этого Олега, да еще радуюсь. Вовсе не ему, а лесной свежести радуюсь, солнцу и свободе! Я в прекрасном настроении, в конце концов, не одной же мне отправляться в незнакомый лес. А к Жанете ехала за правдой, а не на свидание. Не хочу разгадывать болезненные ребусы: хочу вдыхать свежий воздух и наслаждаться прелестью: рядом такой замечательный парень!

– Вот пришли, здесь они растут, – сказал Олег, – надо присесть и смотреть снизу, вот так.

– А я ничего не вижу, не знаю, как выглядит эта ягода.

Олег подошел ко мне и, ослепительно улыбаясь, протянул несколько ягод. Внутри ухнуло: он ни на кого не похож, он великолепный, моего любимого роста – 1,85 метра. Какая большая и мягкая ладонь, наверное, чудесно оказаться в его руках. Но вряд ли ему понравилась, не красавица, но и не дурнушка, вполне могу понравиться?

– Спасибо, теперь вижу, как выглядит черника, – сказала я.

– Попробуй, только осторожно, смотри не испачкайся.

Его голос дышал заботой и нежностью, я смутилась и почему-то вспомнила, как в детстве мама вот так же трогательно давала таблетки. Но то была мама, а тут незнакомый парень: что это значит? Интересно, он ко всем внимательный или только ко мне? А вот Женька никогда обо мне не заботился, я даже не чувствовала его тепла. Откуда это странное ощущение, будто мы давно знакомы и даже чем-то похожи. Ну да, я тоже открыта миру, естественна и люблю улыбаться. Не знаю, считает ли он меня красивой, но в его глазах сквозит неподдельный интерес. Его взгляд не ударяет молнией, не прожигает, но тихо обволакивает и затягивает в его орбиту. Наверное, это более обнадеживающее чувство, чем страстные вспышки с головокружением.

Он просто смотрит на меня, а я на него, и вроде ничего не происходит, однако в пространстве что-то меняется. Он не пытается приблизиться, но непонятным образом мы сближаемся. Ладно, успокойся, это всего лишь фантазия и волнение, утешала я себя, с Жанетом тоже грезилась необыкновенность. Но почему бы и не помечтать на лесной полянке, рядом с интересным парнем, возможно, больше никогда не встречу такого великолепного? Это ничего не означает, тем более он избегает смотреть на меня. Надо понаблюдать, вот поворачивает голову и боковым зрением следит за мной, я мельком бросаю взгляд, но он тут же опускает глаза, словно страшится встретиться глазами. Почему, ведь ничего интимного нет: чудесный день, мы молоды и собираем ягоды. Как хорошо, что я надела именно это платье, оно выгодно показывает декольте, грудь, открывает идеальные коленки. И все-таки мне кажется, его не трогают мои достоинства. Наверное, у него есть девушка и красивее меня. Конечно, у такого парня есть девушка, лучше о нем забыть. А своей неотразимой улыбкой он одаривает всех. Какое мне до него дело, до его улыбки, я пришла не к нему, всего час назад даже не знала о его существовании. Хорошо бы удалось увидеть Жанета, а с Олегом ничего и быть не может. Конечно, ничего, он в кусты уткнулся, а меня игнорирует, ну и черт с ним, мне нет до него дела, он случайный парень. Как-то неловко, вроде мы вместе пришли на полянку, а я будто одна, пора напомнить о себе.

– Ты вот находишь ягоды, а я не очень, – пожаловалась я.

– А ты присядь, а не сгибайся.

– На каблуках неудобно.

– Сними туфли, здесь мох.

– Это не туфли, а босоножки, – поправила я кокетливо.

Как великолепно он сложен, стройный, косая сажень в плечах, шея крепкая, наверное, чудесно на ней повиснуть. С виду мужественный, интересно, а он уступил бы меня Шаповалову? Я изящно поставила ногу на пенек и медленно расстегнула ремешок босоножки, затем демонстративно поменяла ногу, напряженно следя за Олегом, неужели его не трогают мои точеные ножки? Но Олег даже не глянул в мою сторону, он увлеченно собирал ягоды. Я попыталась заглушить досаду, насильно мил не будешь, пусть кушает свои ягоды. Присев на корточки, скоро поняла, что такой позы долго не выдержать, но зато выгодно обзревается моя прелестная грудь. Не верю, что не нравлюсь, он скрывает интерес.

– Коленки болят, я же не спортсменка, – капризно сказала я, прислонившись к дереву. Может быть, все-таки обратит внимание, как живописно смотрятся мои ножки на фоне сосны? Не поднимая головы, он ответил:

– Тренируйся.

– Предлагаешь каждый день ягоды собирать? – спросила я шутливо.

– Можно, мы здесь еще долго будем, – сказал он, бросая обворожительный взгляд.

Олег встал и медленно, вразвалочку, подошел и протянул ладонь с ягодами. В голове промелькнуло: большой ребенок.

– А тебе? – удивилась я.

– Это для тебя, мы тут каждый день едим.

Я наклонилась и прикоснулась губами к его ладони: меня обдало благодатным теплом и страшно захотелось окунуться в него с головой. Я подняла глаза и встретила с нежной волной, внутри затрепетало: почему он смотрит на меня как на свою девушку? Когда Олег улыбается, сердце тает, неужели понравилась? Не пойму, какой именно взгляд, но исходит из самого сердца и хочет проникнуть в глубину, что это означает? Так на меня еще никто не смотрел, но это истинное ощущение или кажущееся? Такой парень восхищается мной! Неужели вот так запросто можно стать счастливой? Но надо что-то говорить, чтобы не выдать волнения.

– Я в политехническом институте учусь, на третий курс перешла, а ты?

– Разве не видно, где я учусь? – расплылся Олег в улыбке.

Боюсь на него смотреть, нельзя, чтобы он догадался, отметила я про себя.

– Правда, что ваш город очень красивый?

– Да, много парков, фонтанов и горы.

– После окончания института я мечтаю уехать куда-нибудь... – мне захотелось добавить: может быть, в ваш город, если пригласишь. Но я не решилась, а только с горечью подумала: меня тянет к нему, жаль, что мы живем в разных городах. Господи, какие глупости лезут в голову, мы только общаемся, легко, непринужденно и у нас обоих есть чувство юмора. Мне приятно идти рядом с ним, перебрасываться глупыми словами, улыбаться и ловить сияние карих глаз, мы плывем на одной волне. Может быть, именно так все и начинается, с такого непосредственного общения? При этой мысли внутри кольнуло – счастье возможно. Надо жить тем, что происходит в эту минуту – она неповторима. Как удивительно все оборачивается, приехала к Жанету, а тут Олег, а может быть, с Жанетом познакомилась для того, чтобы встретиться с Олегом? Вот именно, восторженность Жанета погасла так же мгновенно, как и загорелась, у Олега интерес глубокий.

Раздумья прервал голос Олега: «Мне пора, начальство возвращается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.